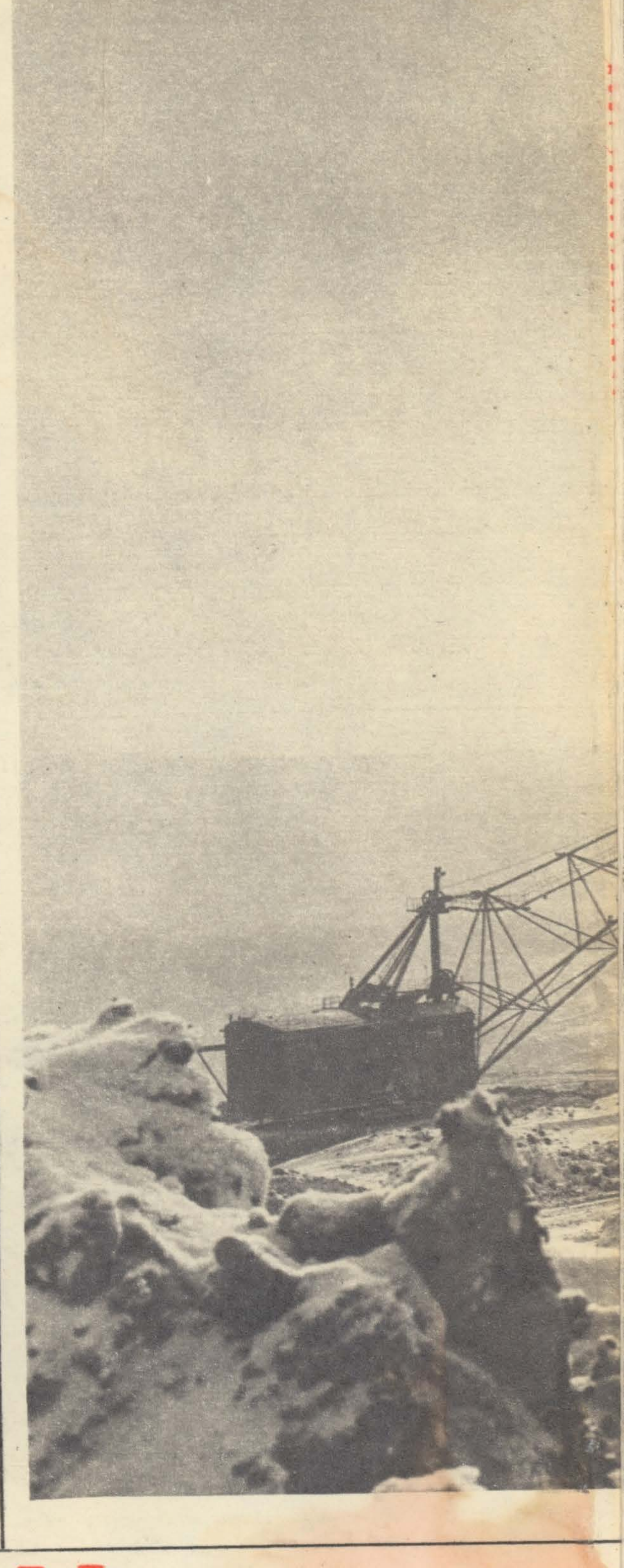

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 10 МАРТ 1978

Герой Социалистического Труда экскаваторщик Василий Ермолович.

РУДНЫЙ ГО

Сепараторщицы Любовь Боровкова, Зоя Озерных, Людмила Мазалова.

Днем и ночью работают рудовозы.

Экскаваторщик Евгений Веревочкин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2643)

4 МАРТА 1978

Один из карьеров Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината.

РИЗОНТ

НИ ОДНОГО ОТСТАЮЩЕГО РЯДОМ — ВОТ БОЕВОЙ ДЕВИЗ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА, ВОТ ВЕЛЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ!

Из Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ

Н. БЫКОВ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Стужа клубится в глубине карьера. Серпантин дороги кружит, спускаясь заснеженными петлями все глубже и глубже. Там, внизу, проползают «вертушки» со скальной породой и рудой, снуют «БелАЗы», безостановочно черпают руду экскаваторы. Сверху, из диспетчерской, и рудовозы, и медленные составы заиндевелых думпкаров, и верткие экскаваторы с белыми ладонями ковшей — все они сверху кажутся игрушечными. Позже, когда спустишься на нижние горизонты, поближе к рудному телу, те же машины поражают своими размерами, стальным лязгом в морозном, легко раскалывающемся воздухе, напряженным ревом моторов.

Индустрия современных рудокопов впечатляет. Людей почти не видно. Незримые, они круглосуточно, смена за сменой, поднимают из этой рукотворной пропасти на дневную поверхность тысячи тонн руды, а еще больше — пустой породы, залегшей на пути к руде. Люди — это двадцать лет жизни Рудного, легендарного города в глубине кустанайской степи, надежного кормильца отечественной черной металлургии. Ибо руда Казахстана — сегодня верный и трудный хлеб ненасытных домен Магнитогорска, Челябинска, Орска и Караганды — казахстанской Магнитки, в общем, пятидесяти металлургических заводов страны.

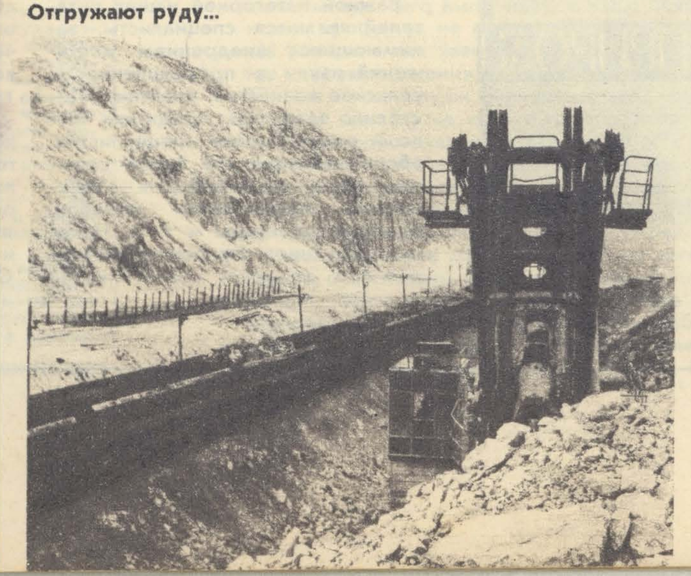
Рудный, орденоносные Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат и строительный трест славны героями труда, инициаторами различных починов. Как сказал секретарь горкома партии Болатай Карымович Асатов, без борьбы, без соперничества в работе, без починов нельзя и дня прожить. Рудненцы помнят соревнование за право выбрать первый ковш руды, потом — за первую миллионную тонну руды, потом боролись за то, чтобы пустить комбинат на два года раньше намеченного срока, потом — за скорейшее освоение мощностей. Шли годы, качественно менялись задачи, производственные и социально-культурные, и качественно менялись средства их достижения. Герои-инициаторы обрастали единомышленниками, последователями, рекорды становились нормой.

Теперь жизнь рудненцев подчинена новому велению: ни одного отстающего рядом! Что для этого надо сделать практически? Вот коллективный ответ рудненцев: развернуть массо-

Продолжение см. на стр. 3

Отгружают руду...

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

23 февраля из Москвы в Дамаск отбыл Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации САР. Он находился в нашей стране по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с официальным дружественным визитом.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Сирийской Арабской Республики и Советского Союза, Х. Асада провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко.

На снимке: Проводы на аэродроме.

Фото А. Гостева

НАУКА «ИЗ ПЕРВЫХ РУК»

На днях подписчики известного научно-популярного журнала Академии наук СССР «Природа» получили необычный номер. Среди его авторов Максим Горький, Г. М. Кржижановский, академики И. П. Павлов, И. И. Мечников, С. И. и Н. И. Вавиловы, Н. К. Кольцов, А. Е. Ферсман, В. И. Вернадский и другие выдающиеся ученые нашей страны, блестящие популяризаторы достижений отечественного естествознания. Перепечаткой статей, опубликованных в журнале за 66 лет его существования, редакция решила отметить выпуск своего 750-го номера.

Наш корреспондент обратился к главному редактору «Природы», известному советскому физику, члену Президиума Академии наук СССР и председателю Правления Всесоюзного общества «Знание», лауреату Ленинской и Нобелевской премий, Герою Социалистического Труда академику Н. Г. БАСОВУ с просьбой рассказать о журнале читателям «Огонька»

— Это один из старейших советских научно-популярных журналов, выходящий с января 1912 года без перерывов, без изменения названия и, главное, без изменения характера журнала, его основных принципов. Он был создан группой демократически настроенных русских ученых. И с самого начала был журналом, который выпускается учеными для своих коллег из смежных областей естествознания. Со временем, по мере развития науки в нашей стране, развития научно-технической революции необходимость в таком журнале постоянно возрастала. В наше время он стал особенно важен. Это подчеркивалось и на проходившем на днях обсуждении «Природы» на заседании Президиума Академии наук СССР.

Важной категорией наших читателей являются специалисты, занимающиеся внедрением достижений науки в промышленность, сельское хозяйство, практику. Постоянно возрастает среди них число и разнообразие специалистов, обслуживающих все более сложные научные «приборы» — ускорители, космические корабли, ядерные реакторы и т. п. Наконец, все шире становится категория лиц, по долгу своей службы обязанных знать положение в естествознании в целом,— от научных журналистов до работников партийного и государственного аппарата.

Очевидно, что всех этих читателей не требуется привлекать тайнами парапсихологии или Бермудского треугольника. Мы должны им давать добротную информацию о достижениях естествознания, давать быстро, ясно, точно, полно. Среди наших авторов почти нет профессиональных литераторов, «наука из первых рук» — один из основных принципов «Природы». Мы стараемся не пропустить ничего нового, что происходит в науке, и, оглядываясь на пройденный путь, видим, что за прошедшие 66 лет трудно назвать какую-либо значительную научную проблему, не получившую должного освещения в «Природе». Практически каждый крупный отечественный ученый был автором нашего журнала.

Мы гордимся тем, что нам приходится работать в таком замечательном журнале, продолжать дело, которое начинали и которым руководили такие славные деятели нашей науки, как С. И. Вавилов и Н. К. Кольцов, А. Е. Ферсман и О. Ю. Шмидт.

СЧАСТЬЕ АННЫ МАЦКЕВИЧ

Леночка провела пальцем по большой фотографии и сказала:

— Я знаю, это мама в Кремле. Она принимает новую Конституцию. А еще я маму видела в кино, и по телевизору ее тоже показывали.

— Ну хватит, хватит наши секреты выдавать,— улыбнулась мама.— Лучше надевай шубку да валенки — вон как на улице метет. Как бы и папу нашего не замело.

Леночка засмеялась: занести снегом такого огромного папу трудно. Света помогла застегнуть пуговки на шубе младшей сестренке, папа уложил свой портфель. Пора и в путь. Маме и девчушкам до автобусной остановки, а ему, Ивану, в командировку — новое оборудование получать. Растет комбинат, растет и город. Когда-то небольшой город Гродно теперь и за час на машине не пересечешь. А на окраине — комбинат, а точнее, производственное объединение «Азот» имени С. О. Притыцкого. На другом конце города, специально подальше от цехов, кварталы новых домов.

Химия... Как она нужна здесь, в Белоруссии, на землях, нещедрых от природы. Такую землю не только обихаживать надо, ее надо и кормить. Кормить хорошо, кормить досыта, тогда и она отблагодарит, все вернет, да еще и с прибытком. Потому-то и встал вопрос о строительстве в западных областях Белоруссии комбината, который бы обеспечивал удобрениями не только поля республики, но и земли соседей. Кажется, совсем недавно это начиналось. Аня помнит, как на месте цехов, теперь уже настолько привычных, что, кажется, иначе и быть не могло, были пустыри.

На первый взгляд работа у аппаратчицы Анны Григорьевны Мацкевич не такая уж сложная и ответственная. Кажется, все делает автоматика. Но это не совсем так. Стоит, скажем, увеличить подачу газа или не установить норму его оптимального расхода — и все в буквальном смысле слова вылетит в трубу. А ущерб двойной: продукт вместо того, чтобы идти на пользу людей, пойдет во вред, отравит атмосферу. Не все это, к сожалению, понимают. Не все, но большинство. Иначе бы не возникли такие обязательства: дать сверх плана 25 тысяч тонн минеральных удобрений.

Идет Анна Григорьевна со смены, а ее девушка поджидает: «Вы обещали с нашими комсомольцами встретиться». Хоть и сказывается усталость после ночной смены, но часок надо будет выкроить. И встреча эта не только им, молодым, нужна, но и себе самой. Такие встречи подтягивают, дисциплинируют, напоминают, что ты среди людей, что ты нужна им, а они нужны тебе. Иначе Анна и не представляет жизни. Сколько помнит, всегда, кроме основной, работа общественная: в комсомоле, в профсоюзах. В 1968 году ее избрали делегатом двенадцатого съезда профсоюзов Белоруссии. А на съезде выбрали членом республиканского совета профсоюзов. Это и уважение, и почет, но это и ответственность: ты на виду, на тебя равняются, к тебе обращаются за советом и помощью.

А в 1974 году Анну Григорьевну, которой тогда еще не было тридцати, избрали депутатом Верховного Совета СССР. Государственные заботы стали и ее личными заботами. Депутатские дела, депутатские обязанности — дело известное, не будем еще раз их перечислять. Но главная из всех обязанностей — это, пожалуй, внимание к человеку: выслушай его, посоветуй, помоги, добейся решения в нужных инстанциях, потребуй, наконец, именем народного депутата. У Анны Григорьевны нет кабинета, где бы она принимала избирателей, нет и часов приема. Но ее находят всюду и в любой час: и на комбинате и дома. Звонят или приходят запросто...

Не тяжело вот так: работа, семья, общественная деятельность? А еще хочется подумать и о продолжении учебы. Как на все хватает времени? Как хватает самого человека? А может быть, все это, вместе взятое, и есть счастье!

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

РУДНЫЙ ГОРИЗОНТ

Начало см. на 2-й стр. обложки

вое соревнование за качество работы на каждом рабочем месте. Это почин десяти передовиков производства, знатных горожан: экскаваторщиков, шоферов, железнодорожников, строителей. Почин десяти в Рудном стал целью для всех, близко к сердцу принявших Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Но как практически повысить эффективность и качество работы? Об этом шла речь в горкоме партии, в профсоюзном комитете комбината, в диспетчерских Соколовского и Сарбайского рудников, в забоях и кабинах экскаваторов, в кабинете главного инженера горно-обогатительного комбината А. Е. Онищенко, человека решительного, самых широких познаний в науке о руде, патриота Рудного.

Первый секретарь Рудненского горкома партии Валентин Иванович Данилов рассказал о традициях и поучительном опыте многотысячных коллективов горняков и строителей, о новых задачах:

— Все предыдущие годы мы как бы учились преодолевать непреодолимое. Жилья было мало, климат здесь суровый, люди работают под открытым небом — и на стройках и в открытых карьерах. Но учились все. Учились покорять технику, подчиняться технологии, учились ритмичной работе. Овладевая высокой квалификацией, на ходу постигая практический смысл технических новинок, рудненцы в восьмой пятилетке дали более семидесяти миллионов тонн товарной руды, а в девятой — более семидесяти шести миллионов тонн. Учтите, что ни людей, ни техники за то же время у нас не стало больше. В нынешней пятилетке планируем взять более восьмидесяти двух миллионов тонн руды. План очень напряженный, обязывающий действительно работать без отстающих. Все это знают, горняки полны решимости не только выполнить план, но и выдать уже в этом году сверх плана восемьдесят тысяч тонн товарной руды и сто тысяч тонн окатышей. Много это или мало? Придется не менее четырех суток работать за счет экономии средств производства и умножения усилий каждого. Эти «чуть-чуть» соберут по килограммам сверхплановые тонны руды, по минутам сократят выверенные сроки. Понимаете, в Письме сказано: веление времени. Веление времени — выполнять план не только за счет передовиков, каждый из которых работает за пятерых. Тут «давай-давай» должно уступить место работе по графику согласно продуманной технологии...

В помощь производственным отделам и бригадам горняков на Соколовском и Сарбайском рудниках созданы с недавних пор штабы соцсоревнования. В них вошли инженеры и техники, все, кто не только богат опытом практической работы в карьере, в забоях, но и дружен с книгой, кто в курсе всех технических новинок. Начальник штаба социалистического соревнования Соколовского рудника Ф. И. Клюка напомнил, что еще в прошлом году в карьере отстающими были три бригады экскаваторщиков и взрывники одной установки. Решили и тех подтянуть. Председатель Соколовского рудкома, бывший экскаваторщик П. В. Казанцев сказал:

— Знания, интуиция, навыки — это, конечно, играет роль. Без них нельзя. Но главное — работать не за проценты, а за реальные тонны, объемы. Кто больше взял, тот и победил. Много помог хозрасчет. Раньше как было? У каждого свой план. Кто слаб или «ловок» — тому план пожиже. Он и рвется ради процентов перевыполнения. А кому план от вчерашней удачной выработки наварили, тот с большим напряжением едва его выполняет, а уж о сверхплановых процентах не мечтай. Но премии, вообще оплата — они зависели как раз от процентов перевыполнения. А то, что иной шахтер больше всех руды накопал, это, бывало, в зачет как бы не шло. Справедливая оплата труда работающего старательно и с умом очень много значит. Иной мог стать передовиком, да обидно же работать за тех, которые копают ни шатко ни валко, а зарабатывают не меньше, а подчас и побольше передовика.

В нашей работе многое зависит от того, кто рядом, все связаны одной технологической ниточкой. Поэтому и планы каждого надо предварительно увязывать так, чтобы все работали и дружно и ритмично, не отрываясь далеко от товарищей. На экскаваторе три смены. И что толку, если один машинист навалит гору породы, а его сменщик простоит, ремонтируя машину, перебирая узлы? Ты готов хоть сколько руды отгрузить, а самосвалы к тебе не подойдут, ну и стой с пустым ковшом, жди своего плана от шоферов, которых нет. Мы теперь все планы увязываем накрепко...

Комсомольско-молодежная бригада кандидата в члены ЦК Коммунистической партии Казахстана Евгения Ивановича Веревочкина работает на экскаваторе № 52. Знаменитая машина! Точнее, знамениты ребята, работающие на пятьдесят втором. Когда-то давали по сто пятьдесят тысяч тонн — и сами удивлялись.

— А теперь,— сказал в минуты пересменки Евгений Веревочкин,— теперь если выработка меньше двухсот пятидесяти тысяч, то и работать неприятно.

Сто тысяч тонн — это месячная норма. Так что тут все понятно — асы! В бригаде Евгения Веревочкина восемь человек. Почти все они вместе на одной машине уже двенадцать лет. Были комсомольцами, стали коммунистами. Двенадцать лет один на один со скальной породой, с непогодой, потоками грунтовых вод и тяжкой рудой. Особенно нелегко сейчас, зимой, когда все смерзлось: и порода, и глыбы бывшей воды, и сама руда, которую никакими взрывами не взять. Но берут. Так в чем же причины успеха одних экипажей и неуспеха других? Евгений Веревочкин так ответил:

— Таких экипажей, чтобы отставали от нормы, теперь нет. Раньше, конечно, были. Теперь, как ввели хозрасчет и заинтересовали в норме, нет отстающих. Поговорим о причинах успеха. Их много. Первая, я считаю,— совместимость. Все должны работать с одним настроением, на один план. Считаю, что важно самим себе создать авторитет. Делом. Чтобы уважали экипаж, бригаду, чтобы учитывали ее мнение, ее настроение и помогали. Авторитет на нас работает — это верно. Но и мы, сколько нас есть, не стоим на месте. Совесть не позволяет и наша достигнутая выработка. Мы взяли напряженный план продуманно, потому что знаем свою силу. Я знаю силу каждого — Жени Ульриха, Володи Перервы, Шамиля Якупова и всех ребят. А потом интерес появился — установлена специальная премия тем, кто сам берет и выполняет напряженный план.

А что еще? Сплоченность, дружба — это хорошо и надолго, но что же еще помогает одолевать плановые объемы? И горняки рассказали. Помогает обязательный анализ причин срывов, спецучет по сменам. Помогает внимательный контроль по всей технологической линии: бурение, взрывные работы, подъем руды с нижних горизонтов, отгрузка вскрыши, погрузка сырой руды... Работе по графику мешает многое: прорыв воды, снежные заносы, особенно «сходы» — когда вся вертушка или электровоз летят с крутых и мерзлых рельсов; мешает обрыв контактной сети. Все бывает, но, главное, все эти помехи надо предвидеть, иметь в виду и тут же устранять. Вот в чем была слабость: медленно, с большой долей равнодушия к судьбе планов экскаваторщиков действовали ремонтные бригады и прочие службы. Отсюда простои. И говорили в карьерах: «Кому рекорд, а кому ремонт».

В последние год-два горняки начали работать на общий котел смены, бригады, рудника. Отстающие перестали отставать; работая вровень с планом, зауважали себя, а семьи получают немалые деньги. Перестали подводить друг друга, и на душе стало легче, веселее. Весь секрет — интерес у каждого свой, а работа сообща. И план сообща. Не вдруг все это — двадцать лет становления многотысячного коллектива, пять лет хозрасчета. Долго выверялись реальные графики, долго притирались друг к другу — и все в соответствии с требованиями науки, технологии. Стало меньше прогулов, пьянства: «сходы» людей, твоих же товарищей,— это пострашнее «сходов» на стальных виражах в глубине карьера.

...Наконец-то показалось солнце над высоким срезом заснеженной степи. Солнце скользнуло по стреле экскаватора, полежало в запрокинутом ковше и выкатилось прямо в подставленный кузов гигантского самосвала. Кончился короткий февральский день в забое с отметкой «минус 260». Зажглись ранние огни, раздвинули стылые сумерки. И вдруг подняли взрывы новый горизонт, новый — значит, самый трудный. Железный горизонт рудного тела земли.

3 МАРТА ИСПОЛНИЛОСЬ 100 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА

1878 – 1978

Новелла **ИВАНОВА**, специальный корреспондент «Огонька»

Едем! Маршрут путешествия окончательно выбран и утвержден на «семейном совете» в журнале «Отечество». Едем сначала в село Правец, с заездом в город Ботевград, а потом перемахнем через перевал и доберемся до старинного Ловеча, где в дни освободительной войны были наголову разбиты войска Рифат-паши. В нашем распоряжении редакционный микроавтобус, тот самый, что красуется на одной из обложек болгарского журнала. Почесть эту он заслужил: сотни километров проделали по стране журналисты «Отечества», прежде чем появились репортажи из серии «Балканы», посвященные славному столетнему юбилею.

На этот раз в путь отправляется болгаро-русский экипаж. Вместе со мной едут чудесная поэтесса и публицист Станка Пенчева, фоторепортер Иво Хаджимишев и наш водитель товарищ Джуров — невозмутимый Данчо.

...Заснеженное, обледенелое шоссе петляет по горным кручам. Раскрываем карту, и Станка карандашом прочерчивает маршрут. Как же много на этой карте коричневых пятен! Болгарии «досталось» шестнадцать горных массивов, самая мощная горная цепь Стара-Планина делит страну на две части — Северную и Южную. Здесь, где-то в самой гуще коричневой краски, Станка нарисовала кружок: «Тут проходит перевал Республики, а в прошлом Хаинбоазский перевал».

Я знаю, как много означает этот кружок на карте для ее поколения. Мне запомнился снимок. Он был сделан осенью сорок шестого года на даче, где жил тогда Георгий Димитров. В гости к замечательному болгарскому революционеру приехали ребята из первой молодежной строительной бригады добровольцев, которые взялись построить шоссейную дорогу через непроходимый перевал Хаинбоаз. Среди них Кирил Донев, ныне генеральный директор одного из софийских предприятий. Он рассказывал мне: «Стал я рапортовать по поручению штаба бригады, а сам от волнения голоса своего не слышу... Два часа беседовал с нами товарищ Димитров. Он расспрашивал о нашей жизни, вникал во все мелочи, а потом сказал, что бригадирское движение станет незаменимой школой воспитания молодежи». Я спросила Кирила, который еще до войны организовал в родном селе ячейку Рабочего молодежного союза, партизанил в дни войны, а потом участвовал в создании первых кооперативов: каков он, болгарский характер? «Это сплав, драгоценный сплав прошлого, настоящего и будущего!» — И Донев привел такой пример. Когда первые две тысячи молодых болгар, карабкаясь по горам, добрались до поляны у подножия скалы и стали ставить палатки, их лопаты, копнув землю, наткнулись на кости и черепа. «Это место святое для нас, болгар,— сказал ребятам 90-летний дед, он был родом из этой местности.— Тут невдалеке стояла палатка русского генерала Гурко, и хоть я тогда был вас помоложе, хорошо запомнил, как русские солдаты зимой, в буран тащили по склонам свои пушки». Прошлый день страны сошелся с настоящим, устремленным в будущее...

Жаль, что на этот раз не увижу я перевала Республики. Впереди, в тумане другой, совсем не грозный перевал — Витиня. Машина останавливается у белокаменного памятника. «В годы минувшей войны тут сражались партизаны из прославленного отряда «Чавдар»,— говорит Станка.— Был такой в давние времена — предводитель гайдуков воевода Чавдар. Наш прекрасный поэт Христо Ботев посвятил ему такие строки:

Кто не слышал о Чавдаре
И его дружине храброй?
Он, Чавдар, дружину эту
Двадцать лет водил по свету,
И страшна была дружина
Всем изменникам и туркам.

Горы, горы, горы... Их славят в песнях болгары: «Гей, Балкан, ты роден наш!» Гей, Балкан, поседевший от снегов, помнишь ли и ты воеводу Чавдара? А тех, кто спустя столетие назвал свой отряд его именем и погиб в яростном сражении с фашистами, ты помнишь их? На плечах твоих мраморные и каменные обелиски героям, павшим за свободу. Болгарские имена начертаны на одних. На других — имена сыновей России. Ты помнишь их всех. Всех до одного. И дети твои, болгары, из поколения в поколение хранят в сердце эту бесценную память — память прошлого. Вот они где, корни болгарского характера!

На нашем пути небольшая деревушка под названием Потоп. Потопа пока что не предвидится, зато совсем скоро тут пройдет новая автомагистраль, которая сократит путь из Софии к морю. Я обращаю внимание на то, как красиво и добротно построены крестьянские дома — в основном двухэтажные, просторные, под красной черепичной крышей, и мне рассказывают давнюю притчу о том, что болгарин, коль заведутся у него деньги, непременно построит новый дом. Он всегда играл в жизни крестьянина важную роль. По дому судят люди о трудолюбии и бережливости его хозяина. Если вы спросите о ком-то на селе, вам прежде всего скажут: «Милко? Это тот, который новый дом построил?» Или: «Он переехал в новый дом», «собирается строиться». Судя по местам, которые мы проезжаем, почти все крестьяне или «переехали в новый дом», или «собираются строиться». Впрочем, то же самое я бы, наверное, увидела и в другой части Болгарии. Как свидетельствует статистика, за годы народной власти жилищный фонд в селах обновился на 90 процентов. И сегодняшнее болгарское село уже нельзя назвать селом в полном смысле этого слова. Во всяком случае, попав наконец в Правец, я не сразу догадалась, что нахожусь в селе. Скорее это поселок городского типа с центральной улицей, где есть магазины, кафе, кинотеатр, а на следующий год будет достроен комплекс, куда войдут Дворец для новобрачных, библиотека, клуб и музей. В этом селе есть две школы, прекрасный физкультурно-спортивный техникум, механизированная животноводческая и молочнотоварная фермы, оранжереи и... приборостроительный завод, где делаются известные на всю страну электронные часы.

— Вот это прыжок — от коровников к электронике! — восхищенно говорю я директору завода.

— Прыжок,—соглашается Симеон Илиев,— и, заметьте, длиной всего в каких-то десять лет!

Меня поразила смелость самой идеи: здесь, в деревне, поставить современнейшее предприятие с английским и швейцарским оборудованием. Кто же работает на этих станках? Оказалось, что молодежь из местных сел, получив среднетехническое специальное образование в Ботевграде, прекрасно справляется с этой техникой. Что же касается инженерного состава, то сюда приезжают молодые специалисты из разных городов Болгарии.

— Толчок к появлению здесь завода дало развитие сельского хозяйства,— объяснял директор.— С механизацией и укрупнением кооперативов высвободились рабочие руки. Люди стали из деревень уходить в город. Поначалу в Правеце было построено совсем скромное предприятие, где делались инструменты для зубоврачебных кабинетов. Потом мы взялись за производство измерительных приборов — различных манометров, вольтметров, которые до этого ввозились из СССР и Чехословакии. Теперь завод обеспечивает этой продукцией страну и даже отправляет ее на экспорт в Пакистан, Египет, Турцию и Чехословакию. А несколько лет назад родилась идея — выпускать электронные часы. Удивительно? Ничуть, если принять во внимание болгарский характер. С малых лет слышали мы от родителей, простых, малограмотных крестьян, наставление: «Учитесь, не жалейте сил на науку», — и эта тяга к знаниям вошла в плоть и кровь каждого болгарина.

— Сколько же часов производит завод?

— Двадцать тысяч в год. А самую первую партию собирали в вашей стране, в Витебске. Наши часы носит товарищ Живков, ведь он родился здесь, в селе Правец!

Странная у меня получилась «сельская тема» в селе Правец! Но Иво со Станкой считали, что все идет нормально, потому что в Болгарии уже почти не осталось сел, в которых хотя бы часть жителей не работала в промышленности. Что же выходит, Правец доживает свои последние «сельские годы»? — спросила я у Димитра Найденова и его друга Васила Златева. Бывшие местные деревенские мальчишки-погодки, они помнят село другим; дома бедняков, окруженные плетнями, обмазанными глиной, тесные улочки, через которые в распутицу не перебраться. Помнят они, как ходили люди через всю деревню к нескольким колодцам и как уходили из домов отцы на заработки; с того клочка земли, что был у крестьян, семью не прокормишь!

Первый шаг в будущее был сделан в сороковых годах, когда крестьяне объединились в трудовые кооперативы. Следующий шаг — шестидесятые годы. Укрупнение трудовых коллективных земледельческих хозяйств привело к качественному сдвигу в развитии сельского хозяйства. И вот пришло время сделать третий шаг — перейти к созданию еще более крупных сельскохозяйственных комплексов на основе межхозяйственной кооперации и специализации. Ко всем этим переменам в селе Правец оба друга имеют самое прямое отношение. Димитр Найденов вот уже 12 лет возглавляет партийную организацию общины, а Васил Златев — председатель исполкома местного народного совета. Водоснабжение, канализация, асфальтированные улицы, техникумы и завод — все это появилось здесь за минувшее десятилетие, и потому крестьянский сын Димитр Найденов имел полное право сказать корреспонденту из Советского Союза: «Мы самое счастливое поколение, потому что можем осуществить все задуманное. А это значит, что мы не зря живем!»

В гостинице я раскрыла газету и нашла статью, которую посоветовали прочитать Димитр с Василом. Название сразу же заинтересовало: «Над Правецем гремит русское «ура!».

«В середине ноября 1877 года западный отряд генерала Гурко (30 тысяч пехоты и 5 тысяч кавалерии) продвигался к Балканам. Цель, поставленная русским командованием на этом участке,— помешать формированию новых частей армии Мехмед Али-паши, выбить его из Орхание (Ботевграда) и занять подступы к Балканам. Успех зависел от взятия «правецкого прохода», турецкой линии обороны, которая контролировала путь на Софию. Орхание пал без боя, турки отступили к перевалу. Их хорошо укрепленные на девяти горных вершинах позиции были неприступными. По смелому плану командования было решено

БОЛГАРСКИЙ ХА

Детский сад в Ловече. Фото Иво Хаджимишева

обойти неприятеля с тыла, со стороны гор. Цепляясь за скалы, под проливным ледяным дождем тащили на руках русские солдаты орудия через горы. 21 ноября, в 10 утра, в тылу у врага прозвучал залп из 16 русских орудий. Два дня шла битва за село Правец. Шаг за шагом противник был оттеснен к третьей высоте. Началась штыковая атака, и, наконец, разнеслось русское «ура!». 23 ноября село было освобождено. Многие добровольцы-ополченцы из Правеца, которые участвовали в сражении, получили русские военные награды. Среди них был учитель Илия Вылков, который провел через горы гвардейский корпус».

Всего несколько строк из хроники долгой жизни обыкновенного болгарского села, где сегодня правнуки тех доблестных ополченцев читают по-русски на школьных уроках стихотворения Пушкина, сын которого, Александр, участвовал в сражениях за свободу их родины!

...И снова заснеженное шоссе петляет по горным кручам. И снова считает километры наш водитель товарищ Джуров — сколько там осталось до Ловеча? Ну, а я не тороплю редакционный микроавтобус, потому что у нас появился замечательный попутчик, Христо Харлампиев. Уроженец Ловечского округа, он так много интересного знает об этом городе, что слушать его можно много часов подряд.

Ловеч — потомок римского города Мелта, был знаменит еще в XII веке. У его стен после трехмесячной осады был заключен болгаро-византийский мирный договор, который даровал свободу всей Северной Болгарии. Во времена турецкого владычества город стал важным культурно-просветительным центром. Здесь учительствовали известные болгарские просветители, организаторы первых школ и «читалищ» — своеобразных клубов. У Ловеча революционная биография. В канун Апрельского восстания 1876 года он был центром революционной организации Васила Левского, где тот часто бывал, скрываясь то у Марии Сирковой, то в доме воеводы Тодора Киркова.

— Жаль, сейчас идет реконструкция музея Левского, но вы побывайте в доме воеводы Киркова и, конечно, в Троянском монастыре! Известно ли вам, что в этом монастыре был революционный комитет и его руководитель, настоятель монастыря отец Макарий, часто встречался там с Левским? Кстати, впоследствии отец Макарий был награжден Георгиевским крестом. Три месяца ежедневно по 30 подвод с продуктами доставляли из монастыря русской армии, которая вела сражение с турками у Трояна и Ловеча...

Христо Харлампиев хорошо знает не только историю. Он увлеченно рассказывал нам о том, как выросли эти города после 1944 года. Здесь построены новые современные заводы и предприятия, на самом крупном из которых — объединении «Балкан»—делают велосипеды, мопеды и — в кооперации с нашей страной — «Москвич-408».

Уже темнело, когда мы подъехали к гостинице. «Давайте сейчас побродим вместе по городу,— предложил Христо Харлампиев,— завтра с утра тьма дел навалится, и я не выберусь показать его вам...» Предложение с энтузиазмом принимается. Мы вместе выходим на главную городскую улицу, и тут выясняется, что прогулка с нашим попутчиком — дело непростое. Его постоянно останавливают, здороваются с ним, расспрашивают. Одни о музее, другие о соревнованиях, третьи интересуются выставкой керамики в Трояне. «Извините,— говорит он нам,— такая уж у меня работа!» У Христо Харлампиева, заместителя председателя Ловечского окружного народного совета, действительно «такая работа». Здравоохранение, просвещение, культура, искусство, спорт, туризм—вот перечень дел, которыми он занимается. К тому же, как я поняла, он относится к тем людям, которые не умеют делить свой рабочий день на две неравные половинки — «та, что больше,— для меня, та, что меньше,— для других». Прожито уже пять десятков на свете. В тот вечер мы перебрали их год за годом. Оказалось, что «для себя» Христо Харлампиев как-то не успевал жить.

РАКТЕР

...В пять лет его отдали в сельские пастухи — надо было семье помогать. Из школы пришлось после семилетки пойти в ученики к портному — надо было себя прокормить, чтобы остальным жилось полегче. В шестнадцать, когда отчаянно влюбляются, он опять думал не о себе и стал членом подпольного рабочего молодежного союза. В двадцать — руководил конспиративной «пятеркой», помогал партизанам бороться с фашистами. Доставал оружие. Чудом избежал ареста и расстрела, не испугался, начал все сначала. Самые счастливые дни — учеба в столичном университете. Ему не верилось — неужели он, парень из села Дойницы, станет образованным человеком, филологом? Учился отлично, особенно полюбил русский и литературу. И теперь в доме большая «русская библиотека», без которой он и не представляет свою жизнь. Вернувшись из Софии в родные места, стал работать в газете. Вот уж когда действительно ему не хватало суток! Главный редактор Харлампиев очень любил свое дело. Только на творчество времени никак не оставалось. А как хотелось писать и как хочется сейчас! Есть, например, у него одна заветная тема: ответственность перед людьми и перед самим собой.

— К этому обязывает наше прошлое,— говорит Христо.—Моя бабушка прожила на свете 112 лет. Не сказки рассказывала она нам, внукам, а быль о том, как убили у нее на глазах чужеземные завоеватели двух родных ее братьев и как слезами счастья встречала она освободителей — бородатых, веселых солдат, «дядо Ивана». И я своим маленьким дочкам рассказывал сказку про русских богатырей, про тех, кого я встречал осенью сорок четвертого. А теперь моя младшая, Дарья, студентка московского Литературного института имени М. Горького, пишет стихи о стране, откуда пришел на Балканы «дядо Иван».

Вот она, нерасторжимая связь времен! С кем бы ни встретились мы в Ловече и Трояне, где бы ни побывали, всякий раз день сегодняшний напоминал о прошлом, о незабываемом...

...Узкие улочки, мощенные булыжником, бегут вверх, к старинной крепости. Дома, сохранившиеся еще со времен воеводы Киркова, с тесными комнатками-каморками и высокими лесенками— так выглядит самая старая, музейная часть города, квартал Вароша. Толкнув калитку, входим в один из таких домов. Подымаемся по скрипучей лестнице. За дверью — расписная «комната сказок», за другой — «теремок для игр», а дальше — «музыкальная комната»... До чего же уютно выглядит детский сад номер один, который поселился в этих старинных и заново перестроенных домах! «Нравится?»—спрашивает директор Симонята Желязкова и ведет нас через просторный двор, выстланный резиновыми зелеными дорожками (чтобы в зиму ребятам теплее было гулять!), к гроту в скале, где летом ребятишки смотрят «мультяшки». Вот это детсад! Иво Хаджимишев заряжает в фотоаппарат вторую пленку, а директор рассказывает о людях, которые участвовали в рождении этого необычного детского городка. Конечно, куда проще и дешевле было построить новый сад по типовому проекту... «Но вы только подумайте, как много узнают ребята о прошлом родины здесь, в этих стенах,— взволнованно объясняет Желязкова.— Архитектура тоже воздействует на воспитание, я в этом убеждена! К тому же наш детсад носит имя Марии Сирковой. Да, той самой Марии, которая, не раз рискуя жизнью, укрывала в своем доме вождя восстания Васила Левского».

...Имя Левского носит одна из школ в Трояне. Сегодня она известна на всю страну. И прославил ее школьный кружок природоведения, которым двадцать пять лет руководит учитель биологии и математики Илия Христов. Двухэтажное здание современной архитектуры, построенное специально для этого музея по проекту молодого троянца Андрея Петрушева, поражает. Одну из стен занимает огромное, от пола до потолка, «окно», собранное из отпечатанных на стекле фотографий представителей местной фауны и флоры. Нацепив поверх обуви войлочные тапки и войдя в зал, мы попали в настоящее царство зверей. Учитель Христов, который был нашим гидом, нажал скрытые в панели стены кнопки, и волчья стая вдруг закружилась на месте, а мишка косолапый поднялся во весь рост и... заревел!

Кабаны, лоси, медведи, волки, лисы, серны, благородные олени, дикие козы — больше двух тысяч экспонатов собрано в этом музее. Над изготовлением чучел вместе с учителем трудилось не одно школьное поколение троянских ребятишек. Они собирали богатые коллекции бабочек, которые художник Димитр Димитров оригинально использовал в дизайне музея: жучки и бабочки, застывшие в янтарной смоле, вмонтированы в виде своеобразных медальонов в деревянную решетку холла. «Такому музею можно позавидовать!» — сказала я и увидела счастливую улыбку народного учителя Илии Христова, человека на редкость застенчивого и немногословного.

Христо Харлампиев, Симонята Желязкова, Илия Христов... Такие разные и вместе с тем такие похожие друг на друга люди. Роднят их, объединяют увлеченность и преданность делу, которое они избрали. И они, эти люди, помогли мне понять, что такое болгарский характер.

...На высоком берегу реки Осым, там, где вырывается она из живописного ущелья предгорий Балканского хребта, стоит у дороги солдат-исполин с трехлинейной винтовкой. «Братьям-освободителям от признательного Ловеча»,— написано на белом камне. Солдат стоит на том самом месте, где 22 августа 1877 года находилась позиция русской армии «Счастливая высота», с которой прозвучал сигнал к бою за освобождение Ловеча. Калужский, Либавский, Псковский, Ревельский полки, Кавказская казачья бригада и Терский гвардейский эскадрон дрались здесь с армией Рифат-паши. Тысяча семьсот русских солдат и офицеров полегло на этих горах, поросших лесом. И каждый год третьего марта подымаются сюда, на гору, горожане, украшают могилы павших цветами.

В истории Болгарии — пять столетий страшного рабства. Невыносимо долгие дни тяжелых испытаний. И не было дня среди них, когда бы не ждал угнетенный и непреклонный народ освобождения. Оно пришло к нему в конце тяжкого ратного пути, который проложили сто лет тому назад в этих неприступных горах «братушки», «дядо Иван», «русы».

София — Москва.

СЕКРЕТАРИАТ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ. КАИР, ЕГИПЕТ

Советский комитет по связям с писателями Азии и Африки с негодованием узнал о преступном нападении террористов на участников заседания президиума Организации солидарности народов Азии и Африки в Никозии и о трагической гибели известного писателя Юсефа эс-Сибаи, генерального секретаря Ассоциации афро-азиатских писателей.

Юсеф эс-Сибаи, произведения которого известны советскому читателю, в течение многих лет возглавлял движение писателей двух континентов, выступающее против империализма, колониализма и расизма, за создание демократической прогрессивной литературы.

Советский комитет по связям с писателями Азии и Африки решительно осуждает этот террористический акт и выражает соболезнования семье погибшего.

Советский комитет по связям с писателями стран Азии и Африки

В аэропорту Ларнака во время перестрелки. Телефото АП — ТАСС.

Провал авантюры

В свое время, когда израильские «командос» совершили налет на угандийский аэродром Энтеббе, Египет выступил с протестом против этого акта международного разбоя. С тех пор прошло не так уж много времени. Теперь египетские правители, вступившие в сепаратный сговор с Израилем, пошли по той же проторенной дорожке международных авантюр, что и тель-авивские деятели.

Все началось утром 18 февраля в никозийском отеле «Хилтон» на Кипре, где проходила шестая сессия президиума Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА). В коридоре гостиницы, рядом с залом, где проходило заседание, несколькими выстрелами в упор из пистолета был убит известный египетский писатель, генеральный секретарь ОСНАА Юсеф эс-Сибаи. Затем два вооруженных человека ворвались в зал и объявили заложниками всех, кто там находился. Забрав часть заложников—арабских и африканских делегатов,— террористы вылетели на самолете кипрской авиакомпании в неизвестном направлении искать убежища.

Гнусный акт экстремистов не смог сорвать работу международной демократической организации. На последнем пленарном заседании вечером 18 февраля делегаты сессии приняли важные документы по проблемам активизации борьбы за национальную независимость и прогресс, против империализма, колониализма и реакции. Еще продолжалось заключительное заседание президиума ОСНАА, когда стало известно, что самолету с террористами и заложниками было запрещено совершить посадку в аэропорту Триполи. Лайнер взял курс на Аден, но и там посадку не разрешили. Ни одна страна не приняла террористов. Прокружив несколько часов над различными аэропортами Ближнего Востока, самолет возвратился в кипрский аэропорт Ларнака.

И здесь разыгрывается второе действие трагедии, виновниками которой явились руководители Египта.

Для переговоров с террористами в аэропорт Ларнака прибыл лично президент Кипра Киприану. Преступники уже согласились сдаться, и дело, казалось, шло к благополучному концу, когда над аэродромом показался египетский военно-транспортный самолет «Геркулес». Он запросил разрешение на посадку, обосновывая это тем, что на его борту находится министр информации и культуры Египта. После приземления самолета из грузового люка выкатил желтый «джип», направившийся к стоявшему неподалеку пассажирскому лайнеру, в котором террористы держали заложников. Сидевшие в «джипе» десантники открыли огонь по лайнеру. В это же время из «Геркулеса» выскочило еще несколько десятков «командос», открывших беспорядочную стрельбу, в том числе по контрольной башне, где находились президент Киприану и другие члены кипрского правительства.

В этих условиях подразделения кипрской национальной гвардии дали вооруженный отпор нежданным и непрошеным «спасителям», чтобы восстановить порядок и суверенные права кипрского государства. Результат этой авантюры известен: 15 египетских десантников убиты, 19 ранены, остальные сдались в плен. С кипрской стороны ранено 7 человек. Оставшихся в живых «командос» на следующий день отправили в Каир. Заложники остались невредимыми, а террористы предстанут перед кипрским судом.

Президент Кипра Киприану заявил журналистам, что «вооруженная акция Египта на аэродроме, повлекшая человеческие жертвы, совершена вопреки неоднократным предупреждениям о недопустимости каких-либо произвольных действий на суверенной кипрской территории». Английская газета «Таймс» пишет, что «операция по освобождению заложников, проводимая на чужой территории, без согласия правительства этой страны, равносильна акту войны против государства, чей суверенитет нарушается», а по мнению западногерманской газеты «Зюддойче цайтунг» для действий Египта «нет ни политических, ни правовых оправданий».

Пропагандистские органы Египта пытаются свалить всю вину за позорную акцию, стоившую жизни египетским десантникам, на правительство Кипра. Эта кампания перемежается с резкими антисоветскими выпадами. Каир объявил об отзыве из Никозии своего дипломатического представительства и о «пересмотре всего комплекса египетско-кипрских отношений». Одновременно раздаются угрозы в адрес палестинцев, которых Египет огульно обвиняет в убийстве эс-Сибаи, хотя хорошо известно, что исполком Организации освобождения Палестины осудил этот преступный акт, направленный против всех народов Азии и Африки, а также мирового национально-освободительного движения.

Антипалестинская истерия в Египте преследует прежде всего цель оправдать стремление Каира к сепаратным сделкам с Израилем, опорочить Организацию освобождения Палестины и тем самым совершить позорный торг с Тель-Авивом за счет палестинского народа на продиктованных Израилем условиях.

Особое одобрение ларнакская авантюра Египта получила со стороны Тель-Авива. Израильская газета «Джерузалем пост», например, поместила редакционную статью под заголовком «Аплодируя Египту».

Однако прогрессивная мировая общественность единодушно осудила этот бессмысленный варварский акт, не имеющий ничего общего с интересами самого Египта и его народа.

В. ДУНАЕВ

ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ ТРУДА!

Флотатор Нурия Муллакаева и комбайнер Нина Переверзева, свекловод Степанида Виштак и хлопкороб Турсуной Ахунова, животновод Лейда Пейпс и две ткачихи, две Валентины — Голубева и Плетнева. Живут они далеко друг от друга, профессии у них разные и возраст неодинаковый. Что же роднит, объединяет семерых женщин! Все они — знатные люди нашего времени, славные своей работой, Героини Социалистического Труда. Есть среди них лауреаты Ленинской и Государственной премий, народные депутаты, делегаты партийных съездов. Словом, все эти женщины высоко отмечены Родиной, партией, народом. А недавно их имена, имена передовиков социалистического соревнования, страна прочитала в Письме ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

«Честь и слава передовым коллективам, героям труда, новаторам производства!» — говорится в Письме.

И в преддверии славного праздника «Огонек» обратился к героиням труда с просьбой рассказать, каковы итоги их работы в году 1977-м, году юбилея Великого Октября, новой Конституции СССР, и каковы их планы на год нынешний — третий год десятой пятилетки.

В ответ на призыв партии

Турсуной **АХУНОВА**, руководитель хлопководческой бригады колхоза имени Кирова, Чиназского района, Ташкентской области, дважды Герой Социалистического Труда

Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года призвало советский народ закрепить успехи прошлого года, усилить борьбу за повышение эффективности производства и качества работы. В этом волнующем документе названо и мое имя. Это меня очень радует и ко многому обязывает.

В юбилейном году Родина получила от узбекских хлопкоробов свыше 5 миллионов 430 тысяч тонн белого золота. Есть в этом рекордном урожае и мой вклад. Я сдержала слово, данное партии и народу, лично Леониду Ильичу Брежневу: за сезон собрала машиной 463 тонны хлопка.

В письме Леонида Ильича, которое он прислал мне в прошлом году, особо указывалось на необходимость уборки урожая хлопка в сжатые сроки, на повышение качества сырца. Это ценное указание было с успехом реализовано, получен значительный дополнительный доход. О будущих же доходах мы неустанно заботимся уже сейчас, с начала года.

Земледелие, и в частности хлопководство,— это непрерывный труд в течение всего года. Одно агротехническое мероприятие следует за другим. Упустишь момент — потом трудно исправить промах. У нас в бригаде все идет точно по графику.

Есть в Письме строки, адресованные непосредственно нам, женщинам: «...Ваш труд на производстве, ваша материнская забота о семье, о воспитании детей снискали всеобщую признательность и уважение!» Партия и правительство призывают нас еще активнее участвовать в общественной жизни и созидательном труде.

Пусть в нынешнем году не будет ни одного колхоза, совхоза, бригады или отделения, которые не выполнили бы плана и социалистических обязательств по хлопкозаготовкам.

В ответ на призыв партии наша бригада взяла обязательство, осваивая севообороты, получить с каждого гектара по 60 центнеров хлопка. Лично я обязуюсь собрать машиной за сезон 500 тонн хлопка и вызываю на соревнование всех механизаторов республики.

Звено как семья

КИЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Вот уже больше тридцати лет, когда вспоминают лучших из лучших тружеников нашей страны, среди них называют дважды Героя Социалистического Труда Степаниду Демидовну Виштак. Экономисты подсчитали, что в послевоенные годы из свеклы, которая была выращена, убрана и отправлена на завод ее звеном, страна получила почти десять тысяч тонн сахара! Главное в работе этого звена — стабильность. Средний урожай свеклы, начиная с сорок седьмого года, составил в ее звене 525 центнеров с гектара. Цифра эта и по сегодня остается в пределах высших достижений.

Сейчас в звене Степаниды Демидовны двадцать семь человек, в том числе два механизатора. Но ее ученицы трудятся не только в селе Лосятин, Васильковского района, на Киевщине, но и в других селах, в других областях. По итогам прошлого года шестеро из звена Виштак награждены орденами. А всего в ее звене кавалеров ордена Ленина — 23, ордена Трудового Красного Знамени — 27.

На вопрос, каковы итоги работы ее звена в прошлом году, Степанида Демидовна ответила:

— Мы собрали по шестьсот шестьдесят два центнера свеклы с гектара, при этом себестоимость центнера составила всего лишь рубль тридцать две копейки.

— Каковы ваши планы в нынешнем году?

— Как член правления, могу сказать и о планах колхоза. У нас ведется большое строительство. Вот недавно сдали больницу, школу, а сейчас развернулось сооружение специализированного животноводческого комплекса, кроме того, строятся детсад, контора, жилые дома со всеми городскими удобствами...

— А каковы ваши личные планы, непроизводственного, так сказать, характера?

— У нас звено, как одна семья. У кого-то сын женится — свадьбу готовим сообща, кто-то дом задумал строить — заботы на всех делим. Вот в этом году Наталья Гапоненко, например, новый дом решила поставить. Безусловно, все звено примет в этом участие. Предстоит нам интересная поездка: областные организации премировали звено туристскими путевками. Вот и поедем. Только еще не выбрали, куда. Страна наша такая большая, чтобы на все взглянуть — жизни не хватит.

С. КАЛИНИЧЕВ

Радость на душе

Нина Васильевна **ПЕРЕВЕРЗЕВА**, звеньевая уборочно-транспортного звена колхоза «Путь Ленина», Песчанокопского района, Ростовской области, Герой Социалистического Труда

Минувший год был для меня и моих товарищей по звену и трудным и радостным. Он принес нам не только много забот, но и огромное удовлетворение. Это был год нашей новой победы во Всесоюзном социалистическом соревновании.

За страдные дни наше звено перевыполнило и план и обязательства. Обязательства взяли повышенные — намолотить 80 тысяч центнеров зерна четырьмя комбайнами. А намолотили 151 880 центнеров. И удержали первое место в стране среди комбайнеров. Земляков-бочкаревцев обошли намного. Не поддались ипатовцам, инициаторам новой технологии на уборке хлебов. Все это запомнится надолго. Вот отчего и радость на сердце!

Комбайнера Любовь Федоровну Калугину ВДНХ наградила машиной «Москвич-412». Мне была присуждена Государственная премия СССР. Нашу радость разделила и Зина Забродина, самая молодая в звене, отличный механизатор, у нее еще все впереди. А мы постараемся, чтобы 1978 год стал и для нее годом новых достижений.

У меня есть все основания быть довольной своей судьбой. Жизнь подарила мне прекрасную семью, любимую работу, доверие людей, вот во всем этом и есть мое счастье.

А в третьем году пятилетки мы взяли обязательство намолотить звеном 115 тысяч центнеров зерна и хотим добиться этого к первой годовщине принятия новой Конституции СССР. Дома все хорошо. Дети учатся, кто в техникуме, кто в институте. У меня есть еще и внучка от сына. Ждем нового лета, летом у нас особенно хорошо. Сейчас одни механизаторы готовят комбайны, другие в отпуске, в санаториях, а кто пока помогает животноводам. Так и живем.

Бегущая по годам

КОСТРОМА

Время день за днем срывает листки календаря...

Вот уже снова март, весенний месяц март, и снова пахнут улицы мимозой, как и в прошлом году. А тогда в руках Валентины Плетневой были еще гвоздики. Алые гвоздики.

— Я люблю этот месяц больше других, хотя и родилась сама осенью, в октябре,— говорила она,— март счастливый и очень добрый ко мне. В марте мне вручали золотую звезду Героя Социалистического Труда. В марте была в Кремлевском дворце делегатом съездов нашей партии — XXIV и XXV. В марте я получила поздравление Леонида Ильича Брежнева...

Счастье не падало Валентине с неба. Счастье она добывала сама, своими сильными и быстрыми руками. И все же, представляя ее труд, видя ее в работе, я не переставала дивиться энергии и силе ее наступательного характера. Полтора года в один. Две пятилетки в одну. Три года за четырнадцать месяцев. Пять лет за год и девять месяцев! Это последний итог. Все быстрее, стремительнее фиксируют автоматы движение ткани, выходящей из-под ее рук.

Время, думалось, нам неподвластно. Невозможно остановить и повернуть его вспять. Но время, доказал человек, можно подстегнуть, можно опередить стрелки часов, можно заставить сердце биться в ритме завтрашнего дня. Так какой же он, этот грядущий день? Каким представляется год для Валентины, отважной волжанки? Семь с половиной годовых норм с начала пятилетки к 7 октября — Дню Конституции.

Когда-то перо известного романиста создало образ, олицетворяющий несбыточную мечту и доброту,— Фрези Грант, девушку, бегущую по волнам. В наши дни в синеокой Костроме живет женщина, превратившая мечту в реальность, ибо она способна бежать, обгоняя время, по волнам жизни, измеренной спрессованными годами. Имя этой женщины — Валентина Плетнева.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

...СТРОКИ МНЕ В СЕРДЦЕ СТУЧАТСЯ

Майя РУМЯНЦЕВА

ЗОЯ

Зоя Космодемьянская родилась на Тамбовщине. Памятник ей стоит в центре Тамбова, и у его подножия всегда цветы.

Что такое подвиг?
Прощанье или встреча?
Что такое подвиг?
Секунда или вечность?
Шла она неслышно
От школьного порога,
Уходила девочка
в бессмертную дорогу.
Зимы пройдут,
весны пройдут,
Дорога не кончится эта —
Лунного,
зимнего,
красного цвета...
Дорога не кончится эта.
А слова в тетрадках
В линеечку косую.
По спине, по сердцу
Плетью полосуют.
Красно бились банты
У школьного порога.
Алая, как лента,
В бессмертие дорога...
Закричать бы надо
Те слова, что вспомнятся.
Знак вопрос петлею
Над вчерашней школьницей.
Точки, запятые —
У школьного порога.
Крики, восклицания —
В бессмертие дорога.
Кто забросил петли,
Вновь грозя нам бедами,
Средь снегов России
Над детьми да дедами?..
Улыбнись с портрета
У школьного порога —
Станет белоснежною
В бессмертие дорога.
Зимы пройдут, весны пройдут,
Дорога не кончится эта —
Лунного,
зимнего,
красного цвета...
Дорога не кончится эта.
Шла она неслышно
От школьного порога,
Уходила девочка
В бессмертную дорогу...

ВИКТОР ХАРА

Он был певцом чилийского народа. Перед зверской расправой путчистов он пел на стадионе свои революционные песни.

К багряной песне
парня смуглого
Набат — гитарный перебор.
Из черных глаз твоих огонь
Стрелял в сердца врагов в упор.
Под грозный,
в тучах, небосвод
К словам твоим
народ придет.
И песня до сердец пробьется —
Сердец крестьян,
сердец рабочих.
В подвалах душных
запоется,
Кварталом темным
прогрохочет.
«Насьональ»...
Убийство зверское...
Качнешься,
песню не допев...
Вдруг в памяти
промчится детство —
Недетский труд,
Недетский гнев...
Но песни живы у народа.
Был дан тебе —
набату в лад —
В опустошительные годы
Крамольный
песенный талант.
И до сих пор
звучит твой голос,
Всегда у песни многолюдно.
И этот — как великий возглас,
Что заглушает вопли хунты.
Певец народный — ты солдат,
От слов твоих
врагам не спится.
...От жадных огненных реклам
У всех убийц
Кровавы лица.

ПО ИНДИИ

Ты сон мой белый,
Хоть черным-черна,
С глазами черными
И черной челкой.
У пальмового
стройного ствола
В одеждах белых
черная девчонка.
Трава у ног,
да в небе солнца вволю,
Да зной земли
под узкими ступнями,
И чучелко домашнее на поле,
Не в платье только,
А в цветастом сари.
И птицу плавную
над пашней рыжеватой
Пришпорит вдруг
белесый суховей.
И дерево вдали мелькнет
горбатое
С лучами
меж расплавленных ветвей...
Поля маисовые,
Пальмовые рощи,
Кокосовые длинные стволы.
Ты черно-белая,
как дни и ночи,
То грустная, то праздничная ты.
Но если увидать тебя однажды,
Придешь в ночи
и сон разворотишь,
С цветными танцами
И с песнями протяжными,
С торговыми рядами
в цвет афиш.
Еще полюбишься
за прожитое разное —
За грусть детей,
За пальму с кроной зыбкою,
За родинку,
то черную, то красную,
Над белою
жемчужною улыбкою...

СЕЛО САВИНО

Село Савино,
Село Савино
Выхваляется
синими ставнями.
Да резьбою,
то плавной, то колкою,
Да геранью
за светлыми окнами.
Палисады по Савину
синие,
Старики бородаты — как в инее.
Не шумливы в селе собеседники.
На крылечке бабуся в переднике.
Сенцы с сеном
из луга душистого,
Кот на печке — шкурка пушистая.
Над пельменями дым бородатый,
Самовар к пельменям пузатый.
А тайга в трех шагах от дома,
Ходят ветры таежные низко,
Зааукают в небе громы
И заокают по-сибирски.
Хлынет дождик,
В Тобол ударит,
В дом вбежит девчонка босая,
Синеглазая и смешливая,
На ходу подол выжимая.
И не пустят тебя из дома
Незнакомые вовсе люди.
Мол, с таежным не шутят громом,
Тихо скажут: — У нас ночуйте...
И тихонько беседа польется
Под шумливые капли дождя.
Утром брызнет веселое солнце.
— До свиданья,— скажу, уходя.
И далеко у поворота
Оглянусь, и станет светло.
Над Тоболом с дыханьем полета —
Голубое, как небо, село...

Тамбов.

Татьяна НЕСТРУЕВА

●

Облака,
как на палитре краски,
над Саур-могилой
вдалеке...
Памятник.
Солдат, застывший в каске,
с автоматом,
поднятым в руке.

Неизвестный,
но знакомый всюду
человек
по имени Солдат.
Люди помнят,
люди не забудут
не пришедших
с той войны назад.

У подножья
тихо шепчут травы.
Неба трепетная грусть
над ним.
А из чаши
рвется пламя славы —
вечной славы!
Это — павшим гимн.

●

Тяжело и гулко
падают капли на дно двора.
Поднимаюсь
по грузной винтовой лестнице.
На двери
огромный замок.
За дверью — мир крыш.
Некоторым он кажется
темным, холодным и сырым.

Тяжело и гулко
бьется сердце.

Под окном у батареи
спит котенок,
худой и грязный.
Он проснулся,
брезгливо отряхнул лапку,
потерся о мою ногу,
замурлыкал.

Он медленно пошел за мной,
маленький и неуверенный.
Но я прогнала его.
Он долго смотрел мне вслед.

...В звенящей тишине,
как выстрел,
грохнула дверь.

●

Как давно это было:
будни, праздники — в розовом.
На пороге застыли
подростки курносые.
Были просто девчонки,
были просто мальчишки,
и тянули ручонки
к героическим книжкам...

Наш приходит черед
песни жизни сложить.
Это значит — вперед!
И еще значит — жить!

Были просто девчонки,
были просто мальчишки.
И тянули ручонки
к героическим книжкам.
...Но восходят звездою —
ослепительным светом —
и родятся герои,
творцы
и поэты!

Н. Рерих. 1874—1947. СВЯЩЕННЫЕ ПЕЩЕРЫ.

Музей имени Н. К. Рериха. Нью-Йорк.

Н. Рерих. ЖЕМЧУГ ИСКАНИЙ.

Музей имени Н. К. Рериха. Нью-Йорк.

...СТРОКИ МНЕ В СЕРДЦЕ СТУЧАТСЯ

Халимат БАЙРАМУКОВА

Всю жизнь я в дороге. Всю жизнь я в пути.
Как свойственно людям, я счастья хочу.
Мне близко случалось к нему подойти:
казалось, настигну вот-вот — и схвачу!

А счастье, казалось мне, только и ждет,
готовое стать не мечтой, а судьбой.
Но... малость побудет со мной — и уйдет
и снова зовет и зовет за собой.

А если б навек оно стало моим —
как платье, как шляпа, как столик ночной,
и я бы сидела, довольная им,
оно бы сидело — довольное мной?

Нет, счастья не вижу я в счастье таком,
я это сумела однажды понять.
Так пусть убегает и машет платком —
всю жизнь я согласна его догонять!

МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят: «Ты слишком веришь всем».
«Довольно ошибаться»,— говорят.
И я учусь. При встрече с тем и с тем
Прилежно устремляю взгляд во взгляд.

Прочесть пытаюсь в тайной глубине:
каков ты есть, обманешь или нет?
И вдруг противно делается мне,
и делается тошен белый свет.

Я жить хочу: искать, любить, терять
и верить в жизнь, в тебя, моя звезда!
Я научилась лишь не доверять
не ошибающимся никогда.

ЗЕМЛЕ ДОСТАЛОСЬ БОЛЬШЕ ВСЕХ

Земле досталось больше всех:
четыре года шла война.
Земле досталось больше всех:
нас много, а Земля одна.

И если вражеский металл,
во мгле вычерчивая путь,
бывало, в нас не попадал —
он ей, Земле, вонзался в грудь.

Все было так и только так
в смертельной схватке роковой,
и всякий мой цветок и злак
ей словно памятник живой.

Перевел с карачаевского Илья **ФОНЯКОВ**.

Ирина ПАНОВА

●

Все, что придумала осень,
красок восторженных пыл
ветер бездумно отбросил,
ливень старательно смыл.
Ночь не торопится в утро,
снегом играет зима...
Так себя чувствую, будто
я изменилась сама.
Будто опять заболела
робостью первых шагов.
Каждый увидит на белом
первую строчку следов.
Вот потому и заминка —
хочется выбрать верней.
Я начинаю тропинку,
кто-то доверится ей.

●

Сыну.

Уже не день, еще не ночь —
закатное горенье.
И то, что мне уже невмочь,
тебе — еще не время.

Как близок радужный рассвет
к огням вечерней зорьки,
где близорукость юных лет
впадает в дальнозоркость.

И можно сразу видеть суть,
обычай — в необычном.
Но не откроют новый путь
привыкшие к привычкам.

Узнав, как быстро в суете
теряет смысл движенье,
боюсь привыкнуть к простоте
вчерашнего решенья.

●

Строгая зимняя точность решений:
черное, белое — нет середины.
Как наказание, красок лишение
(Серая, правда, всегда невредима).

Одолевает желанье в апреле
тополь увидеть в наряде зеленом,
перебирая весны акварели,
снова на мир посмотреть удивленно.

Ждать я училась у зимнего леса.
Ждать я училась у снежного поля.
Но ожидание, словно в отместку,
пасмурный день растянуло до боли.

Тащатся к северу серые тучи,
серый туман разливая впустую.
Кто за терпенье награду получит?
Мне надоело. Я протестую.

Снова мне хочется сочности красок,
хочется яркостью душу наполнить,
все черно-белое вычеркнув разом,
серое выбросить и не запомнить.

●

Волны рядом, а я не верю.
По камням разве море бьет?
Это время стучит о берег —
так безжалостно строг отсчет.

Слишком долгой была разлука,
если встреча приносит боль.
Я забыла, какие звуки
сочиняет седой прибой.

Сосны высятся непреклонно,
не сгибаются на ветру.
И никак я со щек соленых
капли горечи не сотру.

●

Слова, слова... Которое главнее?
(Но в жизни есть для каждого свой срок:
с одними — вмиг становишься сильнее,
других бы не пустила на порог.)
Но все же я искала в зной и в стужу
и падала, по наледи скользя,
потом нашла простое слово «нужно».
С ним трудно жить, а без него нельзя.
Оно всегда и ко всему причастно.
Мне нужно, чтоб работа — на столе,
я знать хочу в заботах ежечасных,
что я нужна кому-то на земле.

●

Писали о жизни. Мечтали о счастье.
В тетрадях росли и мужали слова.
Осколками счастье порвали на части
и бросили в пропасть. А песня жива.
Вновь звонкие строки мне в сердце
стучатся,
на новую жизнь предъявляя права.

Они не погибли в стенах казематов,
дотла не сгорели в хатынском огне.
Рожденные болью тревоги солдата,
не стали землей в неживой тишине.
И все, что тревожило песню когда-то,
сегодня заснуть не позволило мне.

Ирина ПУТЯЕВА

●

Особой тайны в этом нет:
в е с н а...
Над снежной паутиною,
в сосульке талой стеариновой,
затеплился тончайший свет.
И ты взгляни окрест,
взгляни:
капель отсчитывает дни.
Капель —
по ветке,
точно дятел...
Апрель!
Таинственный ваятель!

Блестит лучей весенних медь.
Есть та вода, что точит камень,
а назначенье этих капель —
заставить даже камень
петь.

●

Кто бы мог
в поднебесье высокое,
где кружит утомительный зной,
отпустить это утро, как сокола,
чтобы взмыло
с руки
по косой?

Кто бы мог
над крутыми обрывами,
где тропинки кончается нить,
первых радуг
веселые прыгалки
раскачать,
а потом раскрутить?..
Кто заметит,
что нежные венчики
тех цветов,
что украсили сад,
точно загнанной тройки
бубенчики,
с непонятным надрывом звенят?..

ЭЛЯНА — МАТЬ АУДРЮСА

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

В редакции мне выдали диктофон, красивый, маленький, изящный — привычное чудо нашего времени. Объяснили, когда какие кнопки нажимать, и вроде бы я запомнила.

Вроде бы... Я нажимаю одну клавишу, другую — все без толку. Диктофон бездействует. Мне неловко. Придется, наверно, вынуть по старинке блокнот, а красивое «чудо» убрать в красивый футлярчик с «молнией». Вот только еще одна попытка...

— Ничего,— говорит мне Эляна Маркявичене, в доме которой и происходит мое сражение с техникой,— сейчас придет мой мальчик и все наладит. Он в этом понимает. Телевизор вот сам собрал...

Когда Эляна сказала «мой мальчик», я вгляделась в ее лицо. Меня удивил ее изменившийся голос. До того она говорила тихо, вежливо и чуть монотонно. А тут впервые в голосе ее прорезалось нечто совершенно иное. Гордость? Да. И властность. Твердость. А еще нежность, боль.

Я услышала голос матери. И показалось, хотя виделись мы каких-то полчаса,— вдруг я стала близка к пониманию этой судьбы, характера...

...У Эляны узкое лицо с высоким выпуклым лбом, застенчивый и в то же время пристальный взгляд темно-серых глаз. Движения ее кажутся немного даже замедленными, но в них точность. Она не суетится. Ни дома, принимая гостей, ни на работе, в чем я убедилась впоследствии.

А ведь в ткацком цехе на фабрике «Кауно аудиняй» в зоне у Эляны сорок шесть пневматических станков — ровно половина от всего цеха. Она первая решилась взять на себя столько. И кажется, все так легко выходит у нее, так просто, без особых даже усилий. Она улыбается, она спокойна. Но за смену ей приходится от станка к станку сделать около тридцати километров.

На фабрике Эляна Маркявичене работает двадцать пять лет.

— Да,— говорит она все так же спокойно, улыбаясь,— пришла туда семнадцатилетней. Замуж вышла, сына родила, мужа похоронила...

...Родилась Эляна в местечке Жимкайчай. В Каунас семья переехала в тридцатые годы. Отец был плотником. Мать знала сельскую работу. Эляна, когда подросла, решила пойти на ткацкую фабрику, потому что помнила старинное красочное полотно, оставшееся еще от бабушки, и это дело казалось ей наиболее понятным, близким.

Образование у нее тогда было четыре класса.

— Я не хочу ни в чем упрекать своих родителей,— говорит Эляна.— Да и не могу их упрекать — такое было время, такие взгляды. Считалось, что девчонке из рабочей семьи дальше учиться не надо. Но когда я поступила на фабрику, решила: школу все-таки окончу. Пошла в пятый класс — и, конечно, параллельно отрабатывала свои восемь часов, когда в дневную, когда и в ночную смену. Тогда ведь для подростков никаких послаблений не было — работай как все. Так что,— Эляна улыбнулась,— я те права, что дает нам сейчас наша Конституция, особенно прочувствовала... Вот... Одиннадцать классов окончила, а дальше учиться не пришлось...

Странно... Окруженная почетом, славой, Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина, делегат XXIV съезда КПСС, Эляна Маркявичене говорила о себе так, будто нуждалась в оправдании, будто сама была собой не удовлетворена.

— Родился сын, и я не стала поступать в институт. Дала себе годовую отсрочку — так, собственно, мне и родные советовали. Говорили: пережди, отдохни. И вот, пожалев себя, упустив тогда возможность, я упущенного уже не наверстала. Тот потерянный год преследует меня и сейчас, а исправлять уже поздно.

Она встала, оглянулась на дверь:

— Вовремя все надо делать, вовремя. Потом не воротишь. И каждый час, каждую минуту надо прожить так, чтобы смысл был, цель...

Нет, она не со мной говорила, Эляна. С сыном. Хотя он был в школе. Мысленно обращалась к нему. Она хотела дать ему сполна то, что считала для себя упущенным: знания.

— Аудрюс говорит, что я самая строгая мама. Пусть так. Мне надо одно — чтобы он учился. Хорошо учился. Такое у меня к нему требование.

Она говорила по-прежнему тихо, мягко, но это особенно оттеняло четкость и твердость ее слов. Смысл сказанного был ею выстрадан.

Эляна Маркявичене знала, чувствовала, какая это великая ценность — жизнь. И что дается она тебе одна — другой не будет. Потому-то Эляна была так строга, так требовательна. К себе. К сыну.

— Я решила с первого класса учить его иностранным языкам. В школе была такая группа, и он начал заниматься немецким. С пятого класса поступил в кружок «Юный техник». Сейчас серьезно увлекся радиоэлектроникой. И дома мне помогает. Свободного времени у него совсем нет. Считаю, так и должно быть.

Возможно, кому-то метод воспитания, избранный Эляной, покажется чересчур жестким. Допускаю... Но ведь тут нет готовых схем. Каждый руководствуется собственными представлениями, собственным опытом. И каждому родителю хочется не только передать нечто своему ребенку, но и восполнить в своем сыне или дочери то, что он сам, так сказать, недополучил. Чем ощутимей собственное несовершенство, тем осознанней приступает человек к своим родительским обязанностям.

И пусть твой сын, сам став отцом, увидит уже иные цели, решит восполнить в детях своих иные упущения, но человечество, мне подумалось, развивалось бы динамичней по восходящей, если бы каждый родитель обнаружил в себе такой же заряд энергии, воли, ответственности и любви, каким обладала Эляна Маркявичене.

Воспитывая сына, она постоянно анализирует самое себя.

— Когда мне было,— говорит Эляна,— примерно столько, сколько сейчас Аудрюсу, я слышала: «А зачем напрягаться? Можно и так жить»... Но теперь-то я поняла: жить надо только так, чтобы знать, чтобы уметь как можно больше... Вот Аудрюс, скажем, не любит танцев. А я, настаивая, чтобы он учился танцевать, говорю ему: «Можешь и не любить, но уметь надо». Он ведь не может сейчас всего предвидеть. А я не хочу, чтобы ему когда-нибудь пришлось жалеть об упущенном.

Она взглянула на меня, и тут я ее спросила:

— Скажите, Эляна, то, как вы сами живете и как сына воспитываете, это ведь значит, что вы выбрали нелегкий путь. Именно выбрали и сознательно по нему идете и сына ведете за собой. И, конечно, вы хотите видеть его счастливым. Ну, а как вы представляете, что это такое — счастье?

— О, я знаю, что может помешать счастью,— улыбнулась Эляна.— И стараюсь жить так, будто это мой последний день, и главное — стараюсь так работать. Потому что завтра я могу пожалеть о том, чего не сделала сегодня. Даже не то чтобы пожалеть... У меня уже не будет возможности исправить вчерашнее — вот о чем я всегда помню. Возможно, тут сказывается специфика моей работы, производственный наш график: моя смена кончилась, на мое место заступает другой — все. Что успела, то успела. То есть каждый день имеет свой результат — я так привыкла. И уже не могу иначе: каждый прожитый день мысленно подытоживаю. А они мчатся, дни... Ведь вот на фабрике я уже двадцать пять лет. Начинала работать на двух станках, теперь у меня в зоне сорок шесть. Вот и все вроде бы перемены. Но ни один день не был похож на другой.

— Но, Эляна, как это получается: работает человек, скажем, на четырех станках, потом берет, ну, восемь — откуда вдруг возникают такие ресурсы времени, возможностей?

— Только не вдруг! — смеется Эляна.— Постепенно, очень постепенно. А объяснить легко. Представьте, идет мальчик в школу, в первый класс. И все ему трудно: букву написать, прочесть слово. Но постепенно все легче, легче это ему дается — и вот совсем легко. Появляется свободное время. А как в таком случае поступает рабочий? Появилось свободное время — увеличивает норму. Вот и все. Но если подробнее... В семьдесят первом году у нас на фабрике начали осваивать пневматические станки — до того работали на механических. Вначале у каждой из ткачих в зоне было по четыре станка. Я решила попробовать работать на двенадцати. Потом на восемнадцати. Когда коллектив московского завода «Динамо» предложил развернуть всенародное социалистическое соревнование в честь сто пятой годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина, я взяла обязательство выполнить полтора пятилетних задания. Моя зона обслуживания включала уже двадцать три станка. Ну, а теперь объясню, почему потом взяла сразу вдвое больше — сорок шесть... У каждой работницы цеха по двадцать три станка. Работаем мы в три смены. Но если бы я взяла на шесть, на восемь или, например, на десять станков больше, это бы значило, что я снизила норму выработки у какой-то из своих подруг. Иными словами, совершенствовалась бы за чужой счет. Оставалось либо вообще ничего не брать, либо сразу вдвое больше. Я решилась. И это оказалось очень тяжело. Еле-еле справлялась. Думала, не вытяну. Но потом освоилась. Сейчас вот опять чувствую: есть одна-полторы свободных минутки. Так не будешь же даром ходить! Значит, опять готовлюсь, примериваюсь...

— Получается — безграничны возможности человека?

— Думаю, может, и так. Только надо хотеть. Надо постоянно думать: как сделать быстрее, луч-

ше. Привыкаешь жить в таком ритме, с такими принципами, а в результате — свободное время. В результате — новые возможности. И еще надо понять: новый день не будет да и не должен быть легче нынешнего. Иначе это будет неинтересный, скучный день.

Эляна помолчала.

— Конечно, никто не может заведомо знать будущее. Но не только я, мой мальчик тоже уже понял, как может быть коротка человеческая жизнь: в прошлом году он потерял отца. И вот я думаю: а вдруг со мной что-то случится? Решила приучать его к домашним делам, хозяйству. И тут он не должен быть беспомощным. Пусть не каждый день, но уметь что-то себе приготовить, постирать, убрать он должен.

Раздался звонок, Эляна открыла дверь, в комнату вошел высокий, светловолосый, сероглазый мальчик. По-взрослому серьезный, по-детски улыбчивый.

Мать глядела на сына снизу вверх: ее голова приходилась сыну до середины груди.

— Аудрюс,— сказала Эляна,— ты покажешь гостям Каунас?

— Конечно, мама,— сказал сын.

...Он вовсе не был робок, Аудрюс, воспитанный строгой Эляной. Напротив, весел, доброжелателен, раскован. И, как ни мало оставалось у него свободного времени, он успевал и отдохнуть и развлечься. Только отдых его и развлечения не были пустыми. Он занимался парусным спортом: месяц провел на яхтах в Каунасском море. Прошлым летом с молодежной группой ездил в Польшу. Будущим летом собирается в ГДР.

Бродил с нами по старинному Каунасу, но время от времени поглядывал на часы. В четыре он должен был быть на репетиции вокально-инструментального ансамбля.

— Поют и играют ребята из соседней школы,— пояснил Аудрюс.— А я наблюдаю за аппаратурой. Присутствие мое там не столь уж обязательно, но я сам усилители делал и предпочитаю сам их налаживать.— Улыбнулся.— На всякий случай...

Мы вскоре распрощались с ним, и он ушел, очень деловой, сосредоточенный, по-мальчишечьи широко взмахивая руками, высокий, светленький — сын Эляны.

...И на фабрике «Кауно аудиняй» наш разговор с секретарем парткома Геновайте Бальчюнене тоже начался с сына Эляны, Аудрюса.

— Знаете, этим летом в каникулы Аудрюс работал электромонтером. Эляна сказала: «Я зарабатываю достаточно. Но Аудрюс собирается в зарубежную поездку, организованную горкомом комсомола. Это стоит денег. Пусть знает, что хоть часть из них заработал сам». ...Да, Эляна правильно воспитывает своего сына. Моя дочь вместе с Аудрюсом бывала в пионерлагере, и от нее я тоже только хорошее о нем слышала. Эляна сына во всем контролирует, но в то же время советуется с ним, как со взрослым. У них хорошая атмосфера в семье, уважительная. Иной раз приходила к ним — муж Эляны еще жив был,— оба, и он и мальчик, ходят буквально на цыпочках: «Мама вернулась после ночной смены, отдыхает»... Муж Эляны был инженером-строителем. Так вот, знаете, бывает в некоторых семьях — у мужа есть высшее образование, а у жены нет,— так он считает возможным из-за этого к ней свысока относиться. Но муж Эляны был по-настоящему интеллигентен. Он свою жену уважал, гордился ею. Хотя мне самой иной раз даже неловко бывало перед ним: в праздники, в воскресенье звоню и объясняю — Эляна, мол, на конференцию, Эляну вызывают в Вильнюс, Эляне надо готовиться к докладу — придется оторвать ее от семьи...

Вот я на фабрике четырнадцать лет,— продолжает Геновайте Бальчюнене.— Каждый день наблюдаю Эляну и вижу, как изо дня в день она растет. Помню, присутствовала на комсомольских собраниях, и уже тогда выступления Эляны обращали на себя внимание своей принципиальностью, взыскательностью. Она говорила то, что было на самом деле, и часто не то, что хотелось кому-то услышать... А прежде чем подать заявление о приеме в партию, она долго думала: для нее это был шаг очень серьезный, очень значительный. Но вот она стала партийным секретарем цеха — тогда я ее по-настоящему узнала. В ней отчетливо проявились подлинные черты коммуниста: она переживает за других так же, как за самое себя. Вот недавний пример—заболела одна из наших работниц, не вышла в смену. На следующий день узнаю: Эляна у нее уже побывала, уже позаботилась об устройстве в больницу и пришла посоветоваться, как будем действовать дальше. Она все успевает. А обязанностей у нее много. Она член бюро горкома партии. Депутат Верховного Совета Литовской ССР. Член Комитета советских женщин. Член нашего фабричного партийного комитета. Но все эти важные общественные нагрузки никогда не наносят ущерба ее основной работе в цехе. Вот вы с ней встречались вчера днем. В одиннадцать вечера Эляна вышла на смену. Ночь проработала. А утром уехала в Вильнюс на конференцию. Я ей сказала: «Тебя подменят». А она: «Нет!» Иной раз гляжу на нее и думаю: «Откуда силы берутся?»

...Мы вышли из цеха, и я почувствовала, что в ушах у меня словно вата: заложило, как бывает в самолете на высоте.

— С непривычки,— сказала Эляна.— Нам после отпуска тоже кажется — глохнешь. Но потом привыкаешь...

Профессия ткачихи считается женской. Но когда за работой этой понаблюдаешь, сказать «женская» не поворачивается язык. Вроде бы все в цехе делают машины, только труд ткачихи все равно и был и есть тяжелый труд.

И ведь нет легкого труда. Это даже и не сочетается: труд легкий. Как нет и не может быть легкой жизни. Она-то и прекрасна в своей сложности. А люди сложной судьбы, сложного характера, именно они и интересны.

...От фабричной проходной до дома, где живет Эляна Маркявичене, пять минут ходьбы. Дом выстроен из светлого кирпича, многоэтажный, многоподъездный, массивный и в то же время легкий в своих очертаниях. А рядом, примыкая к дому, двухэтажный аквариум: кафе.

— Вы там бывали? — спрашиваю у Эляны.

Качает головой:

— Времени нет. А ты? — обращается она к сыну.

— Конечно. — В голосе Аудрюса слышна как бы укоризна.— Там такие вкусные пирожные!

...Эляна и Аудрюс идут по аллее старинного парка. Сын слушает, склонившись, что говорит ему мать. Он высокий, она маленькая. Но оба они очень занятые, деловые, серьезные люди. Эляна сделала себя такой сама и воспитала таким сына.

С сыном Аудрюсом. Фото Л. Шерстенникова

ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ ТРУДА!

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ РЕКИ

Нурия МУЛЛАКАЕВА,
бригадир-флотатор Башкирского медно-серного комбината, Герой Социалистического Труда

Я живу в Сибае. Может быть, не все знают наш город? Расположен он на Южном Урале, километрах в ста от Магнитогорска. Вокруг степи и горы. А в горах руда — главное богатство нашей земли. Из этой руды мы, флотаторы, на горно-обогатительной фабрике получаем концентрат меди и цинка. Процесс этот сложный и тонкий, требует не только знаний, но, если хотите, и интуиции. Иногда в лаборатории еще только анализ делается, а опытный флотатор зачерпнет пульпу и уже пальцами, кожей рук, по тонине помола, по плотности пульпы, по самому ее цвету чувствует, сколько надо добавить реагентов, чтоб получить побольше меди и цинка. Словом, ловим граммы. А из них складываются тонны.

Мы обязались в этом году получить сверх плана 30 тонн концентрата меди и 150 тонн концентрата цинка; повысить на полпроцента их качество, каждые сутки перерабатывать не менее 1510 тонн руды (в прошлом году нашим обязательством было 1490 тонн), а сверх годового плана в общей сложности переработать семь с половиной тысяч тонн.

За счет изыскания дополнительных резервов мы решили завершить годовой план досрочно. Для этого придется ликвидировать «хвосты» — так называются отходы, содержащие главным образом вредную примесь — серу. Надо стараться, чтобы в этих «хвостах» не было ценных металлов.

Есть еще один важный пункт в нашей программе на ударный год пятилетки. Мы поставили себе задачей на четыре с половиной процента перекрыть проектную мощность секции. Нелегкая это задача. Наша шестая секция новая, и мы перешли на ее обслуживание два года назад. Вместо 106 флотокамер и двух песковых насосов, как было раньше, обслуживаем 177 флотокамер и шесть насосов.

Конечно, нам будет нелегко. Прежде чем выходить на такие рубежи, собрались мы все вместе — наша бригада сквозная,— еще раз пересмотрели свои возможности. «Сможем ли?» — спросила я своих сменщиц — Анну Николаевну Вторушину, Анну Сергеевну Суворову, Анну Георгиевну Климову. Все три Ани, подруги мои, ответили: «Сможем!» Нас с легкой руки Бажова хозяйками медных рек называют. «Сделаем!» — поддержали нас, хозяек, мельники. Хорошие у нас мельники! Да и вся бригада сплоченная, дружная, потому и работа у нас спорится. Уверены, что обязательства свои выполним с честью.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

НАГРАДА ТРУЖЕНИКАМ ДМИТРОВА

1 В древнем Дмитрове состоялся VIII слет передовиков сельского хозяйства. В зале — пятьсот ударников коммунистического труда. Лучших работников подмосковных полей и ферм тепло и сердечно приветствовал член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, первый секретарь МК КПСС товарищ В. И. Конотоп. Среди почетных гостей — первый секретарь Кировского РК КПСС Москвы товарищ В. Г. Чубаров, партийные работники из Ленинградской и Киевской областей, летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза Е. В. Хрунов.

За успешное выполнение социалистических обязательств в 1977 году товарищ В. И. Конотоп вручил представителям района переходящее Красное знамя Московской области.

А через несколько дней пришла новая радостная весть: город Дмитров признан победителем Всесоюзного социалистического соревнования за повышение эффективности производства и качества работы в 1977 году. Наш город награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

А. ФАТУЕВ,
редактор газеты «Путь Ильича»

Фото Б. Кузьмина

КАЗАХСТАН

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ПО ЗАКАЗУ

2 Недавно в Алма-Ате состоялось землетрясение. И не какое-нибудь, а в девять баллов. «Заказали» его строители новой гостиницы «Казахстан», а роль необузданной стихии взяла на себя вибрационная машина, установленная на крыше 27-этажного здания специалистами из института «Казпромстройниипроект». После проверки на сейсмостойкость в стенах не появилось ни единой трещины. Только вода, расплескавшаяся из огромных баков — их подняли на крышу специально для наблюдения за испытанием, — подтвердила, что встряска была основательной.

— Здание такой высоты, — сказал председатель правления Союза архитекторов Казахстана Шота Едрисович Валиханов, — в условиях девятибалльной сейсмичности построено в нашей стране впервые. При расчетах были использованы записи движений грунта, сделанные во время наиболее сильных землетрясений. Теперь мы экспериментальным путем установили, что подземная стихия новой гостинице не страшна.

В первые дни 1978 года гостиница уже приняла гостей. В ней могут одновременно поселиться тысяча человек. Современные формы здания органично включают в себя элементы национальной казахской архитектуры. Сама стройка была рекордом — всего за два с половиной года!

— Эталон красоты для нас — горы, — говорят алма-атинские архитекторы, — лучше их мы еще ничего не построили.

Равнение на этот необычный эталон принесло добрые результаты. Столица Казахстана богата красивыми современными новостройками. Дворец Ленина, Дом дружбы, гостиница «Алма-Ата», железнодорожный вокзал... Можно уже говорить об особой, казахстанской школе градостроительства, которая в этом году, кстати, получит и свое официальное оформление: в Алма-Ате открывается архитектурно-строительный институт.

А пока ее последнее слово — гостиница «Казахстан» в центре города, на пересечении проспектов Ленина и Абая. Сверкает на высоте 27 этажей венец из анодированного алюминия. Алма-Ата обрела новый символ.

Б. ЛАБУТИН
Фото автора

МОСКВА

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ТЕЧЕТ... ПО ТРУБАМ

3 Огромные опоры линий электропередачи давно уже стали неотъемлемой частью индустриальных пейзажей. Мы так привыкли к этим стальным гигантам, что нам и в голову не приходит, что электроэнергию в сотни, тысячи киловольт можно передавать без их помощи, можно освободить большие площади земли, которые заняты ЛЭП. Да и хлопот с этими линиями немало. Как создать линию, лишенную недостатков обычной ЛЭП?

На этот вопрос ответили сотрудники Всесоюзного электротехнического института имени В. И. Ленина. Впервые в стране ими создана опытно-промышленная линия электропередачи напряжением 220 тысяч вольт, в которой электроэнергия передается по трем алюминиевым жилам, заключенным в стальную трубу. Она заполнена инертным газом, который является основной электрической изоляцией. Газ этот нетоксичен, но довольно дорог.

Рассказывает ведущий инженер по вводу в эксплуатацию новой ЛЭП Н. В. Круглов:

— Внедрение газонаполненных кабелей высокого напряжения связано в первую очередь с тем, что они обеспечивают вчетверо большую передаваемую энергию. Кроме того, занимаемая ими площадь в 15—20 раз меньше. При этом полная независимость от погодных условий и рельефа местности, а также возможность подземной прокладки. Нельзя сказать, что в будущем воздушные ЛЭП повсюду уступят место новым кабелям, но несомненно, что в черте крупных городов высоковольтные линии будут выполняться в виде именно таких кабелей. По ним можно передавать электроэнергию напряжением 1,5—2 миллиона вольт и выше.

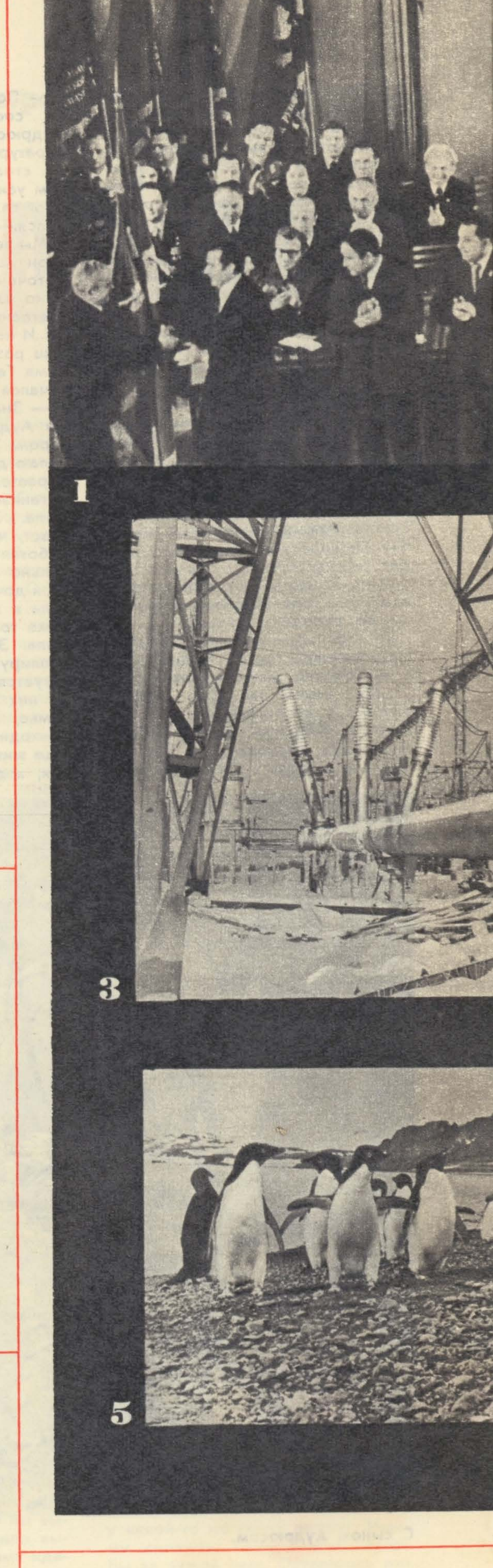
Сегодня специалисты московского управления «Союзкислородмонтаж» ведут отладку новой линии электропередач.

Вместе с начальником производственно - технологического отдела А. Ю. Поповым мы идем вдоль металлической трубы, уложенной на небольших бетонных опорах.

— Внешне обычный трубопровод,— говорит А. Ю. Попов.— Но сколько с ним пришлось повозиться нашим монтажникам! Каждый шов должен быть совершенно непроницаемым. А после сварки в трубе не должно остаться ни пылинки. Вот и приходилось для каждого шва строить маленький домик, а потом еще чистить внутри трубы пылесосом. Длина нового кабеля 500 метров. Но это только начало.

На снимке: новую ЛЭП удалось провести даже в исключительно стесненных условиях действующей подстанции.

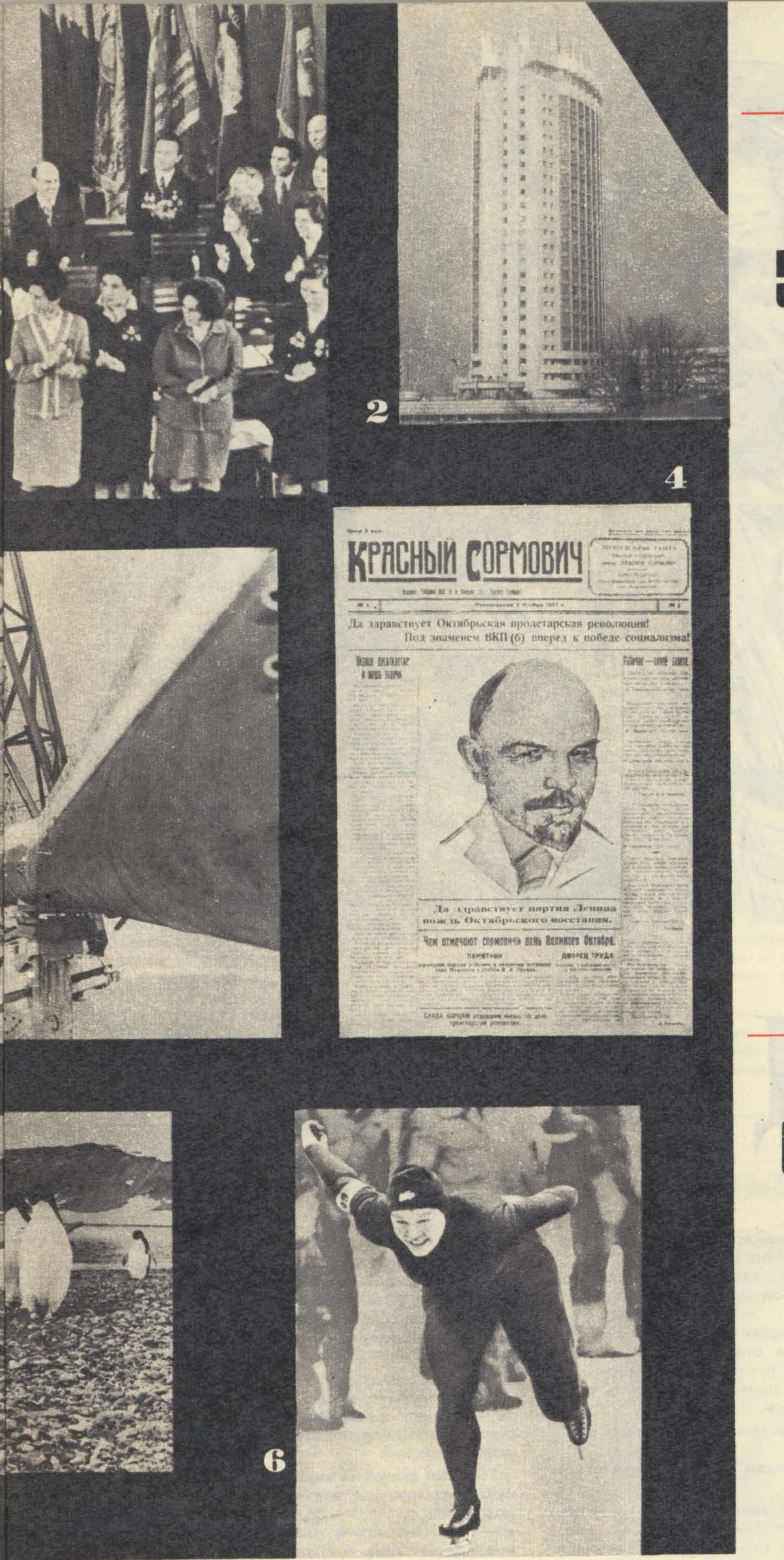
С. МИХАЙЛОВ

ГОРЬКИЙ

МНОГОТИРАЖКЕ — ПОЛВЕКА

4

ЛЕНИНГРАД

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПИНГВИНЫ!

5

23 января в дальний рейс к берегам Антарктиды вышел теплоход «Эстония». Это последний корабль из шести судов советской антарктической экспедиции, осуществляющих смену вахты науки на ледяном материке. Группу полярников возглавляет начальник 23-й зимовочной САЭ Олег Константинович Седов.

Многообразна и сложна программа экспедиции. Она нацелена на комплексное изучение южнополярной области планеты. С помощью термобура будут взяты пробы с различных горизонтов ледяного щита для химического, изотопного анализов, определения возраста и скорости роста льда, для биологического его исследования. Именно биологического. На 200-метровой глубине спрессованного мертвого льда наши биологи уже обнаружили и оживили простейшие микроорганизмы. Эти бактерии «проспали» во льдах 8500 лет. В поисках жизни ученые стремятся заглянуть еще глубже. У науки много вопросов к Антарктиде. А какие практические выгоды принесет ответ на них человечеству, зачем людям Антарктида? Вот что об этом думает заместитель директора Арктического и Антарктического НИИ, доктор географических наук Е. С. Короткевич.

— Кое-что мы уже знаем о белом материке. Обнаружены богатейшие залежи угля в самых разных районах Антарктиды. Советские геологи нашли магнетитовые жилы и титано-магниевые руды. В последние годы они открыли железорудные пласты на Земле Мак-Робертсона. Их площадь около 10 тысяч квадратных километров. Ближе к побережью обнаружено другое месторождение руд, не уступающее Курской магнитной аномалии. Разведаны залежи медного колчедана, никелевые и свинцовые руды. Геологи нашли марганец, молибден, хром, олово, графит и слюду, берилл, топаз и горный хрусталь, проявления серебра, золота, платины. Предполагаются громадные запасы нефти и газа... И все эти находки пока сделаны только в разломах ледяного щита или у самого побережья. Ведь ни одной экспедиции еще не удалось пробить четырехкилометровую толщу льда. Огромные пространства недр материка под ним таят колоссальные богатства.

И все же будут люди осваивать этот суровый материк. Возможны здесь шахты, рудники и открытые карьеры, даже металлургические предприятия.

Весьма солидны и пищевые ресурсы Антарктики. В водах, омывающих берега континента, можно создать рыбные хозяйства, фермы для разведения морских животных и даже китов. Высококалорийной биомассы в виде разных водорослей, рачка криля здесь огромные запасы, подводная фауна и флора необычайно богата — это установили наши ученые-подводники М. Пропп, Е. Грузов и А. Пушкин. Даже пресную воду будет брать у Антарктиды человек. Австралийцы, например, разрабатывают проект огромного трубопровода по дну океана, чтобы гнать по нему глетчерный лед из Антарктиды в засушливые районы.

Эти примеры — только скромные наметки будущего хозяйственного использования человечеством загадочного студеного материка. Ради этого и несут сегодня трудную вахту в Антарктиде пытливые и мужественные посланцы науки.

О. ПОПОВ

На снимке: Выгрузка в Антарктиде.

САМАЯ БЫСТРАЯ

6

Для того, чтобы стать чемпионкой мира в спринтерском многоборье на льду американского города Лейк-Плэсида, Любе Садчиковой надо было побить два всесоюзных рекорда, выиграть обе дистанции второго дня первенства и решить, таким образом, труднейшую задачу: обойти юную американку Бет Хейден.

Люба решила все блестяще!

...Был в 50-х годах такой скороход — Валентин Приставкин. Сильный мастер, он пользовался известностью, особенно на родной Смоленщине, а затем преподавал в институте физкультуры, заведовал кафедрой, работал тренером. И вот однажды Приставкин увидел на катке рослую девушку, Любу Садчикову и угадал в ней незаурядного спринтера. Мощный, порывистый бег, хотя и далекий от идеала, выделял ее среди сверстниц.

Первые успехи Любы относятся к 1971 году, когда она стала вице-чемпионкой страны в молодежной группе. Как далеки те ее «серебряные» секунды (500 метров — 47,2 и 1000 метров — 1.37,1 сек.) от нынешних «золотых», принесших Садчиковой титул чемпионки мира. Теперь, в Лейк-Плэсиде, она пробежала эти дистанции за 42,38 и 1.28,0 сек., набрала 174,670 очка. Время на пятисотке и сумма оказались рекордными для равнинных катков страны.

Не однажды Любовь Садчикова выступала на мировых спринтерских чемпионатах; в 1973 году была седьмой, через год — четвертой, еще год спустя — пятой. На олимпийском льду Инсбрука она заняла шестое место. Казалось бы, надежд на успех у 27-летней спортсменки немного, но Люба упорно занималась у Валентина Приставкина, а ее подготовкой в сборной команде страны руководил известный тренер Константин Кудрявцев, вырастивший многих чемпионов и рекордсменов мира и Олимпийских игр. И вот победа в Лейк-Плэсиде. Любовь Садчикова — чемпионка мира в спринтерском многоборье.

И. ОБРАЗЦОВ

Телефото ЮПИ—ТАСС

Выписка из протокола заседания бюро Сормовского райкома ВКП(б) от 20 октября 1927 года. «Слушали: О заводской печатной газете в Сормове. Постановили: Считать необходимым с 1 ноября сего года приступить к изданию регулярной заводской печатной газеты в Сормове».

И вот 7 ноября 1927 года, в день празднования десятилетия Великого Октября, вышел первый номер «Красного сормовича». Газета сразу же стала не только зеркалом, но и организатором заводской жизни. Стахановское движение, борьба за режим экономии, обеспечение завода сырьем и топливом, охрана труда, организация быта рабочих — все, чем жил завод, тут же находило отражение на страницах газеты, Но вездесущие рабкоры шли дальше: они приносили в редакцию критические материалы, и худо приходилось бюрократам, попавшим в руководящее кресло.

А движение за выполнение пятилетки в четыре года! Впервые этот призыв сормовичей прозвучал на страницах их заводской газеты, а вскоре его подхватили рабочие Ижорского и Коломенского заводов.

Вот-вот должен был вступить в строй канал Москва — Волга, а пароходов не хватало. Тогда «Красный сормович» обращается к рабочим с просьбой мобилизовать свои силы и поддержать всенародную стройку. Сормовичи откликнулись и в апреле 1937 года досрочно выпустили четыре парохода и шесть пассажирских катеров.

Регулярно выходила газета и в годы войны. «Красный сормович» рассказывал о земляках, ушедших на фронт, о том, как на заводе осваивается выпуск танков Т-34, а после войны — о первых теплоходах, паровозах, судах на подводных крыльях и т. д. Организация социалистического соревнования, его гласность, поддержка инициатив передовых рабочих, очерки и репортажи о людях, которыми гордится завод, материалы о молодых и ветеранах, словом, обо всех сферах жизни «Красного Сормова», печатаются в каждом номере газеты.

Заслуги многотиражки отмечены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, рядом призов и дипломов. А в канун 50-летнего юбилея газета стала лауреатом премии имени М. И. Ульяновой.

Ю. МАРЧЕНКОВ,
секретарь парткома завода «Красное Сормово»

ГОРДЕИЧ

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Старую березу спилили. Когда-то в нее ударила молния и глубоко рассекла ствол сверху донизу. Дерево еще долго сопротивлялось смерти: по весне пускало сок, и он зализывал больные раны; на тонких, покачивающихся от ветра ветвях появлялась зеленая листва. Кора со временем грубела, становилась похожей на кору пробкового дерева; бежали по нему старатели-муравьи, копошился червяк, завелись жуки-долгоносики — и посыпалась труха.

Нашелся человек и смастерил из сваленной березы скамейку наподобие козел и поставил в лесу.

На этой самой скамейке мы и сидели с Гордеичем: я просто так отдыхал погожим воскресным утром, а он точил бруском косу, которой только что обкашивал траву вдоль обочины шоссейной дороги.

Скошенная трава источала душистый аромат.

Протерев пучком травы косу, Гордеич отложил ее в сторону.

— Росе конец, косе венец!— изрек он и подвинулся ко мне поближе.— Жизнь, она, что?— спросил как бы самого себя и пустился в рассуждение.— Вот я, к примеру: родился на Смоленщине, в лаптях добрался до Питера, голод куда только ноги не загонит! Там подрядился к богатому барину в лакеи. Чем я ему понравился, сам не пойму! Худой был, белобрысый. Нарек он меня «Синеглазый», велел выдать одежонку поприличнее. Стал я у него по дому прислуживать: «Синеглазый, сюда! Синеглазый, туда!» Так и мотался целыми днями по барским хоромам, словно маятник.

У барыни своя прислуга была. Одна из них мне приглянулась, да и она ко мне быстро прилипла, а к пасхе у нее живот на нос полез. Всем была неплоха моя черноглазая Настасья, только жениться мне не шибко в ту пору хотелось.

Она к барыне, та к барину, а барин меня за чуб да на колени: «Что же ты, бесова душа, соблазнил девку и хвостом крутишь? Женись, не то я тебя выгоню!»

Выгнать-то он меня не выгнал, а «хомут» на шею надел. И посыпались у нас сыновья: четверых принесла Настасья. Двоих война забрала, хорошие парни были, а этих двух, непутевых, вы знаете. И в кого они такие уродились!

Потускневшие, когда-то синие, как лен, глаза Гордеича не спеша обшаривали карманы старенького пиджака, лежавшего на земле рядом с березой.

Гордеич вынул из внутреннего кармана плоскую бутылочку и отхлебнул несколько глотков.

— От жены прячу. Сварливая она в последнее время стала.— И он засунул бутылку обратно в карман.

— Так вот я и говорю, что же такое жизнь?— снова начал Гордеич.— От барина я попал в окопы империалистической — дошла очередь и до меня. После Октябрьской революции дрался на фронтах гражданской за рабоче-крестьянскую власть. А потом послали меня учиться. Поздновато, конечно, но специальность пожарного освоил и снова стал воевать, теперь уже с огнем: то он меня лизнет по спине, то я его водой окачу...

Говорят, жизнь — это прожитые годы, а я так думаю: жизнь — это минуты. Не год же я один дом тушил,— и так все, что ни возьми. И траву эту не год косил, а опять-таки, покуда роса не просохла. Даже Настасья моя не по году рожала, а за несколько минут управлялась. Вот и выходит, что вся моя долгая жизнь из от-

дельных минут сложена, и все они разные, одна на другую не похожие...

Возьмите день. Разве он такой был вчера, как сегодня? И завтра будет другой. Даже солнце — одно для всех, а светит по-разному, по-разному и греет: летом не так, как зимой, весной не так, как осенью.

Говорят, что время не стоит на месте, с этим я вполне согласен. Наша жизнь по сравнению с вечностью одно мгновение, и это верно. Мало нам отпущено времени, и я своего не заметил. Вот и выходит, что жизнь не годами, а минутами исчислять надо: столько-то на сон, столько-то на еду, столько-то на работу. Посидели мы с вами несколько минут, и они вошли в мою жизнь, стали ее частицей...

— Где же вас, Гордеич, Отечественная застала?— поинтересовался я.

— Пошел в ополчение. Из осажденного Ленинграда детей на Большую землю вывозил. Отправим их в тыл поглубже — и снова на фронт. Два раза ранен был, из них разок в госпитале отлежал. После войны в Москве обосновался, сюда и Настасья с сыновьями из эвакуации приехала.

Опять с огнем воевал: поступил на завод, в пожарной охране работал. А как на пенсию вышел, к природе потянуло. С тех пор в здешнем дачном поселке садовником числюсь, а точнее, мастером на все руки.

По праздникам одевался Гордеич в чистый костюм, на котором алел орден Красной Звезды и звенели медали.

Годочков под восемьдесят ему подкатило, но держался он бодро, службу свою нес исправно. День рождения справлял седьмого ноября, и шли к нему односельчане с поздравлением. Только в этот день и величали полным именем — Дмитрием Гордеевичем, а обычно все Гордеич да Гордеич.

Рассказывали, в молодости Гордеич весельчаком слыл: на гармошке играл, под балалайку частушки складывал, отпускал шутки-прибаутки в адрес молодух, за что ему доставалось от Настасьи. Он отбивался: «Что ты, дуреха, разве есть кто лучше тебя? Ты у меня первейшая красавица!»

Все в молодости было, да кануло. Подменили годы человека, старость тихо-тихо свое дело делает. Пожалуй, что и осталось у Гордеича, так это хватка в работе.

Надеялся Гордеич на сыновей, что скрасят ему старость, да не повезло.

У старшего сына жена была красивая, шустрая, ткачиха. Все у нее легко и ловко получалось, только беда большая стряслась. Забыла повязать голову косынкой, коса и попала под маховик, начисто с головы волосы стянуло.

Схоронили невестку, и запил сын. Стала мать для осиротевшего сына жену подыскивать, да так и запуталась в этом деле. Родители покойной взяли внука к себе.

Со вторым сыном Гордеич не меньше помаялся. Школу мальчишка закончил неплохо, даже в институт поступил, только продержался там до первого семестра: потянуло к легкому заработку. Зачем пять лет учиться, когда быстрее деньги можно заработать!

Мать не спорила: «Не всем в академиках ходить».

Появились у молодца деньги, появилась и компания. Грозился Гордеич выдрать сына, да где с ним справиться.

Напились как-то ребята — много ли им надо!— учинили драку, и угодил сын на три года в тюрьму. Через год амнистировали, вернулся домой, только родителям не легче стало. Если раньше зимой снег по дорожкам с отцом сгребали или летом траву вместе обкашивали, то теперь и в этом перестал помогать старикам, а мать, без устали браня и ругая сына, продолжала баловать свое непутевое чадо да Гордеича винить во всем.

Старик отмалчивался, а у самого давление вверх ползло. Пошел однажды в лес да и свалился там. Чужие люди подобрали, домой привели.

Раньше, казалось, износу Гордеичу не будет, а тут как подменили его: ходит — ноги трясутся, и, как былинку, его качает...

Долго сидели мы в тот день с Гордеичем, все о жизни толковали. А недели через две узнал я, что увезли его в больницу.

Стало недоставать деда в поселке: то лампочка перегорит, то кран у кого-то потечет, а исправить некому. Был мастер, да износился, ударила гроза и в его ствол.

Как-то утром, выезжая на работу, повстречал я у ворот сына Гордеича.

— Как отец?— спросил я.

— Плохо. Говорить не может, левую сторону парализовало. Ни ест, ни пьет. Ходим с матерью по очереди кормить.

— Мать побереги!

— Да она, по-моему, свихнулась, заговариваться стала. Сегодня утром вот что от нее услышал: «Сон приснился или наяву? Налетели на меня вороны и давай вокруг летать, крыльями машут. Не к добру это, как бы не помер Гордеич!»

— Где же она теперь?

— За получкой поехала. Зарплата у нас сегодня, а оттуда в больницу.

— Будешь у отца, привет передай. Скажи, чтоб держался!

— Да ему теперь что ни говори, все молчит. Иногда правую руку слегка согнет в локте, сожмет кулак и помашет.

— Все равно скажи, привет, мол, я прислал.

— Хорошо.

Вечером ворота открыла Настасья. По лицу стало ясно: что-то случилось.

— Как... там?— спросил я осторожно.

— Помер Гордеич, помер! — И она, громко, всхлипывая, запричитала.— Ночью помер! Говорят, долго по кровати метался, все искал глазами кого-то, может, меня, да так, не сказавши ни слова, и помер!

Это уже не та Настасья, которая зимой, несмотря на свои семьдесят лет, выскакивала к воротам в одном платье да в ботинках на босу ногу. Не та, что на зависть своим сверстницам бегала трусцой, показывая, что еще здорова и силенок хватит лет на сто! Смотрю я на нее и не узнаю: лицо осунулось, плечи осели, ноги еле волочит...

Похоронили Гордеича, как заслужил, со всеми почестями: весь поселок провожал, с музыкой. Из-за скромности он мало кому рассказывал о себе, да и мне не все тогда, на березе, открыл. Только на похоронах все про него и узнали.

Приезжали проститься с Гордеичем и его бывшие однополчане, бог весть как узнавшие о его кончине. Они-то и рассказали про второе ранение Гордеича в суровые блокадные ленинградские дни, после которого он месяц в госпитале отвалялся...

А дело было так. Выпало Гордеичу в тот день очередную группу истощенных ребятишек «дорогой жизни» везти. Посадил он девчушку одну с собой в кабину — потеплее там, очень уж она слаба была. На середине пути застал их обстрел. Рядом снаряд разорвался. Гордеич вмиг девчонку прикрыл, а в самого-то и угодило. Кровью истекал, а баранку из рук не выпустил. Как вылез из кабины, так без сознания и упал. Очнулся уже в госпитале. Все про тех ребятишек да про девчушку спрашивал: целы ли?

И еще одна женщина, тетка Клава, приезжала Гордеича провожать. От нее самой услышали про то, как он с огнем воевал да людей спасал.

Сильно полыхал старый дом, каких много было не так давно на окраинах Москвы. Всем, казалось, из горящего дома помогли выбраться, да вдруг кто-то вспомнил, что тетку Клаву никто не видел. «В доме осталась!»— ужаснулись все. А уж и балки рушиться стали. Вызвался первым пойти в самое пекло Гордеич. Ловко так, быстро по лестнице взобрался, в окно юркнул и на руках тетку Клаву вынес. Тетка потом делилась:

— Угорела, видно, я и не сразу сообразила, что мне делать, а кругом аж гудит. Я туда, я сюда. Замешкалась. Уж богу молюсь, отпущение грехов у него прошу. Вдруг из огня он и появляется. Думала — мерещится, конец мой близок. А тут меня еще и вознесло — и поплыла я сквозь дым. Очнулась на улице. А рядом — опять он. «Зовут-то как?» «Дмитрием Гордеичем!» Вот и весь наш разговор. Больше его и не видела. А посмотреть на него, на родимого, хотелось! Пожарную команду сыскала, где он служил, друзей-приятелей расспрашиваю, а они мне говорят: «Не ищи его, тетка, он все равно не признается, что спас тебя. Так ни разу и не сознался никому. Такой он у нас... молчун!»

А я все равно ему открыточки к праздникам слала да все про него узнавала: хорошо ему — и мне радостно, а плохо — и я грущу!..

Сыновья сидели, поникнув: поняли, кого потеряли.

Осиротела Настасья, сникла. Нет-нет да глянет в окошко на дальний лесок, где лежит ее Гордеич, ушедший от всех забот, оставив о себе след в сердцах людских.

ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ ТРУДА!

ЭСТОНИЯ

МОЩНЫЙ ИМПУЛЬС

Лейда ПЕЙПС, мастер машинного доения опорно-показательного совхоза «Вильянди», Герой Социалистического Труда

Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра — лучше, чем сегодня,— это стремление диктовало мне строчки нового социалистического обязательства.

И я решила в нынешнем году получить от сотни коров 518 тонн молока. Сделать это, конечно, непросто, но надеюсь, что слово свое сдержу. Уже за январь я получила на 47 центнеров больше, чем в том же месяце прошлого года. Очень отрадно, что год 1978-й успешно начали и мои соперницы по социалистическому соревнованию: Герой Социалистического Труда Розалие Кирьянен из эстонского совхоза «Тарту» и депутат Верховного Совета СССР Мухтарам Гаффарова из Узбекистана.

Прошло три года с того незабываемого дня, когда я получила письмо от Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. За это время сотни и сотни доярок Эстонии перешли на обслуживание больших групп коров, стали применять передовую технологию содержания и доения. В прошлом году почти половина доярок республики получила по 150 и более тонн молока. Уже 49 моих землячек преодолели рубеж 500 тонн молока от группы в год, который еще недавно казался таким трудным. В этих прекрасных результатах я вижу главный смысл социалистического соревнования, развернувшегося на каждой ферме, в каждой бригаде республики.

О своих успехах пишут коллеги из разных уголков страны, просят поделиться опытом, приезжают ко мне на ферму «Пяри».

А недавно я получила письмо от животноводов Плевенского округа Болгарии. Они сообщают, что уже треть доярок округа перешла на обслуживание крупных групп коров.

Меня часто спрашивают, почему я не перехожу на новую ферму, с самой современной технологией. Ведь по всей нашей стране сейчас идет интенсивное строительство крупных комплексов, настоящих фабрик молока. Однако отказываться от старых ферм еще рано, они вполне дееспособны и при грамотной организации труда могут и должны давать максимум продукции.

Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании социалистического соревнования в 1978 году дало мощный импульс трудовому соперничеству животноводов.

ШКОЛА БЕЗ ЗВОНКА

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото М. САВИНА

Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Теперь идемте,— вдруг заторопился, прервав свой рассказ и взглянув на часы, Михаил Петрович Щетинин, директор школы в поселке Ясные Зори Белгородского района.— А то самое интересное пропустим: начало урока музыки.

Звонка на урок, однако же, я не слыхала. Не было слышно звонков и на последующих занятиях. Потом я узнала, что трудовой день в этой школе вообще проходит во всех классах — от первого до десятого — без звонков, подчиняясь только прочно установившемуся «внутреннему» расписанию — той высокой дисциплине педагогов и учащихся, которая составляет главную примету коллектива и объясняет все его начинания и свершения, в которых отчетливо просматриваются черты жизни по-новому, неустанного и радостного познания.

В коридоре мы быстро пристроились к концу шеренги ребятишек второго класса. Под звуки раздававшейся им навстречу негромкой музыки они рассаживались в классе по своим местам. И вот сразу все стихло: вошла тоненькая, очень молодая учительница Татьяна Георгиевна Шангареева. Встала перед детьми, оглянула их и без улыбки, негромко пропела:

— Здравствуйте, ребята...

Класс, стоя, дружно ответил учительнице пением. Привычное музыкальное приветствие прозвучало бодро и очень естественно, будто вот так все мы и должны по утрам общаться между собою:

— Добрый день, добрый день,
Песню петь нам не лень!..

И начались занятия. Вместе с учительницей класс разбирал известную песню о пограничнике. В этом сосредоточенном и деловитом разборе сочетался музыкальный смысл мелодии, смысл звуков со смыслом содержания песни: патриотическим, гражданственным, духовным. Дети отвечали на вопросы уверенно и охотно. Они как бы заново творили песню — каждый в отдельности и все вместе. Каждая очередная музыкальная строка рассматривалась ими (наверное, надо сказать «расслушивалась») со всех сторон, после чего Татьяна Георгиевна проигрывала ее на фортепиано. И потом уже пели весь куплет. Создаваемая классом мелодия звучала то сильно и настойчиво, то ласково и нежно. И так рождался напев как нечто общее и прекрасное, давая детям ощущение красоты и общности.

Так же одухотворенно, осмысленно проходили уроки хореографии, рисования, лепки, на таком же точно уровне проходит в этой школе весь вообще учебный процесс, насыщенный обоюдной самоотдачей ребят и педагогов.

Энергично, четко вела урок математики Валентина Григорьевна Рынзина, секретарь школьной парторганизации.

— Несмотря на все наши нововведения, а точнее, благодаря им учебная программа у нас четко выполняется,— сказала она.— Конечно, необычным пока еще предстает сам принцип комплексного образования: пять школ сразу в одной школе! Но это не мешает, а, напротив, помогает оживить всю без исключения жизнь школы, насытить интересом учебную работу ребенка. Ни один предмет не становится сухой, казенной обязанностью школьника, а рождает душевную потребность, превращает сам труд познания в радость каждого дня, радость жизни.

Как же хорошо, что начинается эта жизнь для яснозоринских ребят уже с детского сада. Здесь тоже не просто играют с ребенком, а понемножку приучают его читать и писать — целеустремленно готовят к предстоящему поступлению в школу как самому важному для него событию... Школа для больших и малых яснозоринских ребят — предмет гордости. В ней они встречаются с тем загадочным миром, где и предстоит им сотворить самих себя, найти и выразить свои способности.

Труд, труд и еще раз труд — вот, пожалуй, единственная направляющая и созидательная суть этого комплекса воспитания, который называется «Белгородским экспериментом». Во всей Российской Федерации он существует покуда только здесь, на Белгородчине. И скажем прямо: даже здесь, где эксперимент уже доказал свое право на существование, далеко не сразу появилось так много интереснейших находок и удач. Михаилу Петровичу Щетинину, зачинателю эксперимента и его вдохновителю, воспитателю прирожденному, пришлось пройти через многие, совсем необязательные трудности, прежде чем со стороны Министерства просвещения РСФСР и лично министра А. И. Данилова эксперимент получил всестороннюю и самую горячую поддержку.

Теперь-то школа в Ясных Зорях пользуется заслуженным признанием: коллектив — лауреат премии Ленинского комсомола за выдающиеся успехи в нравственном, эстетическом и трудовом воспитании. Нынче уже и самая идея комплексных школ больше ни у кого не вызывает первоначального недоумения или тем паче категорических возражений. Наоборот, у Щетинина появились последователи — такие же энтузиасты. Их встречаешь прежде всего в самой яснозоринской школе—и среди большинства педагогов и среди всех без исключения ребят, влюбленных в школу как в живое дело рук своих, создавших здесь замечательный трудовой отряд, именуемый «Отрядом отважных». Это запевалы всех начинаний, ударная сила школы: один за всех и все за одного — самые веселые, смелые, инициативные... Возглавляет «отважных» секретарь комитета комсомола Надя Неронова. Для нее, как и для многих других старшеклассников, школа стала судьбой. Девушка хочет стать и станет учителем, считая учительскую должность самой главной на земле.

— Все ведь от учителя зависит, — убеждена Надя,— быть или не быть полетам в космос, быть или не быть БАМу, полевому стану, хорошему врачу, механику, строителю...

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

Есть известный ответ на этот вопрос: Родина начинается с картинки в твоем букваре. Но ведь одно дело на картинку просто посмотреть, да еще взглядом порой не очень-то внимательным, хотя человек в отсутствии зоркости может быть вовсе и не виноват: не научили его, не сделали душевно зрячим. Зато уж если картинка создана собственным трудом и наполнена этим заветным добрым смыслом, она сама станет своеобразной и верной путевкой в жизнь.

— Патриотическое чувство Родины неотрывно от ощущения красоты окружающего, любви к своей земле. А оно возникает лишь в том случае, если с малых лет отдаешь людям себя, свой труд, настроение,— размышляет Василий Яковлевич Горин, председатель колхоза имени Фрунзе, человек с размахом и умом государственного деятеля, Герой Социалистического Труда.

— Мы-то, кажется, совсем другими росли,— продолжает Горин.— Никто не видел даже со-

●

На улицах Бессоновки (колхоз имени Фрунзе).

В яснозоринской школе идут занятия.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ

Работы учащихся художественной студии.

Световой фонтан перед колхозным Домом культуры.

Женя Нецветаев и Дима Папулин в мастерской прикладного искусства.

Урок хореографии ведет молодой педагог Галина Зинченко.

Цветные витражи исполнены по рисункам преподавателя А. И. Краснопольского.

той доли того, что сегодня имеют наши ребята. Но и нам есть чем гордиться: сызмальства были сплочены идеей Родины. И жили ради этой идеи и шли на смерть ради нее... У нас, на полях Белгородчины, ни единого дома целого не осталось после войны: в землянках жили. А сегодня мы богачи. Свыше четырех миллионов чистой прибыли в год получаем. Все можем себе позволить. И тратить на школу можем столько, сколько надо... Я очень рад, что именно в нашем колхозе начал Щетинин создавать свою школу по принципу единого комплекса — творческого, эстетического и, конечно же, трудового... Жаль, что мало кто ему верил в ту пору. А многие даже резко ополчились против,— дескать, показуха!.. Спасибо райкому партии: крепко верил в Щетинина нынешний первый секретарь райкома Николай Алексеевич Сурков. Он-то и направил его к нашим соседям, в новый современный поселок Ясные Зори.

Наша собственная школа, — говорит Василий Яковлевич,— тоже существует по принципу комплекса: на базе общеобразовательной полной средней школы работает несколько школ — трудового воспитания, спортивная, художественная, музыкальная, хореографическая... Все это не кружки самодеятельности, а именно школы, дающие и образование, и подход к специальности, и основы будущей профессии. И не для одиночек — для всех. А главное, в каждом ребенке человек пробуждается. Потому что школа осуществляет свой принцип прежде всего посредством труда! Не ради галочки, а ради совершенно реальных практических результатов. Мы видим эти результаты и на своем собственном колхозном поле, где работают подготовленные школой механизаторы, комбайнеры, электрики... Посмотрите сами, как живет и работает школа. Обязательно зайдите в механическую мастерскую,— посоветовал В. Я. Горин.

...Лестница в школе вела глубоко вниз. Вопреки моим предположениям там оказался не мрачный подвал, а огромная, как зрительный зал, светлая и чистая аудитория, где свободно размещались всевозможные сельскохозяйственные машины. Тут работали старшеклассники. Видно было, что они здесь не впервой: рычаги трактора, штурвал комбайна привычны ребятам. Школа нередко добивается знамени победителя в колхозном соревновании, когда заканчивается сбор урожая. И случается, что трудовую славу подростки не только делят с отцами и старшими колхозниками, но даже вырываются вперед...

По праву гордится школа своими юными механизаторами. Но не только ими. Замечательным концертом народных инструментов оказался урок музыки. Малыши из начальных классов сыграли «Светит месяц». Мелодия звучала то задорно, игриво, приглашая к пляске, то затихала, грустила... Музыкантам впору было давать выездной концерт. А когда я сказала об этом, то узнала, что в летнее время все классы проводят концерты систематически. В том числе и выездные. И даже не только на родной Белгородчине.

Затем я пришла на урок рисования. С ребятами занимался руководитель художественной школы Алексей Иванович Краснопольский. Неторопливый и добродушный, немолодой уже педагог, заметив, что я сразу же начала рассматривать детские работы — во множестве они были развешаны по стенам класса,— весь как-то по-детски просиял и расцвел. Ребячьи таланты он принимает близко к сердцу, радуясь каждой удаче своих питомцев... Как же много тут было удач и каких разных!

Тут лепка и выжигание и, конечно же, самые разнообразные рисунки карандашами и кистью. Тут и натура и свободный, неудержимый полет фантазии... И со всем этим опять же не стыдно было бы показаться на любой выездной выставке. К тому же в неистощимых запасниках Алексея Ивановича оказались еще целые кладези таких же ярких, интересных работ. Вот рисунки Марины Кривошеиной, Леши Кутькового, Иры Тихорадзе, Саши Прозапаса... Все эти ребята сидели тут же, в классе, и были полностью поглощены своим делом: рисовали положенную на столик буханку хлеба и стоявший рядом с нею черный глиняный кувшин. Казалось бы, каким простым будет этот натюрморт: вода и хлеб. Но тут крылась особая, содержательная и глубокая простота. Таким и возникал рисунок на листах бумаги. Все было передано детьми словно бы одинаково, а в то же время каждый рисунок выглядел поразному. Со своим настроением, своей мыслью о хлебе и воде. И, наверное, о Родине...

СДЕЛАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЧЕЛОВЕЧНЫМИ

Секретарь Белгородского райкома партии Николай Алексеевич Сурков начинал свое знакомство с поселком Ясные Зори, работая председателем тамошнего колхоза «Знамя». Сейчас этим колхозом руководит Николай Егорович Босов. Пока что он еще не добился таких же высоких показателей и серьезных материальных достижений, какие имеют соседи, колхоз имени Фрунзе, но яснозоринцы верят, что это их завтрашний день. Потому что видят, какое неисчерпаемое человеческое богатство растет у них в Ясных Зорях и школа и здесь же находящийся детский сад. Это подлинный завтрашний день советского села — творческие, всесторонне развитые люди, подготовленные профессионально кадры.

— Мы, впрочем, отнюдь не видим свою главную цель только в том, чтобы вырастить для колхоза хороших доярок и механизаторов,— говорит Николай Алексеевич Сурков.— Нет, наша цель шире! Стране нужен патриот, гражданин — деятельный, умеющий всегда и везде видеть перспективу, обладать чувством долга и чувством достоинства... Видели вы, как в школе у Щетинина во время перемены из классов выходят дети? Заинтересованные уроком, прямо-таки сияющие; и все чувствуют себя хозяевами своей школы. И ведь они уже сами, помимо учителей, прививают такое же отношение к школе всей колхозной детворе. Поэтому-то, наверное, и нет там «трудновоспитуемых». И правильно сказал председатель колхоза Николай Егорович Босов, когда довелось ему выступать в Москве, на пленуме ЦК профсоюза работников просвещения, отстаивая идею школы-комплекса, что нет на свете плохих и тем более трудных детей, а есть плохие организаторы, не умеющие думать и заботиться о детях по-настоящему... Теперь-то мы знаем, что щетининский метод будет подхвачен широко! Только в нашем районе его внедрили в десяти школах, а со временем их станет еще больше. Одно здесь очень важно: сохранить в каждой школе щетининские качества: воодушевление, увлеченность, даже одержимость. Очень важна у Щетинина вот эта неистощимая его любовь к детям...

— Вот взгляните,— подводит меня Николай Алексеевич к большому рисунку на стене.— Здесь изображен школьный комплекс в окончательном виде. Уже существующее здание новой школы напрямую соединено с колхозным Домом культуры внутренними, крытыми переходами. Так же прочно связаны со школой помещения трудовых комбинатов, спортивные залы, где, возможно, будут созданы даже и бассейны... А почему нет?— спрашивает Сурков.— Разве бассейн не нужен колхозной молодежи?! Нынешнее село,— продолжает он,— требует для себя многого. Требует ничуть не меньше, а может быть, даже больше, чем город! И это признак нашей силы, наших жизненных обстоятельств, которые мы делаем и будем делать самыми человечными...

●

Всегда с детьми директор яснозоринской школы Михаил Петрович Щетинин.

Ясные Зори, центральный поселок колхоза «Знамя».

В детском саду час здоровья.

Баянисты.

Учащиеся старших классов получают специальность механизаторов.

ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ ТРУДА!

ВЗМАХ ЛЕБЕДИНОГО КРЫЛА

ИВАНОВО

Лебедь в полете — фирменная марка Ивановского камвольного комбината. Здесь работает прославленная ткачиха Валентина Николаевна Голубева, Герой Социалистического Труда. Человек она молодой, улыбчивый, доброжелательный и отличающийся какой-то особой, одухотворенной любовью к работе. Около станков Голубева особенно хороша — стремительна, деловита.

Но на этот раз на комбинате Валентину Николаевну не застал. Позвонил ей домой, поздравил с тем, что в Письме ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ она названа среди передовиков соревнования. Поинтересовался планами.

— Мои планы? — переспросила Голубева. И не без лукавинки продолжила:— На неделю, на месяц или на год?

Позже я понял серьезность этого полушутливого вопроса. Забот у Голубевой так много, что каждый ее день расписан чуть ли не по минутам.

— Но сейчас основное — защита диплома в техникуме. Защищаться буду в самом начале марта, за несколько дней до нашего праздника. А вскоре после него — день моего рождения. Так что в марте у меня три важных события.

— Ваши ученицы будут скучать без вас?

— Не будут! Пять девушек, наставницей которых я была в прошлом году, полностью овладели профессией и теперь работают самостоятельно. Но как только я приду в цех (уже, надеюсь, с дипломом), снова начну заниматься с молодежью, есть у нас две девчушки, только что из ПТУ, надо им помочь.

Да и самой придется кое-что наверстывать. Ведь обязательства мои высокие. Мы выпускаем костюмную ткань «Енисей», она хорошо идет в торговле, швейные фабрики тоже ее охотно берут. И, понятно, чем больше будет хорошей ткани, тем лучше. Мы по-прежнему работаем в паре с известной ткачихой Максячкиной. В январе этого года я отрапортовала о выполнении семи годовых заданий с начала пятилетки. Ко дню первой годовщины нашей Конституции намерена завершить уже девять годовых норм.

После разговора с Голубевой я позвонил в партком камвольного комбината, поговорил с заместителем секретаря парткома Ларисой Марковной Ярцевой.

— Тот ритм, что взят Голубевой с первых дней года, та ответственность, которой всегда характеризуется ее работа, дают право предположить, что все обязательства нашей прославленной ткачихи будут выполнены. Но важно не только то, что сама Валентина Николаевна так добросовестно работает. На комбинате уже сейчас есть пятьдесят восемь ее последователей. В том-то и сила примера Голубевой.

К. БАРЫКИН

...А МЫ ТАКИ

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Я иду по широкому заводскому двору Челябинского тракторного. Солнце бьет в глаза, утоптанный снег скрипит под ногами...

Цех бортовых редукторов и фрикционов. После ясного дня здесь как будто бы пасмурно и очень шумно. Между станками спокойно ходит статная женщина в синем халате и красной косынке. Она поправляет резец, что-то объясняет черноволосой, скуластенькой девушке.

— Раиса Васильевна Волченюк,— представляют мне работницу. — Командует станками и «женским вопросом» в месткоме.

Раиса Васильевна Волченюк — наладчица. В ее ведении одиннадцать токарных станков, а на ее «счету» сотни учеников, ставших квалифицированными рабочими. В свое время здесь, на заводе, она была инициатором движения многостаночников.

— Наша Раиса Васильевна морячкой была,— вступает в разговор девушка.— Она ведь воевала...

Раиса Васильевна улыбается. И сразу молодеет. Особенно глаза— светлые, ясные. Наверное, очень хороша была в морской форме!

— Да, завидовали мне «сухопутные» девчонки,— как будто отвечает мне она.— Я служила в береговой обороне Черноморского флота связисткой. Звание у меня было старшина второй статьи. Сюда, на ЧТЗ, пришла уже после войны — в сорок восьмом году.

А я — в сорок первом. В сентябре.

...Усталый, немолодой человек протянул инструкцию по технике безопасности.

— Прочтите, девчата, распишитесь и ступайте работайте.

Для своего первого в жизни рабочего дня я надела выходные туфли и новое, перешитое из маминого пальто. Мы вошли в цех, и меня сразу же оглушило: высокое помещение казалось темным, дым ел глаза, прямо на меня надвигался танк. Он был огромный и свирепый со своей пушкой. Над головой проскрежетал кран. Я заметалась, засуетилась, закричала и... села прямо на грязный, в мазуте и железных стружках, пол. А мимо промчался танк. На нем, как-то сбоку, стоял парень. Шапка на голове лихо сдвинута на затылок, на лацкане пиджака — орден Ленина. Он помахал рукой и весело подмигнул.

Так начался мой первый трудовой день. А вчера еще был институт, были театральные премьеры, споры об искусстве и месте художника в обществе. Война ворвалась громкоговорителями в залы «неповторимого золотого детства» человечества, где мы, студенты 1-го курса, готовились к экзамену по изобразительному искусству.

И вот я работаю на Тракторном заводе, в Челябинске, в отделе технического контроля. Собираю документацию на все узлы танка, записываю в толстую книгу номера паспортов, а сами паспорта складываю в специальные сумки, которые отправляются с танками. И мне немного обидно заниматься такой скучной работой — в глубине души я долго считала, что это и есть «бумажная волокита». Хотелось действовать — строить, стоять у станка или на худой конец в самом деле «контролировать» эти самые «бортовые редукторы» и «фрикционы», которые я записываю, записываю до одурения. Я, каюсь, иногда задремывала над той толстой книгой, особенно когда была пересменка и мы работали по восемнадцать часов. Но постепенно я освоилась, поняла, что, пока ничему не научилась, хоть этим могу принести пользу. И увидела, что за номерами и паспортами стоят живые люди, которые собирают узлы, работают добросовестно, истово, стараясь делать невозможное, забывая о сне, об еде. А ведь многие — из блокадного Ленинграда.

Только по книгам да по спектаклям я представляла себе завод. Все оказалось проще и человечнее. От директора до рабочего самой скромной профессии все жили одним — созданием новой машины, танка КВ. Об этом думали дома, об этом говорили всегда и всюду. Об этом спорили. А главное, работали. Ночью, днем, сутками не покидая цеха. И никто этому не удивлялся, никто не считал, что это чрезвычайно. Танки нужны фронту. Цех, завод был тогда для всех жизнью, самым главным в жизни. Прямо в цех прибывали эшелоны из блокадного Ленинграда, с Кировского завода. Их разгружали, кировцев встречали челябинские рабочие и прежде всего занимались размещением оборудования, станков.

Прямо из цеха уходили эшелоны, груженные танками, в действующую армию, а с ними на фронт уходили родные, друзья, товарищи по работе.

В нашем дымном цехе я однажды встретила своего одноклассника и друга Марка Бирюкова. Незадолго до войны он ушел из школы в танковое училище. В Челябинск приехал получать боевую технику. С Марком мы просидели пять лет на одной парте. А здесь я увидела, как он стоял около своего танка и следил за сборкой деталей — такой маленький около грозной машины...

В цехе всегда было холодно, и Марк снял свою новенькую меховую безрукавку — фронтовое обмундирование — и накинул мне на плечи. Эта безрукавка выручала меня потом, на фронте, и не раз старшина строго выговаривал мне за «несоблюдение формы одежды»,— ведь только офицерам положено носить ее, а я была младшим сержантом. Марк пробыл в городе всего три недели, почти не вылезал из цеха, а в свободные минуты заходил ко мне. Перебивая друг друга, мы вспоминали учителей и ребят, разные шалости, в которых Марк всегда был заводилой. Именно ему пришла в голову идея убежать с урока немецкого языка тушить на улице Горького пожар. Счастливые, вымазанные, мы вернулись в школу и были отправлены домой за родителями. Когда мы изучали роман Чернышевского «Что делать?», Марк решил воспитывать свой характер и промолчал целую неделю. Заговорить пришлось у директора в кабинете... Он был талантливым математиком, и учителя пророчили ему будущее ученого.

Я прибежала его проводить, когда Марк уже поставил свой танк на платформу. Марк обернулся, прокричал что-то... Состав тронулся...

Бирюков погиб под Псковом 7 апреля 1944 года, сражаясь на танке КВ, который был собран в моем цехе.

...В нашей тесной стеклянной конторке после каждого испытания танка собирались рабочие и конструкторы, мастера и военпреды, обсуждая каждый «шаг» танка КВ. Я слушала их, многого не понимая, хотя этот новый мир становился моей жизнью, все удачи здесь были общими, все просчеты тоже.

«Летит главный фрикцион», — постоянно звучала в цехе эта фраза. Он долго, этот «главный фрикцион», мучил конструкторов. Я смутно представляла себе функции «главного фрикциона» и так и не успела в этом разобраться. Одно понимала: «летит» там, на полях боя, там, где воюют наши мальчики. Где скоро вместе с другими девушками с ЧТЗ очутилась и я.

...Я держу в руках номер заводской многотиражки «За трудовую доблесть». Там напечатаны портреты девушек-добровольцев Тракторного завода, которые первыми ушли на войну. Шура Кокорина, Аня Баякова (Антоничева), Галя Лыкова... Тогда, 4 мая сорок второго года, их было двадцать человек.

Напечатан и очерк Ольги Пашниной «Шурочка с Тракторного». И возникает в памяти милое, худенькое личико. Шура Кокорина! Маленького росточка, бойкая, напористая. Она была в Ульяновской школе связи и сразу же стала самой примерной и дисциплинированной. Звонким, высоким голосом отчеканивала устав, активно выступала на всех политзанятиях, безукоризненно шагала и ползала по-пластунски. Всегда раньше всех одета, и на постели — ни складочки. И вообще она всегда и во всем была «самая, самая...». На фронт мы попали с Шурой в одну часть и дошли до Днепропетровска. А потом наши пути разошлись.

Я читаю ее письмо в редакцию:

«Я воспитанница комсомола Челябинского Тракторного завода. В 1938 году закончила ФЗУ № 1. Работала шлифовальщицей в дизельмоторном цехе, экономистом в цехе топливной аппаратуры, хронометристкой в литейном цехе. Все эти годы одновременно училась. При отправке в армию секретарь заводского комитета комсомола сказал нам: «Сражайтесь мужественно, не опозорьте комсомольскую организацию завода». Эти слова мне запомнились на всю жизнь. Я просила направить меня на самую передовую позицию».

И она была на самой передовой: после Днепропетровска попала в диверсионную разведывательную группу.

«Наконец настал день, — пишет Шура,— когда нас должны были забросить в тыл. И тоже из-за моего роста и веса произошел казус: парашют грузовой, берет 120 кг, а я вешу всего 46! Вот и нагрузили меня так, что пришлось в самолет буквально вносить...

В двенадцать ночи самолет оторвался от Большой земли. Пролетели линию фронта, нас обстреливали страшным зенитным огнем. Но я-то ничего не слыхала — так устала, что спала мертвым сном. Когда нам велели выбрасываться, я споткнулась и упала, зуб на зуб не попадал, так меня знобило. Подняться не могу — столько на мне наверчено. Взяли меня летчики под руки, повели к люку и выбросили. Перед землей страшное притяжение, и меня бросило о землю с большой силой. Левая нога попала на пень. Я почувствовала, что сломала ногу и встать на нее не могу. Парашют же тянет по инерции по виноградникам, по кустам... Наконец он зацепился за куст и остановился. Превозмогая в ноге боль, я собрала парашют, подползла к стогу сена и зарыла его там, взяла свой груз, подползла к шалашу, который оказался рядом. Осветила фонариком, там никого не было. С оружием — пистолетом «ТТ» и гранатой поползла я в бурьян. А на ногу встать не могу, такая была боль. Жду своих. Вижу, самолет наш кружится надо мной. Было 2 часа ночи, когда я выпрыгнула, а ребята были еще в самолете. Затем и их выбросили. Я видела, как их парашюты серебрились в воздухе. Они приземлились в нескольких метрах друг от друга, а я от них километрах в двух... Ребята стали меня искать. И только в 4 часа утра нашли, сделали мне шины на ногу, дали костыли, взяли мой груз, и мы пошли к месту сбора...

А в 6 часов утра связалась с Большой землей... И я, «Ока», передала первую радиограмму, что приземлились благополучно, находимся в таком-то квадрате, ведем разведывательную работу...»

С рацией Шура не расставалась. Обстоятельства сложились так, что диверсионная группа превратилась в солидный партизанский отряд, в котором были чехи, украинцы, молдаване.

...В ту ночь, 4 мая 1942 года, я еще не знала Шуры. Возможно, мы ехали на вокзал в одном трамвае.

Я помню как сейчас: трясется трамвай, мама держит на руках мои вещи и плачет. На вокзале нас ведут в столовую, кормят, говорят напутственные речи. Рядом со мной высокая девочка с Кировского завода, Валя Буршина. С этой минуты мы с ней всегда вместе.

Прощание, последние поцелуи. Все мы слышали, как плачут и кричат матери, провожая своих сыновей на войну. Но когда это тебя провожают, тебя оплакивают, за твоим вагоном бежит, спотыкаясь, ничего вокруг не замечая, твоя мама,— сердце будто стынет... А страшное еще только впереди. Впереди — отступление в изюмских лесах, когда мы чуть не попали в плен. Впереди — бес-

Е МОЛОДЫЕ

Снимки военных лет.

прерывные бомбежки в Миллерове. И кровавый Балатон. А под вагонами мерно стучат колеса, и поезд везет нас в трудную, военную жизнь: маршировки, походы, подъем в 5.45 утра, и ты больше не ты, а курсант Ульяновского запасного полка связи.

У нас у всех были самые легкомысленные и романтические представления о службе в армии. Грезили о подвигах, о славе. От нас же требовалось одно — дисциплина и точное соблюдение приказов командира. Мы еще по инерции вступали в пререкания, с трудом отучаясь от «гражданской» привычки считать себя девушками, а не солдатами. На первых порах и нам да и с нами было очень трудно. Но зато мы быстро, гораздо быстрее мальчиков научились работать на ключе, ремонтировать телефоны и освоили азбуку Морзе.

Особенно успешно работала на ключе Галка Лыкова. Она стала первоклассной радисткой. Мы с ней — с Ульяновска и до конца войны. На первый взгляд, кажется, не так уж сложно на новом месте (а места менялись почти ежедневно) быстро развернуть радиостанцию, установить антенну, выйти на связь, вовремя передать оперативные донесения. Но это только кажется. Далеко не всегда было тихо и спокойно на новом месте... И эта девчонка, такая хрупкая и робкая на вид, в самые трудные минуты не распускала нюни, а, спрятав страх, под бомбежками и обстрелами не выпускала из маленькой руки ключ.

Когда мы встретились с ней теперь в Челябинске, я не сразу узнала ее. И она тревожно вглядывалась в мои черты, отыскивая в них то, давнее... А потом нам не хватило дня, чтобы наговориться.

— Да нет, ничего особенного мы не совершили,— говорит Галя. — Разве только там, где это возможно, заменяли мужчин.

Встретилась я и с Аней Баяковой. И, конечно, всюду первый вопрос был: «Где Валя? Что с ней?»

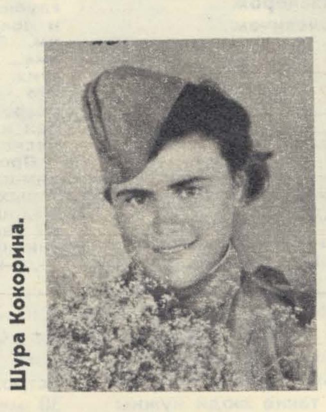
Я рассказала, что часто вижу ее, хотя Валя Буршина (Герцен) живет в своем родном Ленинграде. У нее взрослый сын, офицер. Годы пощадили ее. Она и тогда выделялась — высокая, смуглая. Веселая и добрая. Немного бесшабашная. Она первая там, в Ульяновске, раскассировала свой домашний гардероб и, «махнув», принесла после вечерней поверки в казарму всякую снедь. Когда она дежурила на кухне, мы, вечно голодные, получали двойную порцию великолепного супа с макаронами и двойную «шрапнель». Не одно страстное признание получила она устно и письменно, как ни охраняли нас командиры от общения с мужской половиной, такими же точно, как и мы, курсантами... И первая подстриглась «под мальчика», подбив на это и меня. Когда мы посмотрели на себя в зеркало, мы сначала засмеялись, а потом заплакали — на нас глядели две замухрышки с тонкими шеями и торчащими ушами...

Кстати, о стрижках, Аня Баякова, смеясь, рассказала, что когда они приехали из Ульяновска в Москву на формирование, командир долго и удрученно их разглядывал. А потом сказал:

— Вот что, девчата, идите в парикмахерскую и сделайте хоть перманент — может, станете на людей похожи.

После Москвы Аня попала под Сталинград в авиакорпус дальнего действия. Воевала в Белоруссии, Прибалтике. Была комсоргом роты связи.

...19 ноября нас отправили на фронт. Сначала только Валю. И она, конечно, придумала бежать к комиссару полка Дворкину и просить его зачислить и меня в эту группу: «Он добрый, он поможет...»

Шура Кокорина.

М. Бирюков.

Галя Лыкова.

А. Бернатович.

Валя Буршина.

И комиссар помог: в один час выдали новое обмундирование, шелковое белье («Чтобы ничего не заводилось»,— сказал старшина, когда мы стали примериваться к комбинашкам), жесткие ботинки не по размеру — «подарок Черчилля», как мы называли их, и... белые носки. Хорошо, у Ани Баяковой сохранился голубой купальник, который она зачем-то взяла с собой из дому,— из него вышли отличные чулки. Девчонкам же с близлежащих мест родные доставили теплое исподнее. Им принесли на дорогу домашние белые пышки на сметане, при воспоминании о которых я до сих пор исхожу слюной. Они их ели, еще не понимая святую солдатскую заповедь: один за всех и все за одного.

Нам присвоили звание младших сержантов и отправили на Юго-Западный фронт.

Наша группа добиралась до фронта окольными путями. Проезжали, помню, Филоново, Поворино. В Поворине приняли «боевое крещение» — попали под первую серьезную бомбежку. Но, по счастью, фашисты бомбили аккуратно в определенные часы, и на станции знали это — состав отвели на запасные пути, а мы попрятались в щели. Еще раз основательно побомбили в Филонове...

В штабе Юго-Западного нас распределили кого куда. Большинство челябинцев попали в воздушные соединения.

Наше маленькое подразделение обычно располагалось вблизи аэродрома, вернее, узенькой площадки, вполне достаточной, чтоб там приземлялись «У-2» — «кукурузники». Нам пришлось работать на ключе, доставлять срочные донесения на всех видах транспорта. И на «своих двоих». Выдали по нагану, но зря стрелять не велели.

Начиналось наступление под Сталинградом. В одно из моих первых же ночных дежурств дверь в землянку открылась, и не вошел, а как-то вполз вражеский солдат. Конечно, испугалась я отчаянно, несмотря на свой наган. А солдат поднял руки: «Матка, плен. Хлеба». Как я ни гнала его, он не уходил и целую ночь просидел у печурки. Это был мой первый и единственный военнопленный.

Однажды в наше подразделение прибыл Бернатович. Мотоциклист-ас, как называли его летчики, с которыми он состязался — кто быстрее. И иногда даже побеждал. Он понимал технику, и любой сломанный трофейный мотоцикл превращался в его руках в отличную машину. В его обязанности входило доставлять кого-нибудь из нас с особо секретным пакетом по назначению. И мы обожали мчаться с ним на мотоцикле по любому бездорожью со скоростью ветра. Хотя частенько купались в сугробах, а иногда валились в канавы.

Бернатович был намного старше всех нас. О его жизни до войны мы знали только то, что он был шофером-таксистом в Москве. Звали его Адольф, но он очень сердился, если обращались к нему по имени.

Он был аккуратен и всегда выглядел респектабельным, несмотря на старенькое солдатское обмундирование. Подворотнички блистали белизной. Он ежедневно брился и любил попрыскаться одеколоном. А мы очень жалели наши небогатые запасы косметики.

Бернатовичу девчата доверяли свои нехитрые секреты, жаловались, когда было тяжело, читали письма из дома. Он был в курсе всей нашей прошлой, настоящей и будущей жизни. И жалел нас — таких глупых, зеленых, стараясь оградить от грубости и той стороны действительности, которую мы и не понимали толком. Жалел нас по-своему, без сантиментов. Взял на себя добровольно обязанности устраивать в походных дорогах поуютнее, потеплее, посытнее. Умел найти общий язык с самой злющей и скупущей хозяйкой — глядишь, уж и печка топится и картошка варится.

Когда же было особенно тяжело, он начинал рисовать нам картины нашей послевоенной жизни. Она будет прекрасной и удивительной. В его изложении все мы счастливы, все замужем за добрыми, умными, любящими мужьями. Все красиво одеты, и все делаем то, о чем мечтали... А он разъезжает в своей бежевой «эмке» и возит нас в театры и в гости...

В последний раз мы увидели нашего Бернатовича в венгерском местечке Цеце. Он погиб незадолго до Победы — в марте сорок пятого.

Война закончилась для нас в австрийском городке Эбенфурте. Мы слушали победные залпы Москвы по рациям, слушали Красную площадь. И вспоминали Челябинский тракторный, который проводил нас в длинный, суровый путь четвертого мая сорок второго года.

...Через тридцать лет — 4 мая 1972 года — в заводском музее собрались бывшие комсомолки и фронтовички. Они пришли сюда на встречу со своей юностью и с сегодняшними комсомольцами завода. Со стенда, который посвящен им, участницам Великой Отечественной войны, смотрят милые молодые лица...

— Далекое, такое трудное и такое прекрасное время,— задумчиво произносит Раиса Васильевна Волченюк.

Мы проговорили с ней не один час. Прощаемся, выходим на улицу. Кончилась смена. Бегут девушки, одетые в модные шубки, в сапожках на высоких каблучках. Такие нарядные и хорошенькие. Бегут, спешат по домам, на ходу перебрасываясь фразами о заводской футбольной команде, которая отправилась в Канаду на матчи, о гастрольной поездке в Румынию самодеятельного ансамбля... К железнодорожной платформе двигается трактор. Парень с форсом загоняет его на платформу. Трактор проурчал и послушно встал точно на место. Парень помахал рукой и весело подмигнул проходившим мимо девушкам.

...Я иду по широкому заводскому двору Челябинского тракторного. Солнце бьет мне в лицо, утоптанный снег скрипит под ногами.

Вот он, мой цех, направо от заводоуправления. Тогда мы заходили прямо с улицы — его только-только построили, торопясь принять первые эшелоны кировцев из блокадного Ленинграда.

интервью «огонька»

Исполнилось сорок лет со дня завершения дрейфа станции «Северный полюс» — первой научной лаборатории во льдах Арктики.

«Дети» и «внуки» героической четверки папанинцев составляют сегодня многочисленное племя отважных ученых-полярников.

Об этих людях, в руках которых ключи к тайнам полярной науки, о месте героизма в эпоху НТР, о будущем наших полярных исследований корреспондент «Огонька» Марк БАРИНОВ беседует с дважды Героем Советского Союза, кавалером восьми орденов Ленина, доктором географических наук Иваном Дмитриевичем ПАПАНИНЫМ.

О ПОДВИГЕ, НАУКЕ И ПОЛ

— Иван Дмитриевич, сорок лет в наше время стремительного развития научно-технического прогресса — достаточный срок, чтобы увидеть разительные изменения во всех областях жизни, и в частности в полярной науке. Скажите, если такой вопрос не покажется вам нескромным, о чем вы вспоминаете вот сейчас, когда я напомнил о сорокалетнем юбилее вашего замечательного достижения?

— Нескромным? Что ж поделать, такая у вас, журналистов, профессия: работать на грани самого сокровенного в душе человека... Наверное, так и надо. Как по-иному раскрыть душу перед миллионами друзей — читателей «Огонька»? В последние недели я без конца вспоминаю о нашей жизни на льдине: вышла в Политиздате моя книга «Лед и пламень», получаю большую почту, кто-то что-то вспоминает, кто-то поправляет (читатель у нас требовательный!), кто-то просит автограф. Поневоле вспоминаешь...

Вот вам одно из самых ярких воспоминаний. В 1932 году я готовился ехать в Арктику начальником полярной станции в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа. Хлопот, как обычно, в таких делах было много, и я целые дни проводил в кабинетах и на складах Арктического института в Ленинграде. Там в коридоре я однажды увидел молодого худощавого паренька, печально сидевшего у дверей кабинета одного из начальников. Я поинтересовался, кто он и что привело его сюда.

«Евгений Федоров, физик,— отрекомендовался он.— Только что окончил Ленинградский университет. Не хотят в Арктику посылать. А я все-таки добьюсь своего!»

Настойчивое стремление молодого специалиста пришлось мне по душе. Я сразу почувствовал, что в этом пареньке скрыты сильная воля и упорство, а именно такие люди нужны в Арктике.

«Поедешь на Землю Франца-Иосифа? Нам как раз геофизик нужен»,— предложил я ему.

Потом мне пришлось работать с Евгением Константиновичем плечом к плечу на трех полярных станциях. За эти годы я хорошо узнал его, завязалась крепкая дружба, которая продолжается вот уже четыре с лишним десятка лет. Сейчас он академик, член Президиума Верховного Совета СССР. Правда... повзрослел немного — на сорок с лишним лет, но для меня он все равно Женя — любимый товарищ.

Еще тогда, в бухте Тихой, я присматривался к молодому геофизику и с удовольствием отмечал, что он оказался в своей стихии, мужественно переносит суровые условия Арктики, прекрасно справляется с работой. А нагрузка на его плечи легла большая: он вел магнитные, астрономические и метеорологические наблюдения, выходил вместе со всеми на авралы, нес полярные вахты, участвовал в походах на соседние острова.

В 1934 году меня назначили начальником полярной станции на мысе Челюскина. В составе нового коллектива был и геофизик Евгений Федоров. Очень трудно тогда пришлось: нам было поручено самим вместо маленькой старой станции построить большую, хорошо оснащенную полярную станцию. На плечи легла двойная нагрузка: вести регулярные научные наблюдения и заниматься строительством. Евгений Константинович и здесь подавал пример. Когда же наше правительство вынесло решение создать на Северном полюсе дрейфующую научную станцию и я был назначен ее начальником, то, без всяких сомнений, назвал кандидатуры Федорова и Ширшова. Старый полярный волк Эрнст Кренкель ни в каких рекомендациях не нуждался.

Наша дружная четверка прожила на дрейфующей льдине 281 день — с мая 1937-го по февраль 1938 года. История самой первой в мире научной дрейфующей станции хорошо известна, о ней написано много книг, я только хочу отметить, что в этом дрейфе ярко проявился талант Федорова как полярного исследователя, ученого и мужественного человека. Без таких людей наука, а особенно полярная наука, нема.

Почему я так подробно говорю о судьбе Федорова? Потому что думаю сейчас о тех, для кого научная работа и будничный героизм сливаются воедино. О них, моих друзьях, я думаю и вспоминаю сегодня.

— В те дни 1937—1938 годов, когда вы, Петр Петрович Ширшов, Эрнст Теодорович Кренкель и Евгений Константинович Федоров, несли вахту у полюса, мы — московские школьники — зачитывались в «Пионерской правде» подробностями вашего славного дрейфа. А вскоре в «Пионерской правде» стали печататься научно-фантастические романы и повести о полном, так сказать, покорении Севера. Там были и сказочные подводные лодки, плавящие льды электричеством, и роботы, не боящиеся ни глубин океанов, ни полярной стужи. Были там и полярные города под прозрачными колпаками. Были какие-то удивительные приключения... Это все помню, а вот людей — героев этих фантазий не помню. Вспоминаю только, что все они были очень гордые, спокойные, уверенные в себе и в своей технике, которая, как и природа, подчинялась им «с одного прикосновения к кнопке».

Прошло сорок лет. Уменьшилась ли необходимость в тех личных качествах людей, о которых говорили вы, рассказывая об академике Федорове? Ведь в распоряжении полярной науки теперь такая могучая техника, какая не снилась фантастам тридцатых годов...

— Что ж, давайте опять обратимся к примерам.

Комсомольско-молодежный коллектив станции СП-19 под руководством молодого ученого Артура Чилингарова «оседлал» ледяной остров — гигантскую льдину толщиной в 30 метров, а площадью в восемьдесят квадратных километров. Этот остров обнаружили еще годом раньше и внимательно следили за его «здоровьем» и дрейфом. Наконец воздушная трасса на остров была проложена и 150 тонн груза станции были легко и умело переброшены. Научный персонал прибыл, станция задействована. Но прошло всего несколько недель, как Большая земля получила поразительную депешу со станции: «Остров раскололся на части. Спасаем имущество. Наблюдения продолжаем». А в марте, когда руководитель Отдела изучения ледового плавания Арктического и Антарктического института посетил СП-19, он увидел превосходно оборудованную дрейфующую обсерваторию, нормально функционирующую, но расположенную на новом месте. Только он, опытный полярник Павел Афанасьевич Гордиенко, мог понять, чего стоило достигнуть этого «нормального состояния» СП-19.

А вот и портрет ученого-полярника наших дней, Николая Александровича Корнилова. Он окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище имени С. О. Макарова уже в послевоенные годы и большую часть своей жизни после этого провел в экспедициях, походах и плаваниях. Три года зимовал на станции в бухте Тикси, работал ледовым разведчиком, обеспечивал навигацию на Северном морском пути, участвовал в экспедициях, занимавшихся расстановкой дрейфующих автоматических метеостанций. За время авиаразведок он налетал больше миллиона километров над ледяными просторами. Был начальником СП-10, которая впервые в истории изучения Арктики была высажена на льды не с самолетов, а с борта атомохода «Ленин». Он три раза был начальником антарктической станции «Молодежная», затем участвовал в высокоширотных экспедициях «Север». Руководил эвакуацией СП-14, причем последним покинул обломок льдины, на котором находилась станция.

Между походами и зимовками успел защитить диссертацию. А сегодня — заместитель директора Арктического и Антарктического института по научной работе. Это, так сказать, послужной список, правда, далеко не полный. И последний эпизод для завершения портрета. Однажды на «Молодежной» поздно вечером после поверки начальнику доложили, что нет инженера Кости Тихонова. А над станцией ураган, метель. Корнилов возглавил поиско-

17 марта 1938 года. Москва встречает героев-папанинцев.

ЯРНЫХ ЛЬДАХ

вую группу. Связавшись веревками, словно альпинисты, зимовщики кругами стали прочесывать местность возле станции. Работали с одиннадцати вечера до четырех утра. Выбились из сил, но все напрасно.

Корнилов отпустил товарищей отдыхать, тут же сформировал новую поисковую группу и снова пошел головным.

Тихонова нашли лишь к шести часам утра. Товарищи успели спасти его, но если бы нашли на полчаса позже...

Вот вам портрет современного ученого-полярника. Герой? Конечно! И Герой Социалистического Труда Николай Александрович Корнилов далеко не единственный. Работа на высоких широтах — дело прежде всего коллективное. Дружба, взаимовыручка, взаимозаменяемость — это основные деловые качества исследователей Арктики и Антарктики. Юлиус Фучик писал: «...герой — это человек, который в решающий момент делает то, что нужно делать в интересах человечества». Можно было бы дополнить: «делает то, что нужно делать, несмотря ни на какие препятствия...» Эта формула полностью подходит к современным ученым-полярникам.

— Вы привели несколько примеров, Иван Дмитриевич, доказывающих, что героизм, подвиг так же присущи ученому-полярнику сегодня, как и сорок лет назад. Как же это сочетается с фактом несравненной мощи научно-технического оснащения современного исследователя полярных областей?

— Мы внуки Макарова. Но ходить в Арктике «напролом» мы не станем. Именно теперь, когда страна дала нам в руки такую мощь, мы должны быть особенно аккуратны, осторожны. Потому что полярные области планеты — огромная и зачастую грозная сила. Примерно так сказал не новичок, а герой похода к Северному полюсу, капитан атомохода «Арктика» Кучиев! А я могу добавить: далеко, очень далеко еще до тех сказочных сюжетов, которыми вы зачитывались у фантастов в тридцатые годы. Много еще лет, а может быть, и десятилетий люди будут слабы перед стихией, несмотря на всю свою техническую вооруженность. Но в том-то и смелость, в том-то и беспримерное мужество человека, что он дерзает выйти на схватку со стихиями!

Вы слышали, конечно, о «прыгунах» и о «мини-СП»?

Научные станции-то «мини», а вот морозы, торошения, пурга — все это как обычно, по полной программе! Героизм? А как вы думаете!

А «прыгуны» — это вообще, я вам скажу, ученые-акробаты. В состав постоянно действующей высокоширотной экспедиции «Север» входят группы ученых-гидрологов, задачей которых является исследование состояния льдов и другие гидрологические измерения на возможно большей территории Арктики. И вот летит специальный самолет над дрейфующими льдами, делает посадку в более или менее (!) пригодном месте, моторов не глушит, а иногда даже не стопорит совсем. Участники группы, как десантники, на ходу выскакивают на лед, акробатически быстро делают лунку, измеряют толщину льда, мгновенно налаживают лебедку, приборы, проводят серию важнейших измерений, бегут в самолет и... Как вы думаете, что дальше?

— Как что?! И — домой, на базу.

— Вовсе нет. Дальше — к новой точке, а потом — опять, опять... Вот что такое «прыгуны»! Вы понимаете, что это за люди и сколько «если» они начисто отметают в своей работе! Если откажет мотор, если окажется слишком тонким лед, если сломается лыжа шасси при посадке, если начнется внезапное торошение...

Вы спросите: а зачем такой риск? В том-то и закономерность развития науки и техники, обеспечивающей научные исследования: чем выше уровень обеспечения, тем выше уровень требований к людям. Ведь в мое время, во время дрейфа СП-1, ни санно-тракторных поездов мы не могли организовать — не было знаменитых «Харьковчанок» и «прыгать» не могли — не было таких великолепных самолетов. Не говоря уже о прочем превосходном оснащении. А вот появилось все это — и, будьте любезны, к новым подвигам!

— Сегодня Арктика наконец начинает отдавать людям все то, что копила миллионы лет. Значит ли это, что научные открытия в высоких широтах постепенно уступят место промышленной эксплуатации богатств полярных областей?

— Конечно, но думаю, не ошибусь, если скажу, что эра научного освоения Арктики и Антарктики лишь начинается.

В Антарктиде осуществляется международный комплекс исследований под названием МГАП. Расшифровывается название так: Международный гляциологический антарктический проект. В Антарктиде находится больше 80 процентов льда планеты. И стоит самую малость измениться «образу жизни» ледяных щитов Антарктиды, скажем, «чуть-чуть» подтаять, как наступит вселенская катастрофа. Скажете, что это из области фантазий? Нет: история Земли помнит подобные случаи.

Арктика и Антарктика — «холодильники» планеты. И прогноз погоды, особенно долгосрочный прогноз, невозможен без четкого представления о том, что творится в полярных областях. А ведь еще Сергей Иванович Вавилов говорил, что перед наукой стоят три кардинальные задачи: овладение ядерной энергией, победа над раком и долгосрочные прогнозы погоды.

Недавно советские ученые открыли подводный хребет, параллельный подводному хребту Ломоносова, это открытие признано мировой научной общественностью как крупнейшее открытие века. Так вот, хребет Гаккеля — а он так назван по имени его первооткрывателя, советского океанолога,— является продолжением в Арктике подводного Срединно-Атлантического рифтового хребта. И он тоже имеет систему рифтовых трещин, впадин и действующих подводных вулканов. Но самое главное, по мнению геофизиков, что именно по этому хребту происходит раздвижение дна Арктического бассейна.

А если мы с вами снова перенесемся в Антарктиду — снова увидим удивительное открытие советских ученых. Советские геологи и геофизики в результате серии экспериментов и исследований первыми в мире дали картину древней Гондванской Антарктической платформы. Под ледяным щитом Антарктиды лежит та самая земля, которая вместе с Южной Америкой, Африкой, Австралией, Аравией, Индостаном, Мадагаскаром, Цейлоном 120—150 миллионов лет назад составляла древний сверхматерик — Гондвану. Интересно?

— Конечно, Иван Дмитриевич!

— Не только интересно. Вы заметили, что то немногое, о чем я сказал, имеет глобальное значение для изучения Земли. А ведь я еще не сказал о космических программах. Исследования в области магнетизма, космических лучей, ионосферы имеют «выход» не только к земным, но и, так сказать, к межпланетным интересам. Словом, ясно одно: на шапках планеты завязаны узелки, пожалуй, всех наук. Кстати говоря, корабли ОМЭРа — Отдела морских экспедиционных работ АН СССР, который я возглавляю, имеют непосредственную связь с космическими кораблями. Все в мире взаимосвязано.

Опять я хочу вернуться к личному мужеству ученых. Сколько, например, среди космонавтов выдающихся ученых-конструкторов. И чем дальше развивается прогресс, тем больше областей науки требуют людей смелых, сильных, закаленных, ученых-героев.

Ну, а на прощание хочу подарить читателям «Огонька» вот эту фотографию. Ее прислал нам Игорь Мельников со станции СП-23 — самой последней нашей станции. На обратной стороне — почтовый штемпель: «Северный полюс — 23. Действующая научно-исследовательская станция. 26.10.77». Видите, даже почтовое отделение у нас на Северном полюсе есть!

Снимок сделал молодой ученый-гидролог. У него, кстати, было на выбор два вида оружия — винтовка и фотоаппарат. И он при такой неожиданной встрече с медведем предпочел последний. Думается, это тоже неплохое свидетельство личного мужества.

Н. ХРАБРОВА

Теперь во дворе дома 50 на Фонтанке красивый сад. Ряды тополей, круги сирени и жасмина, разнотравье и разноцветье: георгины, ромашки, ноготки. А особенно любят жители этого дома душистый табак. Он хоть и табак, а настоящая прелесть: цветет с мая по октябрь.

До сада был здесь блокадный огород. А до блокадного огорода, за пять лет до Победы, 5 мая 1940 года, появилась на Фонтанке молодая женщина Лиза Сергеенко, теперь Елизавета Романовна Волкова. И блокадный огород и теперешний сад — все это дело ее рук, а точнее, ее сердца.

Лиза Волкова не сентиментальна, нет! И жесткость в ее характере начисто отсутствует. Но нет у нее солнечных воспоминаний о детстве, из давних лет она извлекает пугающее слово «кулак». Это — о дяде, который ее «воспитывал».

Отчего родители умерли совсем молодыми? Может быть, от голода во время первой мировой войны. А может, оттого, что счастье было редким явлением в крестьянских семьях, особенно в бедном Псковском крае, в Великолукском уезде. После смерти родителей главой семьи стала старшая дочь, пятнадцатилетняя Марфа. Младшие звали ее мамой и так, постарев, называют по сей день, чтя ее память.

С Лизой, между прочим, Марфа хватила горюшка. Рассказывала: сманили Лизу в трехлетнем возрасте цыгане. Марфа догнала их, отняла девочку. А Лизе цыганская жизнь понравилась, она выждала момент и сама удрала в табор. Марфа опять нашла и привела ее домой. Но осталась у Лизы в душе неосознанная нежность к цыганской странной вольности. Норовистый конь Васька, с которым здоровые мужики едва управлялись, ходил за Лизой, как щенок. Она подводила его к крылечку, карабкалась на спину, цеплялась за гриву, скакала по псковскому полю, как по цыганским степям, пела ветру цыганские песни. Может быть, позднее от этого полузабытого детского приключения появилась у нее артистичность в песне и пляске.

А Марфа, названая мать четырех детей, совсем с ног сбивалась с подрастающей семьей. И вот приехал однажды в деревню вербовщик, уговорил Марфу поехать в Ленинград на завод:

— Деньги получать будешь, детям поможешь.

Оставила юная Марфа на попечение следующей, двенадцатилетней сестры корову, овец и детей и уехала в Ленинград. Вот тут-то и объявился дядюшка-опекун. Лизу в четыре года заставил пасти гусей, а в пять — свиней.

А Марфа все надеялась на этого дядю, деньги на детей посылала. Даже счастье себе разрешила: замуж вышла, дочь родила. И вдруг узнала, как дети в деревне бедствуют. Затребовала их в Ленинград. Приехала Лиза, сидит на вокзале с фотографией Марфы в руках, смотрит на всех молодых женщин с детьми. Видит, бежит одна, ребенка к груди прижимает. Лиза помчалась навстречу.

Просто чудо, какую высокую, с живыми, ярко-черными глазами и черной косой красавицу вырастила Марфа из заморыша Лизы. Взял Лизу замуж литейщик с завода «Вулкан». Жили они в центре города, недалеко от Фонтанки. Муж Лизу пуще глаза берег, особенно когда она ребенка стала ждать, дома усадил и работать не велел. А она скучала без работы и однажды тайком от мужа, в упомянутый уже день 5 мая 1940 года, пошла на Фонтанку, 50, где дворник требовался. С тех пор тут и работает.

— И ни разу другой работы не искали?

— Ни разочку! Может быть, работа наша непочетная и неприбыльная, а только я считаю — благородная. Где чистота наведена, там и благородство. Вообще человеку надо на той работе быть, которая удается и которую любишь. И еще я что хочу вам сказать: на работе надо стараться всегда сделать хоть немного побольше, чем можешь. А теперь извините меня и не обижайтесь, а только не могу я больше о себе рассказывать, стесняюсь. Вот чего не постесняюсь — награды мои покажу.

Она положила на стол кипу грамот и коробочку медалей. Я посчитала — пять медалей, четырнадцать грамот. Первая грамота «За активное участие и образцовое выполнение работ по подготовке жилого фонда Ленинграда к зиме 1942—1943 года». А в последней написано: «Жилищное управление Исполкома Ленгорсовета и обкома профсоюза работников местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий награждает Почетной грамотой старшего дворника жилищно-эксплуатационной конторы № 8 Куйбышевского райжилуправления Волкову Елизавету Романовну в связи с присвоением ей звания «Лучший старший дворник Ленинграда за 1976 год».

Фото Н. Ананьева

Ну что же я натворила? Разворошила всю жизнь Елизаветы Романовны и только потому, что рассказывали мне жильцы дома 50 на Фонтанке, будто Лиза Волкова в самые трудные дни и ночи блокады швыряла с крыш зажигалки и распевала цыганские романсы? Да еще потому, что вырастила в большом дворе удивительный сад? А сама она про это рассказывать не хочет.

Сейчас извинюсь, распрощаюсь, расцелуюсь с Елизаветой Романовной, мы с ней уже подружиться успели, чайку попили в ее чистенькой комнате. И все же спрашиваю:

— Это верно, Елизавета Романовна, что вы в блокаду под бомбежкой и под обстрелом песни пели?

— А что ж? Кто сказал, что надо бросить песни на войне? — знакомыми словами отвечает Лиза Волкова и смотрит на меня безунывными глазами. — Песен я знала тогда множество, голос был, назывался контральто. А у жилички нашей, Ксении Александровны Московской — она теперь в другом месте живет, — в ту блокадную пору чудом гитара сохранилась. Пошла я к ней, говорю: собирайтесь, Ксения Александровна, гитару берите, развалины пойдем разбирать. Она мне: с ума ты сошла, Лиза, я же умираю. Не умрете, говорю, а придет пора, с музыкой и умрем. Позвала я еще соседей, кто в силах был двигаться, одели мы Ксению Александровну, опухшие ее ноженьки тряпками обернули, вынесли, на фанеру посадили, в руки гитару дали, она заиграла, а я запела. Может, знаете, такая цыганская песня есть «Скажи, скажи, когда приедешь, скажи, скажи, когда встречать»... Идут мимо ленинградцы, как тени, услышат нас, остановятся, поклонятся нам, спасибо, мол, добрые люди, что еще живете и поете. Пела я на дежурстве «Любимый город может спать спокойно» — от меня спокойный сон ленинградцев тоже немного зависел. А горя у меня тогда было — не вычерпать. Муж на фронте погиб, сынок мой маленький от контузии умер... Удивляюсь, неужели жильцы наши по сей день мои песни помнят? Правда, когда мы сад растили, удобряли и поливали, я по утрам тоже песни мурлыкала — думаю, может, жильцам веселее на работу собираться. Сейчас голос у меня сел — все на улице я, на ветру да на морозе. А с другой стороны, здоровью моему от движения да от свежего воздуха польза. Ну, однако, песни к делу не относятся, — как бы точку ставит Елизавета Романовна, и я понимаю: больше ни о чем спрашивать не надо. И иду я на улицу Рубинштейна, в жилищную контору № 8, где Елизавета Романовна в штате: может, там расскажут про ее работу. В конторе знакомлюсь с Н. А. Кленовой, счетоводом. На мой вопрос о Елизавете Романовне она отвечает:

— Ну как же, это знакомство

ЛЕНИНГРАД

давнее. С сорок второго года дважды в месяц ей зарплату выплачиваю. А в войну карточки выдавала. Лиза Волкова — человек долга, на участке у нее всегда все в порядке — и теперь и в войну. Мы от бомбежки, бывало, кто куда прятались, а Лиза под самым страшным обстрелом на открытом месте стояла, проверяла светомаскировку, дома наши берегла. И, конечно, без всякого ухарства, без того, чтобы на рожон лезть. Такая у нее обязанность, такой пост.

А. И. Явич, бессменный председатель домового комитета и член партбюро жилконторы, сказала:

— Теперь слово «общественница» как-то забываться стало, а вот в нашем Куйбышевском районе оно не только современно, но и устремлено в будущее. Мы ведь просто так не отойдем от дел, мы нашу психологию общественников молодым передадим. И даже уже передали: вот видите, какой молодой наш начальник конторы, а уже золотым значком «За заботу о красоте города» награжден, в Книгу почета занесен, и контора наша — лучшая в Ленинграде. Вы Елизаветой Романовной интересуетесь? Давно пора! Видите ли, Лиза Волкова по натуре своей не просто отличный работник, она типичная заводила, тут у нее талант на зажигание душ и легкость необычайная — все добром, шуткой, собственным примером. Она у нас в комиссии по санитарному состоянию — это ее нынешняя общественная нагрузка. Там, где она прошла, проверять уж нечего. Молодые дворники уборочную технику требуют, и это, конечно, правильно. Но пока суд да дело, Лиза метлы не чурается. Бывают такие бураны, что и снегоуборочным машинам не управиться. Тогда берет Лиза шланг и начинает снег поливать, она это называет: «Пойду снег таять». Вот почему у нас на участке сугробов не бывает.

И еще я говорила с Г. И. Седовой, техником-смотрителем, под чьим началом работает Елизавета Романовна.

— Мы тут с войны привыкли быть самыми лучшими,— рассказывала Галина Ивановна,— с тех пор, как наша дружина МПВО была лучшей не только в Ленинграде, но и во всей стране. Вы представить не можете, какой тут ад войны был, а мы за санитарию и за учения переходящее Красное знамя Осоавиахима получили. Придет, бывало, к нам начальник МПВО Ленинграда Лагуткин, беленьким платочком проведет, а у нас ни пылинки. Сама теперь не пойму, как это у нас получалось, мы же не уборкой занимались, а воевали — ей-богу, тысячи зажигалок на своем участке уничтожили. Однажды в дом номер пятьдесят два снаряд попал. Разрушения, пожар. Я на свой пост побежала, там дыму полно, запуталась в переходах, выбраться не могу, чувствую, и задыхаюсь и загораюсь. А за мной Лиза Волкова бежит. Нашла в дыму и вынесла.

Есть у меня письмо от бывшей жилицы дома № 50 на Фонтанке Е. Ф. Павловой. «Как педагог хочу подчеркнуть такое свойство в характере Елизаветы Романовны: она очень внимательна к детям. Домовый комитет часто устраивал экскурсии для детей, конечно, в сопровождении родителей, но ответственной за поездку назначали Елизавету Романовну — так сложилось и стало традицией. Когда вырос и зацвел ухоженный ею сад, естественно, были опасения, что дети станут рвать цветы. Но они же вместе с тетей Лизой поливали, пололи, удобрениями подкармливали, поэтому и берегли зелень. А если кто и пытался тронуть цветок, достаточно было сказать: «Вот узнает тетя Лиза!» Однако я не помню, чтобы она была строга, она добротой берет. Что же касается сада, то попробуйте понять, какое счастье — этот сад в центре большого города, среди камня и асфальта, шума и выхлопных газов; право же, настоящее счастье для детей, стариков, больных — для всех, кто не может выехать за город или даже дойти до ближайшего парка».

Письмо это придало мне духу, и я снова вернулась к Елизавете Романовне.

— Галина Ивановна Седова рассказывала, как вы ей жизнь спасли,— сказала я для начала нового разговора.

— Спасибо, что помнит. Сама-то она говорила про себя, сколько жизней спасла? Такая у нас была работа, мы многим жизнь спасали. Меня вот тоже один человек спас, а я даже имени его не знаю. Началась осенней ночью воздушная тревога, полетели зажигалки, светло как днем стало. Я второпях на крышу-то на каблуках понеслась. Заспотыкалась среди зажигалок, упала и поехала вниз, к своей гибели. А какой-то человек успел за косу схватить и удержал. На войне спасение жизней — дело будничное. А любовь к детям, наверное, тоже не заслуга, это чувство природное. После войны ко многим отцы не вернулись, мне хоть чем-нибудь хотелось ребят порадовать. Вырастали, на военную службу уходили, мне фотографии в солдатской форме посылали. Вон их сколько, целый альбом.

Так вот и живет Елизавета Романовна. Встает в шесть, в десять коротенький перерыв на завтрак, и опять уборка, часто и без обеда, дотемна. Снегопады не спрашивают, хорошо ли она себя чувствует. Засуха сад тоже не щадит.

Но ведь, кроме необходимого, Елизавета Романовна всегда делает больше: Деда Мороза на елке изобразит, цветы посадит, цыганский романс в клубе жилконторы споет... И вот что сказала моя новая подруга на прощание: «Всякая работа тяжела, если она не в радость. И самая трудная легка, если делаешь ее для людей, которых любишь. С тем я и живу».

КА

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИН

Як. ЗИСКИНД

РАССКАЗ

Уважаемые товарищи мужчины! Пожалуйста, не читайте этот рассказ. Он — только для женщин. Но вы так же любопытны, как наш брат — женщина, и я уверена, что вы его все равно прочтете. Ладно, читайте. У нас секретов нет!

Итак, дорогие женщины, два года назад я вышла замуж, и с мужем мне удивительно повезло: попался очень добрый, умный и, главное, поддающийся воспитанию. Не сомневаюсь, если бы существовало какое-нибудь специальное ОТК по мужьям, моему можно было бы присвоить Знак качества. Скажу без ложной скромности: в основном это результат моего целенаправленного труда.

Давайте называть вещи своими именами. Что такое воспитание? Если речь идет о животных, оно называется дрессировка. Все знают, что хуже всех дрессировке поддаются кошки. Так вот, поверьте мне, дрессировать мужей в сто раз труднее, чем кошек. И вот почему. У кошек что? Инстинкты! А у мужей не только инстинкты. У них, во всяком случае, у многих, есть и ум, и болезненное самолюбие, и нежная самовлюбленность, и повышенный эгоизм, и всевозможные привычки, приобретенные в детстве под влиянием родителей, в основном любящих мамочек.

Что является одной из главнейших причин большинства семейных драм и конфликтов? Неучастие мужа в хозяйственной жизни семьи, то есть нежелание ходить в торговые точки и на рынок, готовить пищу, мыть посуду, заниматься стиркой и натиранием паркета. Все мужчины эти работы делают неохотно и плохо. Почему? Потому что недогадливые жены превращают эти работы в тяжелейшую и оскорбительную повинность. Дескать, ах ты, такой-сякой, мог бы помочь жене и натереть пол! А ты смотришь свой хоккей и лежишь на диване!

Дорогие женщины, нельзя так! Не надо кидаться на мужчин с подобными претензиями. Ни в коем случае! Надо, чтоб эти работы стали для мужа праздником!

Да-да! Как этого добиться? Очень просто. Поясню примером, а потом сделаем выводы.

Однажды я попросила мужа купить сыру. Купил. Принес ужасный, со всех сторон обветренный кусок. Однако я его нежно расцеловала (разумеется, не сыр, а мужа!) и сказала, что он молодец, что такого сыра я бы в жизни не купила! (Согласитесь, я сказала правду!)

Муж расцвел и засиял. Тогда я погрозила ему пальцем:

— Скажи честно, ты ей понравился?

— Кому?

— Продавщице сыра.

Муж почему-то покраснел:

— Да что ты! Ничего подобного!

Глупый! Конечно же, ему было очень приятно, что он кому-то понравился, кроме меня. С того дня он охотно ходил в соседний «Гастроном», то есть эта малоприятная обязанность стала для него радостным событием. А частые посещения «Гастронома» научили его разбираться в качестве продуктов. И действительно, вскоре он приносил такой сыр, какого мне, женщине, никогда бы и не дали.

Вывод? Пожалуйста: самое сильное оружие воспитания мужей — завышенная оценка их не очень полезного труда!

А как он мыл тарелки? Кошмар! Грязные тарелки он обливал холодной водой и тут же вытирал полотенцем. Тем не менее я мужественно восхищалась его работой и просила поделиться со мной опытом. Разумеется, потом я перемывала не только тарелки, но и стирала полотенце, но он был уверен, что моет посуду лучше меня, в результате чего и эта отвратительная работа стала для него радостной и приятной.

Мне кажется, вы уже поняли, в чем состоит основной метод воспитания мужей.

Далее. Как и все мужчины, мой муж курил, к тому же любил, не скажу систематически, но часто, прикладываться к рюмочке... А как отучить? В данном случае самая изощренная лесть не поможет. Нужен другой метод. Страх! Да-да, мужчины ужасно мнительны и с трогательной нежностью относятся к своему здоровью. Что же я придумала?

У меня есть друг детства — кандидат медицинских наук. Я изложила ему свой план борьбы с вредными привычками мужа, и он его одобрил.

Придя к нам в гости, он поглядел внимательно на мужа и сказал:

— Э, братец, твой вид мне что-то не нравится. Зашел бы ко мне в поликлинику.

Муж зашел. По предписанию моего друга детства он сделал чуть ли не дюжину анализов, после чего кандидат медицинских наук произнес категорическим тоном:

— Ну вот, братец, я не ошибся: с курением и прочим надо кончать.

Муж пытался возражать, но кандидат сказал:

— Увы, братец! Рентген такое показывает, что другого выхода нет. Сам знаешь, инфаркты ходят за нами по пятам. Некоторые от них бегают, но и инфаркты показывают неплохую скорость.

И муж бросил курить и прочее. Нет, конечно, не сразу. Какое-то время он хорохорился, но кандидат его припугнул еще раз, и он сдался.

Вот так, медленно и методично я создавала отличного мужа.

Единственное, о чем я сожалею, что результатами моего труда воспользовалась другая женщина, так как мой муж теперь не мой муж, а муж продавщицы сыра из соседнего «Гастронома».

НЬЮ-ЙОРК. ПО МАРШРУТУ Н. РЕРИХА

Валентин **СИДОРОВ**

На фронтоне пятиэтажного особняка с полукруглыми окнами поблескивает металлическая дощечка: Nicholas Roerich Museum. На этой же дощечке в большом кругу выгравированы три маленькие. Это эмблема Знамени Мира, за утверждение которого боролся Рерих. Три круга символизируют собой духовные и культурные ценности — прошлые, настоящие, будущие,— которые человечество должно охранять.

Музей русского художника в Нью-Йорке. В оглушительном гуле и гвалте города он представлялся мне островом. Когда из уличной сутолоки попадаешь в залы музея, где полотна, изображающие Гималайские горы и сверкающее небо, излучают какой-то особый свет и особую тишину, возникает ощущение, что ты очутился в другом мире, на другой планете...

Я приехал в Нью-Йорк по приглашению Совета директоров Музея Рериха. Почти месяц я работал и жил в этом здании. Жил как в крепости. Действительно, как в крепости: окна и двери музея ограждены невидимой для глаза защитной сеткой современной сигнализации. Меня предупредили: раздастся сирена, запритесь в комнате и ждите приезда полиции. Недели три тому назад грабители пытались проникнуть в музей. Но, по счастью, рев сирены ни разу не потревожил моего уединения.

Мои комнаты — кабинет и спальня — были на четвертом этаже. Здесь я разбирал архив, знакомился с материалами музея, читал письма Рериха американским сотрудникам. Ночью, когда становилось невмоготу от духоты, я, отключив сигнализацию, открывал окно, чтобы воздух с Гудзона хотя бы немного облегчил жизнь.

Каждое утро, спускаясь вниз к завтраку, я проходил мимо портрета Николая Рериха, написанного его сыном Святославом. Фигура художника, сливаясь с контурами Гималайских вершин, кажется олицетворением человеческой мудрости. Я не удерживался от соблазна постоять у картин. О Рерихе сложено немало легенд. В одной из них говорится, что он открыл состав красок (известный в древности, но потом забытый), который врачует болезни и скорби людей. Мне почему-то думается, что определенная доля истины в этом есть. Во всяком случае, сужу по себе, какой-то заряд бодрости и энергии я от них получал. Может быть, причиной этому сама тональность картин, возвышенная, торжественная, радостная: горы, светоносные облака, одухотворенные лики...

Летом (в июле — августе) музей закрыт для посетителей, и потому мы могли спокойно и обстоятельно беседовать с вице-президентом музея Зинаидой Григорьевной Фосдик. Зинаида Григорьевна — американка русского происхождения, что, несомненно, облегчало наше общение. У нас появились излюбленные места бесед: второй этаж, где мы сидели за столиком с мраморной лампой под портретом Елены Ивановны Рерих; кухня, где мы по русскому обычаю гоняли чаи; примыкающий к дому и огражденный решеткой бетонированный четырехугольник, громко именуемый садом. Здесь на искусственной насыпи ежегодно обновляемой земли растут низкорослые деревья; в кадках стоят растения и цветы, лишенные запаха. По нью-йоркским понятиям это райский уголок. Не выходя из дома, можно подышать свежим воздухом, отдохнуть.

Зинаида Григорьевна не только хорошо знала Рериха, ей выпало счастье быть его ближайшей помощницей и ученицей. Годы — а прошло более полувека после первой встречи с Рерихом — не погасили ее энтузиазма. Зинаида Григорьевна — создатель и страж Музея Рериха. Она располагает многочисленными документами американского периода жизни Рериха, мало известного (в отличие от «русского» и «индийского») широкой публике. Этот период начался в декабре 1920 года, когда в Нью-Йорке, в Кингоргалерее, открылась выставка картин Николая Рериха.

— Вы помните выставку?

— Отлично помню. Собралась вся знать, сливки города, знаменитости, миллионеры. Ждут открытия. И вдруг погас свет. Лишь через полчаса устранили неисправность. И вот я стою перед «Сокровищем ангелов», «Языческой Русью» и «Экстазом» — тремя огромными полотнами сверхчеловеческой красоты и спокойствия, какие мог задумать и осуществить в красках только выдающийся ум, родственный Леонардо да Винчи. Для меня толпа уже не существовала, исчезла. Я стояла лицом к лицу с беспредельностью. Спутник, который привел меня на выставку — он был шапочно знаком с Рерихами,— все время повторял, что должен обязательно представить меня Рерихам. Я говорю: неудобно, да они и заняты (их окружали какие-то люди). Но мой спутник упрямо стоял на своем. Наконец, он подвел меня к Рерихам. Николай Константинович был среднего роста, с клинообразной бородкой; глаза у него синие, искрящиеся, удивительно доброжелательные. Рядом с ним стояла его жена, Елена Ивановна, такой поразительной красоты, что у меня перехватило дыхание. Меня назвали. Рерихи улыбнулись, особенно чудесной и ласковой была улыбка Елены Ивановны. Мы сказали друг другу какие-то общие фразы. А потом Елена Ивановна говорит:

— Приходите к нам сегодня в 7 часов в отель «Артист» на чашку чая...— Во мне все загорелось! Ровно в семь я была в отеле. За столом — Рерихи, их сыновья, близкие друзья: всего человек десять. Елена Ивановна разливала чай. Мы пили чай с булочками и разговаривали о том, что нас всех тогда волновало.

Эта встреча в жизни Зинаиды Григорьевны была решающей, переломной. Ее, виртуозную пианистку, руководителя известной в Нью-Йорке музыкальной школы, захватила широкая программа действий, с которой Рерихи приехали в Америку. Планы были грандиозными: во-первых, пропаганда русской культуры, во-вторых, создание школ искусства нового типа, в-третьих, организация интернациональных учреждений, которые объединили бы усилия культурных деятелей разных стран. Кроме того, Рерихи рассчитывали собрать средства для давно задуманной экспедиции в Индию и Гималаи.

— Я стала «рериховкой»,— улыбаясь, говорит Зинаида Григорьевна.— Наступила самая счастливая пора в моей жизни. Три года вместе с Рерихами. Не на земле, а выше — таким было мое ощущение того времени.

Картины Рериха начали триумфальное шествие по стране. После Нью-Йорка — Бостон, затем Чикаго, Филадельфия, Сан-Франциско (всего 29 городов). Сотни тысяч посетителей. Статьи в газетах и журналах. Успех был исключительным. Имя Рериха гремело по Америке.

Но слава и популярность для художника ни в коей мере не были самоцелью. Авторитет своего имени он использует для утверждения тех идей, ради которых он и приехал в Америку. Рерих основывает Институт объединенных искусств. Идея института уже в самом названии: единство всех искусств под одной крышей. Открываются студии: живописи, скульптуры, музыки, балета (впоследствии появятся специальные классы, где будут обучать музыке и ваянию слепых по методу, разработанному Зинаидой Григорьевной Фосдик).

Институт занимал поначалу скромное помещение: всего одну, правда, большую по размерам, комнату. Но известность рериховской «академии» росла не по дням, а по часам. Образовались средства: в основном от продажи картин. В 1923 году институт перебирается в трехэтажный особняк на Риверсайд Драйв. Президент США Кулидж направляет приветствие в адрес Музея Рериха (под таким названием фигурирует теперь учреждение в прессе). Но и этого помещения оказалось мало, и спустя несколько лет картины Рериха и институт перекочевывают в 27-этажный небоскреб над Гудзоном, построенный по проекту знаменитого архитектора Корбета.

Окончание. См. «Огонек» № 9.

Н. Рерих. КАПЛИ ЖИЗНИ.

Музей имени Н. К. Рериха. Нью-Йорк.

Н. Рерих. ЧАСОВНЯ СВ. СЕРГИЯ. Музей имени Н. К. Рериха. Нью-Йорк.

Идея сближения народов на почве культуры легла в основу учрежденных Рерихом организаций «Пылающее сердце», «Венец мира». Они объединили представителей искусства многих стран. Потом эти центры выросли во Всемирную лигу культуры.

— Рерих внес новую сильную струю в духовную жизнь Америки, разбудил повседневное мышление не только своим искусством, совершенно новым для художественного мира страны, но и своими идеями, устремленными в будущее. Он был магнитом,— говорит Зинаида Григорьевна,— притягивающим к себе ищущих людей. Можно сказать, что лучшая часть тогдашней интеллигенции — художники, композиторы, артисты — сплотилась вокруг него. Именно в те годы он познакомился с Рокуэллом Кентом, на которого, безусловно, оказал большое влияние. Приходили разные люди, вплоть до биржевых маклеров. Биржевым маклером был и Хорш. На первых порах он проявил горячий энтузиазм и стал нашим сотрудником, а потом сыграл такую зловещую роль в движении, связанном с именем Рериха...

Великая заслуга Рериха состоит в том, что он открыл американцам глаза на новое понимание культуры русского народа. Уже сами его картины, написанные по сюжетам древнерусской истории и фольклора, исполненные символики и философской глубины, были своеобразными вестниками России. Но дело не только в этом. Вся деятельность Рериха — его выступления, лекции, статьи, которые вышли потом отдельной книгой «Пути благословения»,— была подчинена одной и той же цели: раскрыть духовную красоту русской культуры, раскрыть величие миссии России. Несомненно, что он строил мостик между нашими странами.

Не думайте, однако, что он строил этот мостик лишь на базе искусства. Нет, он мыслил гораздо шире. Недаром Николай Константинович завязывал контакты с политическими деятелями. Уоллес, в будущем министр земледелия и вице-президент, объявляет себя сторонником Рериха и учеником. В 22-м году я присутствовала на встрече Рериха с одним из возможных кандидатов на пост президента от республиканской партии. Это был человек выдающегося ума, лишенный обычного для того времени предубеждения против советского строя. Помню, с каким сочувствием он отнесся к программе, которая, по мнению Рериха, могла бы иметь самые благие последствия для мира. А пункты этой программы были: признание Советской страны, сотрудничество с нею, тесный экономический и политический союз. Осуществись такая программа — и многое в нашей жизни пошло бы по-другому.

В конце 1923 года Рерихи направляются в Европу и оттуда — в Индию. Началась знаменитая трансгималайская экспедиция Рерихов, занявшая в общей сложности пять с половиной лет. Зинаида Григорьевна закупала снаряжение для экспедиции и дважды доставляла это снаряжение Рерихам. В первый раз — в 1926 году, в Москву, где она принимала участие в беседах с Чичериным, Луначарским, Крупской. Второй раз — в 1927 году, в Улан-Батор, в Монголию.

В 1929 году состоялось торжественное открытие музея-небоскреба. В Нью-Йорк съехались представители разных стран. Председательствовал на открытии Рерих. Экспедиция завершилась, и он привез сотни картин, написанных во время путешествия. Пресса уделяла большое внимание этому событию. Небоскреб представлял собой уникальное явление. Это был русский музей, ибо основу его составили полотна русского художника — их к тому времени насчитывалось более тысячи, и они занимали три этажа,— но с четко выраженным интернациональным уклоном. Русский музей должен был действовать как центр, объединяющий культуры разных стран. Планировалось отвести определенные залы для национального искусства каждой страны. В музее экспонировались собранные Рерихом коллекции икон и буддийской скульптуры. В тибетской библиотеке хранились редкие книги и уникальные манускрипты.

В небоскребе расположились многочисленные студии Института объединенных искусств, директором которого с момента его создания работала Зинаида Григорьевна Фосдик. Здесь было устроено несколько сотен квартир. Они сдавались по доступным ценам людям искусства. Это тоже входило в план: люди свободных профессий должны иметь дешевые квартиры. В залах музея читались лекции, в театре — он находился в нижнем этаже небоскреба — давались концерты, которые жильцы дома имели право посещать бесплатно.

В общем, музей-небоскреб мыслился как город искусства, как своего рода ковчег для людей творчества. В числе почетных членов музея — Эйнштейн и Рабиндранат Тагор.

Рерих не собирался долго задерживаться в Нью-Йорке (он должен был ехать в Индию, где его ждала Елена Ивановна), но обстоятельства сложились так, что пребывание в Америке растянулось на год с лишним. Английские власти, относившиеся к Рериху в высшей степени подозрительно, отказали ему во въездной визе. Много времени и энергии ушло на хлопоты. Помощь пришла с неожиданной стороны. Французское правительство предложило художнику возглавить археологическую экспедицию в Пондишери (бывшем тогда французским владением в Индии). Оттуда можно было без всяких виз проехать в Британскую Индию.

«Благословенны препятствия. Ими растем»,— любил повторять Рерих изречение восточной мудрости. Вынужденную остановку он использует для широкой пропаганды Пакта Мира. Мысль о действенной защите культурных ценностей, варварски уничтожаемых не только во время войны, но и в мирные дни из-за невежества и равнодушия, Рерих вынашивал давно. Идею пакта об охране культурных ценностей он выдвигал в канун первой мировой войны, но она не получила официальной поддержки. И вот теперь художник вновь обращается к проекту, детально разрабатывает его, формулирует основные принципы и положения пакта. «Мною поднят вновь тот же насущный вопрос»,— пишет он друзьям. Борьба за конвенцию продолжалась и после отъезда художника в Индию.

Пакт Рериха называли Красным Крестом Культуры. Проект пакта был опубликован и сразу нашел многочисленных сторонников. В его поддержку выступают Ромен Роллан и Томас Манн, Рабиндранат Тагор и Бернард Шоу. В разных странах создаются комитеты содействия пакту (английский комитет возглавил Герберт Уэллс). Музей Рериха проводит международные съезды сторонников пакта в Брюгге и Вашингтоне. Кульминационный пункт движения — конференция 1935 года в Белом доме под председательством президента Соединенных Штатов Франклина Рузвельта, выступившего по радио. На ней руководители стран американского континента подписали пакт Рериха*.

Казалось бы, рериховское движение на подъеме. Казалось бы, великие гуманные идеи художника обретают наконец-то плоть и кровь. Как будто все свидетельствовало о том, что Америка оправдала возложенные на нее надежды. Но это иллюзии, и Рерих очень скоро убедится в этом. Предательство Хорша с предельной ясностью выявит истинное положение вещей.

* * *

Хорш принадлежал к рериховцам «первого призыва». «Горит желанием помочь»,— говорил о нем художник. Образованием или знанием искусства этот биржевой маклер похвастать не мог, но зато благодаря своей профессии он обладал солидным финансово-коммерческим опытом, без чего, как известно, в Америке трудно рассчитывать на успех в каком бы то ни было начинании. Куплю-продажу картин, аренду помещений, оформление документов, выпуск акций, то есть всю практическую сторону дела Хорш охотно взял на себя, к великому облегчению ближайшего окружения Рериха, в основном людей искусства, не очень-то разбирающихся в юридических и финансовых тонкостях. Вот почему так быстро Хорш сделался для Рериха необходимым помощником. Вот почему он стал одним из руководителей рериховских учреждений.

Хорш, хотя он и не упускал случая подчеркнуть свое бескорыстие, с самого начала извлекал выгоду из этого сотрудничества. Вчера еще безвестный бизнесмен средней руки, сегодня он обрел видное общественное положение. Его имя называлось рядом с именем Рериха, портреты его, культурного деятеля и соратника Рериха, печатались в газетах и журналах. Все это, естественно, льстило Хоршу, и он до поры до времени выказывал и преданность, и энтузиазм.

Расхождения обозначились и обострились после строительства небоскреба. Один из главных держателей акций, Хорш рассчитывал на доходы: цены на квартиры в Нью-Йорке весьма высоки. Он бурно протестовал против «филантропической затеи»— сдавать квартиры по баснословно низким ценам, но оказался в Совете директоров в меньшинстве. Пришлось уступить.

А тут произошло еще одно событие, судя по всему, совершенно неожиданное для Хорша. По предложению Рериха Совет директоров принял решение о безвозмездной передаче музея американскому народу. Декларацию, объявляющую музейные картины собственностью нации, подписали Рерих и его ближайшие сотрудники. Подписал ее и Хорш, хотя все в нем протестовало против этого. Он обязался юридически оформить документ, но положил его под сукно, а потом уничтожил.

С этого и началась операция Хорша по захвату музея. Куш был солидным: картины Рериха в то время оценивались в 5 миллионов долларов. А другие картины, а само здание?! Соблазн был слишком велик. К тому же Хорш чувствовал себя обойденным: его бескорыстие, которое он так шумно рекламировал, не увенчалось наградой. Вот он и решил сам вознаградить себя, присвоив то, от чего Рерих все равно отказывается. Для такого умелого дельца, как Хорш, операция не сулила особых трудностей. Доверяли ему безоговорочно. Акции Рериха и его друзей были отданы под честное слово на сохранение Хоршу. Доверенность Рериха на ведение всех дел художника в Америке находилась в его руках со времен трансгималайской экспедиции. Все благоприятствовало Хоршу.

Правда, несколько смущала всемирная слава Рериха. Поэтому следовало озаботиться поддержкой в высоких бюрократических сферах, по возможности в Белом доме. Надо было искать влиятельного союзника. И Хорш нашел его. Им оказался человек, провозгласивший себя учеником и последователем русского художника,— министр земледелия Генри Уоллес. Над духовными запросами «последователя Рериха» возобладала жажда накопления. Хорш очень быстро раскусил это и установил контакт с министром на типично американской деловой основе. Он предложил Уоллесу воспользоваться его маклерскими услугами и секретно играть на бирже. И вот у Хорша по временам стал появляться таинственный посетитель. Он поднимался по черной лестнице, прикрыв воротником лицо, дабы его не узнали. Министр сообщал маклеру сведения, не подлежащие оглашению (иногда он делал то же самое по телефону, не называя себя и изменяя до неузнаваемости голос). Сообразуясь с ними, Хорш играл на повышение или понижение. Прибыль он делил с министром. Понятно, что при таком партнере тыл у Хорша получил надежное обеспечение. Можно было действовать в открытую.

* Вторая мировая война перечеркнула это соглашение. Лишь после разгрома фашизма, лишь после того, как Советский Союз и страны социализма стали главной, определяющей силой всей общественно-политической и культурной жизни планеты, великое начинание Рериха обрело реальность. В 1954 году в Гааге была заключена Международная конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Ее подписали и ратифицировали Советский Союз и другие страны мира. В основу конвенции лег пакт Рериха.

Спустя два месяца после подписания пакта Рериха в Белом доме Хорш собрал Совет директоров музея. Друзья Рериха пришли на заседание, не подозревая, что Хорш превратился в держателя контрольного пакета акций: доверенные ему пан Рериха и людей, близких к Рериху, он перевел на имя своей жены. Хорш заявил о своем разочаровании в Рерихе и в движении, возглавляемом им.

— Я вас собрал, чтоб сообщить следующее: больше мы с Рерихами не работаем. Мы теперь идем по новому направлению. Нам Рерихи не нужны. Если хотите, можете оставаться с нами. Если нет — можете убираться в Тибет.

Резолюция, заранее подготовленная Хоршем, выводила из Совета директоров Рериха и четырех учредителей Музея Рериха, в том числе и Зинаиду Григорьевну Фосдик.

Момент для разрыва был выбран не случайно. Как раз в это время Рерих находился в пустынном и недоступном для сообщений районе Маньчжурии. По настоятельной просьбе того же министра земледелия Уоллеса он возглавил американскую ботаническую экспедицию по сбору семян засухоустойчивых растений. Снестись с ним не было никакой возможности.

— Но в той ситуации это нам ничего бы и не дало,— говорит Зинаида Григорьевна.— Когда мы обратились в суд, нам сказали: — Профессор Рерих должен лично явиться сюда, чтобы дать показания. А Уоллес просил довести до нашего сведения: как только Рерих приедет, он будет арестован за неуплату налогов. Оказывается, Хорш сделал заявление о том, что Рерих не уплатил в свое время налога с экспедиционных сумм, якобы являвшихся его частным капиталом. Это была ложь, потому что экспедиция снаряжалась на средства общественных организаций (по закону эти деньги не облагаются налогом). Но Хоршу и Уоллесу была важна любая зацепка, лишь бы не пустить Рериха в Америку. Все было продумано заранее и до деталей.

Теперь Хорш мог не стесняться. Он торопится. Не дожидаясь окончания судебного процесса, в ночное время взламывает замки в музее и ставит на картинах Рериха штемпели: «Собственность госпожи Хорш». Крадет архивные документы. Тайно вывозит в неизвестном направлении тибетскую библиотеку и коллекцию икон. Хоршу все сходит с рук. Влияние высокого покровителя обнаруживается уже в том, что не допускается открытое судебное разбирательство дела. Оно слушается в так называемой «камере». Хорш выигрывает процесс почти по всем пунктам.

— Украли музей, принадлежащий нации,— говорил, узнав о решении суда, художник.— Это был мой дар американскому народу.

Все то, что созидалось с таким трудом и напряжением, рушилось в одно мгновение. Расхищались не только ценности. Прекратили деятельность учреждения и организации, работавшие во имя мира и культуры. И ничего нельзя было сделать. И ничто не помогало: ни всемирная слава, ни общественное негодование. Мир свободного предпринимательства давал художнику свой наглядный урок.

Вначале Рерих удивлялся «чудовищной несправедливости», поощрявшей безнаказанность Хорша, а потом перестал удивляться. Он пришел к выводу: «...чувствуется существование какой-то организованной банды».

Мужества и присутствия духа художник не потерял, но строки его посланий пронизаны горечью и негодованием:

«Наверное, со временем, когда кто-то прочтет все наши письма, он подумает, что в какое же такое средневековье могло происходить настолько несправедливое отношение».

Не без иронии замечает Рерих в другом письме, что это, вероятно, является особым выражением признательности страны, которой он принес свой опыт, умение, способности:

«Эх, Америка, Америка! Сколько добрых мыслей и намерений было направлено нами туда. Немало в ней хороших людей, но страшно становится, как вспомним о мрачном воинстве гангстеров, клеветников, невежд, о линчевании, о всевозможных преступлениях, охвативших уже и молодежь, о преступной прессе, о всяких грязебросах...»

Разумеется, не о личном престиже заботится Рерих (это его не занимало вовсе). «Сатанисты», так называл он Хорша и его друзей, нанесли ущерб великому делу, во имя которого он жил и творил. Дальнейшие события показали, насколько неотложны, насколько своевременны были начинания Рериха. Во время войны художник писал:

«Теперь представим себе, что бы было, если бы преступный вандал Хорш не разрушил бы Русский музей. Нарастали бы и Русский и Американский отделы. Образовалась бы прекрасная возможность культурного единения двух великих народов. Вверху были бы соответственные учреждения. Так должно было быть, но темная рука вандалов все разрушила».

Не только дух стяжательства руководил «преступным трио» (Хорш, его жена и подруга жены — Эстер Лихтман). Была и другая причина. Ее Рерих определяет емким словом «русофобия».

Об опасности русофобии Рерих говорит и пишет постоянно: «Где-то неуловимо гнездится чудище стозевно, обло и лаяй, похуляя все русское. И как нащупать и поразить такое чудовище?»

Для Рериха слово «русофобия» охватывает все: и предубеждение против русского народа вообще и враждебное отношение к новым идеям, которые воплощает в жизнь современная Русь.

Американским сотрудникам он не устает напоминать о бдительности. Он даже советует завести особую папку с черной надписью: «Русофобия». И недаром он с такой страстностью настаивает:

«Не будет забыто в летописи, что Хорш уничтожил русский музей — ведь все преступное трио ненавидело все русское. Никто, кроме оголтелых шовинистов, не противился бы, так же как не противятся музею Родена, испанскому Музею и другим собраниям. Но преступникам потребовалось уничтожить русское дело, и это не может быть забыто».

* * *

Американо-русская культурная ассоциация (сокращенно — АРКА) была учреждена в 1942 году. Ее почетным председателем стал Рерих. Мысли художника о необходимости истинной культурной связи между двумя великими странами легли в основу деятельности организации.

— Свое вдохновение мы черпали вот отсюда,— говорит Зинаида Григорьевна, протягивая мне послание Рериха членам американо-русской ассоциации.

«Так мало знали народы о великом русском народе! Мы, как пионеры таких сближений, знаем, как часто бывала непонята Русь, по неведению. И теперь, когда молния Русского Подвига осветила мир, когда трубный глас русской победы прогремел над землею, теперь должны народы доподлинно знать о русском сердце, о трудах российских народов, об их продвижении к творчеству.

Широкая пашня для АРКА».

— АРКА сразу приобрела известность и популярность,—рассказывает Зинаида Григорьевна.— В нашей «штаб-квартире»— она занимала двухэтажный дом — всегда было тесно от людей. Ученые, писатели, артисты, журналисты. В большом зале на первом этаже висели картины Рериха (из числа тех, что уцелели после истории с Хоршем). В годы войны мы организовали несколько сотен выставок: в школах, колледжах, публичных библиотеках, госпиталях, литературных и художественных клубах, на заводах. Вы не представляете, с каким успехом проходили лекции о Советском Союзе. Помню, что творилось в университете, когда выступал известный экономист Терещенко с докладом «СССР — единство в разнообразии». Большой популярностью пользовались также выступления Рокуэлла Кента. Тема его сообщения: «Народный художник в Советском Союзе».

Я перебираю пожелтевшие от времени афиши и программы тех лет. «СССР во время войны и мира», «Осада Ленинграда», «Окна ТАСС», «Сталинград», «Защита Севастополя», «Рисунки советских художников на фронте». Кантата «Наш ответ Сталинграду». На обложке надпись: «Направить в СССР».

— Мы постоянно общались с ВОКСом, — продолжает Зинаида Григорьевна, — который, собственно, имел ту же самую программу, что и мы.

Все это мы делали под эгидой Рериха, с его одобрения. Николай Константинович из Индии следил за нашей работой, направлял, советовал, руководил. Он писал нам: «Творится большое полезнейшее дело. Вы вписываете в Вашу деятельность прекрасную главу. Понимаем, как должны Вы уставать, но сознание великой пользы приносимой окрылит и удесятерит силы».

Радостное было время, хотя трудностей хватало. Но Николай Константинович всегда умел подбодрить нас. Помню, как в ответ на наши сетования о всякого рода сложностях, он прислал нам следующие слова: «И все-таки скажем: вместе с русским народом «вперед, вперед и вперед!»

Он очень верил в АРКА. Писал: «АРКА — как цветок целебный пусть растет и крепнет». Надеялся, что мы продолжим нашу деятельность и после войны. Он говорил: «Если вчера АРКА и ВОКС были нужны, то завтра они будут еще нужнее».

К сожалению, надеждам этим не суждено было сбыться. Началась «холодная война». «Трудно положение АРКА,— отмечает Рерих. — Очевидно, русофобия разъедает Америку. И такая язва трудноизлечима». Разумеется, художник настроен по-прежнему решительно. С новой силой он ратует за то, чтобы установить правильное отношение к стране непонятой». В очередном письме в Америку он пишет:

«В статье из Таймса высказано несправедливое осуждение русским за их подозрительность. Не мешало бы кому-то раньше освободиться от подозрительности, нежели обвинять русских. Впрочем, обычно видят: «Сучок в чужом в глазу, а бревно в своем не чувствуют». Вы могли бы по поводу чьей-то подозрительности написать целую книгу. Много таких книг можно написать, да времени и охоты нет. Вы-то знаете, сколько мы претерпевали от нелепейшей подозрительности разных злобных невежд. А может быть, автор статьи ошибся в выражении и вместо русской подозрительности не лучше ли сказать проницательность».

Те же самые ноты звучат и в письмах Елены Ивановны Рерих:

«Страна, заботящаяся о народе, о его благе, об улучшении его быта и просвещения, заслуживает уважения и должно признать, что в этом отношении страна, несмотря на страшные трудности и войны, ей навязанные, преуспела изумительно. Пусть друзья понаблюдают, как процвели все, кто сохранил хотя бы намеки на дружественность, кто удержался от всеразъедающей вражды».

Но русофобия, а точнее, советофобия отравила уже атмосферу страны. Членов АРКА преследуют. Им угрожают тюрьмою. В таких условиях деятельность ассоциации свертывается, а потом прекращается вовсе.

— Но мы не стали пессимистами,— говорит Зинаида Григорьевна.— Мы верили в пророческие слова Рериха. А он писал: «Всякие русофобии не страшны, когда доподлинно знаете их причины и прозреваете их конец».

* * *

В статьях Рериха нередко можно встретить древнее изречение: «Если ты устал, начни еще. Если изнемог, начни еще и еще».

— Эти слова стали нашим щитом и девизом,— говорит Зинаида Григорьевна.— А начинать пришлось, по существу, с нулевой отметки.

В сорок девятом году в предвидении лучших времен мы приобрели здание в верхней части города. Здесь разместилась большая коллекция картин Рериха: несколько сот полотен. Эта коллекция образовалась постепенно. Часть картин пожертвовали из своих личных собраний друзья художника, часть нам удалось купить. Из европейских рериховских центров пришли полотна, чудом уцелевшие во время войны. Возрождение музея стало реальностью, тем более что ситуация теперь изменилась. «Холодная война» пошла на спад. В 1960 году мы получили от штата Нью-Йорк хартию. Она оп-

ределила наш статут и узаконила наше положение».

Эта хартия в застекленной раме висит в холле музея. На противоположной стене — картина, где варьируется столь любимый художником образ вестника. На фоне гималайской Канченджунги, объятой розовым закатным пламенем,— всадник. Его конь рывком преодолевает дымящееся облаками ущелье.

На столе, придвинутом к картине, книга в черном кожаном переплете (в ней расписываются посетители), листовки, разъясняющие условия, на которых можно стать членом музея. Актив музея большой. Члены и сотрудники его разбросаны по всей стране. Музей существует на их добровольные пожертвования. Здесь все держится на бескорыстии и энтузиазме. Кроме технического секретаря, никто не получает жалованья. Нынешний президент музея госпожа Стиббе — преданная ученица Рериха. Не так давно она передала нашей стране принадлежащие ей вещи Рериха и картины художника (из серий «Древняя Русь» и «Учителя Востока»). Дар она сопроводила словами: «Рерих научил нас любить Россию».

Посетителей много. Зинаида Григорьевна с гордостью сообщает, что к ним тянется молодежь. Нью-йоркские колледжи записываются на групповые посещения. Летом, как я уже говорил, музей закрыт, но это правило не соблюдается строго. Приезжают из дальних штатов, из Канады, из других частей света. Отказа никому нет.

О популярности музея свидетельствует его обширная корреспонденция. Чуть ли не каждый день почта доставляет письма из Европы, Южной Америки, Африки, Австралии. Интересуются работой музея. Просят прислать репродукции картин. Просят прислать монографии о художнике, книги самого художника. Издание трудов Рериха — тоже сфера деятельности Совета директоров музея, главным образом Зинаиды Григорьевны Фосдик. Книги Рериха переводятся на английский. К юбилею художника (сто лет со дня рождения) вышел том его статей и очерков «Нерушимое».

Продолжаются традиции прежних лет. Как и в рериховские времена, музей постоянно устраивает — в зале второго этажа, оборудованного микрофонами,— лекции, музыкальные вечера. Специальный зал отведен для современных выставок. Это тоже в духе традиций прежних лет. Бывали здесь и наши экспозиции: образцы книжной продукции советских издательств, работы фотомастеров «Женщина в Советском Союзе». На 1978 год запланирована выставка украинского детского рисунка.

Мы поднимаемся с Зинаидой Григорьевной на второй этаж. Стена, идущая вдоль лестницы, фосфоресцирует, играет и переливается красками всех цветов и оттенков: она сплошь завешана картинами, запечатлевшими горные пейзажи.

Поворот лестницы, и мы — у портрета Николая Рериха. Расположение картин здесь продумано тщательно. По правую и левую сторону портрета — два полотна — «Розовые горы» и «Голубые горы», выполненные в манере, типичной для позднего периода творчества художника. Они из «гималайской серии», той самой, что стяжала Рериху славу Мастера гор.

Много эскизов, сделанных во время трансгималайской экспедиции. Они с документальной точностью зафиксировали вехи трудного пути: крутые перевалы, суровые плоскогорья, скалы. Ранний «русский» период представлен тремя небольшими работами: «Корабль строят», «Корабль спускают на воду», «И мы открываем врата». Эти вещи расположены одна под другой и отличаются от поздних колоритом, тональностью красок. «Я писал маслом,— говорил Рерих,— но масло темнеет с годами. Поэтому, по примеру старых мастеров, я перешел на темперу».

— Ритм жизни Николая Константиновича был исключительно напряженным,— рассказывает Зинаида Григорьевна,— я много раз видела его в процессе работы. Перед ним стояло три или четыре мольберта. И он подходил то к одному, то к другому полотну, одновременно завершая несколько сюжетов. Писал он непрерывно и на чем угодно. Во время гималайской экспедиции из-за недостатка материала писал на мешковине, на бумаге...

Зинаида Григорьевна щелкает выключателем, и зал, окна которого сейчас завешены, заливают волны яркого света.

— Центральная картина этой залы,—говорит Зинаида Григорьевна,— «Матерь Мира». Женское начало для Рериха — начало вдохновенное, героическое, преобразующее. В этом облике он как бы воплотил свое понимание прекрасного. В образе женщины сконцентрирована вся красота мира. А красоте сопутствует тайна, и недаром — видите — верхняя часть лица скрыта покрывалом... А посмотрите, какая здесь возвышенная символика. Семь светящихся фигур слева — они олицетворяют собой Большую Медведицу, три справа — Орион. А над головой звезда Матери Мира — Венера.

По бокам картины мы расположили две части панно «Сны Востока»: «Песнь водопада» и «Песнь утра». Обратите внимание, какой здесь характерный индийский пейзаж, как точно схвачена грация индийской девушки. А ведь картины написаны в двадцатом году, то есть задолго до того, как художник побывал в Индии. Из воспоминаний Рериха вы, конечно, знаете, что как раз в это время Рабиндранат Тагор посетил его мастерскую с тем, чтоб увидеть картины по сюжетам русской истории. А художник завершал работу над серией «Сны Востока». Тагор был поражен такой неожиданностью. Тогда-то он и сказал об особом духовном родстве Рериха с Индией.

Здание Музея Рериха в Нью-Йорке.

Мы переходим в следующий зал. Большое полотно, изображающее ночное небо и горы. Звезд высыпало много, но выделяется одна звезда, струящая белый торжественный свет. Фигура человека, слегка озаренная отблеском костра, дана силуэтом. Лица не видно. Стар он или молод — неизвестно. Как и другие вещи Рериха, картина покоряет композиционной завершенностью, гармонической соразмерностью частей. Называется она «Звезда героя».

— Мне кажется, эпиграфом к ней,— говорит Зинаида Григорьевна,— могут служить следующие слова Николая Константиновича.

Она вынимает записную книжку, которая, очевидно, помогает ей во время экскурсий.

«Каждый по-своему — кто более духовно, а кто земными путями пусть идет туда же, к лазурной горе, где живет все высокое, то, что люди зовут возвышенною культурою. Зорко различайте признаки будущего подвижника, героя. Скромно опущены крылья героя, чтобы прекрасно взлететь в час сужденный».

— Посмотрите внимательней на эти эскизы,— обращается ко мне Зинаида Григорьевна.— Установились такие термины: горы Рериха, краски Рериха. Мы специально подобрали шесть эскизов и поместили их рядом друг с другом, чтобы зритель мог судить о красках художника. Вот его лиловый цвет, вот — розовый, вот — оранжевый. Но преобладают, как видите, его любимые цвета: синий и голубой.

Мы продолжаем осмотр. Русские сюжеты («Часовня св. Сергия», «Звенигород») перемежаются индийскими («Капли жизни»), тибетскими («Лахул»). И вновь и вновь глядят на нас с полотен гималайские вершины. Эверест. Канченджунга. Последняя особенно любима художником. Он посвящает ей большое полотно. Окутанная облаками, она угадывается в «Жемчуге исканий» (картина, в основу которой легла легенда); ее контуры четко вырисовываются на полотне, исполненном глубокой символики: «Помни» (молодой тибетец, уходя в неизведанный путь, в последний раз оглядывается на все то, что он оставляет, наверно, навеки). Художник имел все основания сказать: «Навсегда связано наше имя с Гималаями. По всему миру проявились наши Гималаи».

* * *

— Мир через культуру!— говорит Зинаида Григорьевна. Мы сидим за столиком с мраморной лампой, как бы подводя итоги нашей совместной работы.— Как все же неправильно воспринималась порою эта формула Рериха! Некоторые усматривали в ней сугубый пацифизм, непротивленчество. А ничего этого не было. Недаром Рерих применял к работникам культуры слова из индийской старинной книги: «Воины, воины — мы называем себя. Мы сражаемся за благородную добродетель, за высокие стремления, за высшую мудрость, за то мы называем себя воинами». Охрана культуры не сводилась для него лишь к пассивной обороне. Вот послушайте, что он нам говорил.— Зинаида Григорьевна вооружается очками, раскрывает папку, где хранятся письма Рериха, читает:

«Война подтвердила многие старые истины. Между прочим события еще напомнили, что одни защитные действия без наступательных ведут к поражению. Как бы ни были укреплены защитные силы, они все-таки будут сломлены, если не смогут перейти в наступление. Так и во всем, во всей жизненной борьбе. Во имя блага будьте воителями, не сидите взаперти за стенами крепости, но выходите бодро в чисто поле. Пусть каждая разрушительная злоба получит удар заслуженный».

Рерихи нас учили: «Каждая благая мысль не пропадает и снова возвращается в лучшем, обогащенном выражении, когда ее срок подходит». Не кажется ли вам, Валентин Митрофанович, что срок подошел и мысли Рериха о культуре именно сейчас могут быть воплощены. Не правда ли, как современно звучат его лозунги!

Вы, конечно, понимаете, что музей и его сотрудники готовы отдать все для возрождения идей Рериха во всей их мощи. Но не будем сейчас оперировать глобальными категориями. Начнем с малого. Почему бы нам не устроить взаимный обмен выставками Рериха? Уверяю, что такая выставка привлекла бы большое внимание американской публики. Почему бы нам не организовать взаимный обмен материалами? У вас проводятся рериховские чтения, и мы могли бы принять в них участие. И, наконец, залы нашего музея широко открыты для ваших культурных экспозиций. Не забывайте, что музей, носящий имя Рериха,— это музей русской культуры, а вернее — музей культуры народов Советского Союза. Наша цель была и есть — единение культур двух великих стран.

Зинаида Григорьевна на мгновение умолкает. Она разглядывает даты, которыми помечены послания Рериха.

— Последние письма Николая Константиновича,— говорит она,— это его своеобразное завещание. Удивительно, как актуальны и своевременны его мысли, его призывы. Не правда ли, весь дух нашего времени вот в этих словах:

«А мы опять пустим в море наши броненосцы: «Мир», «Светлое будущее», «Сотрудничество», «Добротворчество». Такая эскадра выдержит против всех ураганов, вопреки всем бурям. Доплывем!»

Нью-Йорк — Москва.

Лариса ФЕДОРОВА

РАССКАЗ

Рисунок
П. КАРАЧЕНЦОВА

ГУСИ МАРИИ

Когда бы я ни шла к Марии, у ленивой ее соседки Звонарихи, у которой никогда ничего не пеклось и не жарилось, стоит в раскрытом окне магнитофон и орет на всю улицу одну и ту же песню:

«К-а-а-к прек-ра-сен этот мир, посмотри!»

Вся деревня смеется, а Звонарихе хоть бы что. Ей скажут — она вместе с ними тут же примется похохатывать над собою. Даже упреки за худобу мужа и четырех девчонок отскакивают от румяной толстушки, как горох.

— Да провались она, эта кухня! Я и на ферме по самую завязочку наработаюсь. Совхоз работу хорошо спрашивает, а где о женщинах забота? В городе бабы с завода идут, а в проходной кулинария эскалопами вовсю торгует. Вот это я понимаю! Кинул их на сковородку — и шкворчите. Пока у нас кулинарии нет, вы с меня кормежки не спрашивайте. Я и работаю на совесть и четырех девок для государства родила. У вас-то по скольку? По одному? Вот и помалкивайте!

— Да ведь их кормить надо, четверых-то!— говорят женщины.

— Разве я не кормлю? Молока вволю, картошки вволю. И масло в холодильнике. Они потому худые, что из воды не вылазят, я и сама в их возрасте тонкая была.

Убеждать Звонариха умеет, это верно. Но и то верно, что где бы жареным ни пахло — она тут как тут! Соседи посмеиваются, но к столу ее зовут охотно — Звонариха-то отменная песенница и шутница.

Песня о прекрасном мире лилась с подоконника и сейчас. Хорошая песня! Я так заслушалась ею, что чуть не стала объектом нападения злющего гусака Митьки, моего недруга еще с прошлого года.

Изогнув шею и уставив на меня свой каменно-голубой глаз, Митька стоял у хозяйской калитки и пропускать меня в дом к Марии не собирался. Устрашить его можно было только красным японским стреляющим зонтиком. Но я забыла его в чемодане у квартирной хозяйки Агаповны. Не возвращаться же на другой конец деревни!

— Маня!— закричала я, силясь одолеть музыку Звонарихи.— Маня, где ты? Иди скорее, выручай, Митька меня заедает!

Я знала, что мой зов будет услышан. Сени были открыты, как, наверное, и кухонная дверь. Припекало уже с утра, а Мария — жара ни жара,— наверное, хлопочет у плиты.

И верно: в доме что-то звякнуло, в сенях покатилось пустое ведро, должно быть, сорвавшееся с коромысла, тут же загремело второе, и вот под этот грохот выскочила на крылечко Мария, уже простирая ко мне руки.

— Опять без телеграммы?! И опять к бабке Параске? Нет чтобы телеграмму послать, я бы хоть петуха сварила!

Высокая, тонкая, она проворно сбежала со ступенек, босая прошлепала по деревянному настилу, что под окнами, и, вся жаркая от плиты, заключила меня в объятия, мимоходом отпихнув гусака ногою.

— Я к тебе вечером хотела наведаться, да вспомнила, что вечером ты занята.

— Вот еще как: вечером она ко мне собиралась! А ведь приехала с первым автобусом? И сразу к бабке Параске? Как медом тебе там намазано! А у меня что, дома нет? Вон какой пустует. Две кровати в горнице, а мы с моим «десантником» в кухне спим... Сама знаешь, упорхнули детки в город...

— Мне там удобнее, Маня,— стала я объяснять, когда мы вошли на кухню.— Зачем менять установившийся порядок? Ты человек семейный, и дети к тебе в гости по субботам ездят... Нет, нет, Маня, не обижайся.

Я хотела еще добавить: «И гусака твоего я боюсь»,— но разговор уже переключился на другое. Я спросила, где хозяин дома, которого Мария по давней привычке называет десантником, и, узнав, что он загодя поставлен директором совхоза на ремонт зерносушилки, стала спрашивать о детях Марии. И она обстоятельно отвечала: сын в Сургуте нефть добывает, дочка в областном городе на заводе.

— Ну, а я, как вечер, коня запрягаю и по всей улице еду — дополнительное молоко от частных коров собирать. Хорошая работа: целый день дома. Но, правда, раньше одиннадцати ночи не освобождаюсь: пока на молоканку фляги сдам да пока мой «десантник» коня на скотный не отведет — мы и ужинать не садимся. А врачи говорят, вредно ночью есть. Ну, а как же нам с пустым животом спать ложиться? Вон Михаил рассказывает, что парашютисты после неба и то ужинали...

В голосе ее ни капли насмешки, скорее удивление: как же это Михаил не боялся — такой вроде бы хлипенький, небольшого роста, добрейший человек с голубыми глазами — вываливался куда-то в ночь из самолета, да еще над вражеской территорией.

Смотрим с Марией друг на друга, улыбаемся, ищем в лице перемен... Ага, вот они: у Марии полон рот металлических коронок. Не пожалели районные протезисты металла, испортили женщину. А ей бы за труды военных лет надо было сделать зубы, как кинозвездам делают,— белейшие, фарфоровые. Еще девчонкой начала Мария терять зубы — то ли от нехватки витаминов (тогда еще не знали толка в молодой крапиве и тертой моркови), то ли от переживаний это случилось: ее, шестнадцатилетнюю трактористку, посылали в Омск добывать запчасти, нигде и никем не запланированные. А ездить приходилось на крыше вагона...

Я не знаю, кем была в военные годы Звонариха, но на ее комплекции, как и на цвете лица, никак это не отразилось. А вот Мария, худая, смуглая и с таким впалым девичьим животом, что я все время посылаю ее к доктору — посмотреть, что там приключилось с ее здоровьем.

— Да ничего не приключилось,— отмахивается Мария.— Комплекция у меня такая. А что лицом смугла — так это от мордвы, наверное. Тятя русским был, а мама — мордовка.

Поспрашивали друг друга, какие у кого новости да успехи, насчет Марииных детей поговорили — она была ими довольна, и я окончательно вошла в атмосферу Краснополья и дома Марии.

— А что это твой Митька возле ворот трется?— спросила, когда мы принялись завтракать.

Мария засмеялась.

— Вот о чем тут мы ни говорим, а Митька из головы у тебя не выходит. Зря ты гусей не любишь, умная это птица.

— Злющая птица!

— Нет, он не злой, а как бы военный... Защитник он. Тебя в дом не хотел пускать потому, что две гусыни на яйцах сидят.

Я насторожилась:

— Все те же гусыни?

— Те же. Прошлогодние.— Мария улыбается, и в продолговатом лице ее, в продолговатых миндалевидных глазах улавливаю я замечаемое и прежде сходство с женщинами картин Гогена. Тех, что сидят под пальмами у хижины.— Ты роман о моих гусынях не написала?

— Будет срок, напишу.

В прошлом году у меня с ее гусынями смешная история вышла. Все так же по приезде засиделась я у Марии допоздна; дождик начал накрапывать, и Михаил предложил мне остаться у них ночевать. В этом был резон: моя бабка Параска, у которой я всегда квартирую, живет на другом конце деревни. Улица хотя и освещена, но в дождь на ней сразу образуются лужи. Михаил был прав: где засиделась, тут и ночуй. Но Мария как-то не очень на этом настаивала. И я обиделась. Мне показалось, что ей жаль нарушать в горнице свое пухо-перовое великолепие. Сами-то они с Михаилом на кухне спали.

Так я ей об этом и сказала.

— Да ты что?!— замахала она на меня руками.— Да хоть сразу на двух спи, не жалко. Я потому сомневалась, что под ними гуски на яйцах сидят. А Митька шебутной. Вон у него под окнами «застава»-то. Как чужого учует, да если еще гуска шевельнется — гвалт на всю деревню подымет.

— Ну и что...— сказала я беспечно.

— Посмотрю я на тебя на рассвете,— многозначительно подал голос «десантник», укладываясь в кухне на свой дерматиновый.

Представление началось действительно на рассвете. Гуска, тихо сидевшая в своей плетеной корзинке, вдруг завозилась, поднялась там во весь рост, так что спина ее коснулась панцирной сетки моей кровати, да как гаркнет! Куда там магнитофону Звонарихи с нежной его мелодией!

Я так и подпрыгнула на своей угретой перине. А в палисаднике под окнами Митька на своей «заставе» завопил, заблажил на всю улицу. Гуска кричала под кроватью, он исходил гаганьем уже на крыльце. В комнату вбежала Мария в длинной белой рубахе, с распущенными черными волосами и... в дедовых валенках. Высоченных валенках, ибо покойный ее тятя был гренадерского роста.

— А чтоб тебя язвило!— по-сибирски выражалась хозяйка, откидывая подзор кровати.— Молчи, дура!

Ну, где там! Крикливая гуска словно издевалась над сонным домом. На блестящем, как бы отлитом полу гуска била себя по бокам мощными серыми крыльями да еще норовила при этом напасть на свою хозяйку. Нет, зря все-таки отстаивала Мария какую-то особенность этой глупой птицы. Самый бодучий козел и тот будет деликатен со своей кормилицей.

Михаил же, обещавший мне «посмотреть», что будет на рассвете, мирно посапывал на своем диване.

— Маня, не волнуйся, я уже выспалась. Мне очень хочется посмотреть, что будет дальше. Нет ли у тебя еще одних валенок?

Хвала покойному деду, который был запасливым! Хвала и неторопливому девятнадцатому веку, позволявшему пимокатам так любовно расписывать белые поярковые валенки замысловатыми вензелями. Ну, что ж, гуска — не собака, к лицу не подпрыгнет, а за коленки я была спокойна. И потому храбро направилась в кухню, где гуска все еще мурыжила хозяйку.

— Чего же ты ее не выпустишь?

— Тебя жду! — огрызнулась Мария, снимая дверной крючок с петли.— Или я твоих запросов не знаю? Тебе это вроде спектакля.

— Ладно, ладно, не томи гуску. Да и Митьку тоже.

А Митька дебоширил уже на крыльце, ожидая, когда распахнется сенная дверь. И она распахнулась. Птицы Марию чуть с ног не сбили — так бросились друг к другу. Но тут и Мария, выведенная из себя, наподдала черным дедовым валенком каждому из супругов в мягкий зад. «Что б вы провалились, окаянные!»

— И со второй гуской то же будет? — спросила я, когда мы обе вернулись в комнату, чтобы в окно понаблюдать за свиданием.

— Нет, со второй все тихо будет. Она нелюбимая.

— Как это нелюбимая?

— А вот так. Хоть закричись, не подойдет!

В окно мы видели и слышали, как «разговаривают» гуси и как Митька мимоходом перебирал перышки на ее широкой спине, выискивая блошек. А гусыня в это время жадно хватала молодую, влажную от росы траву. Потом Митька, гоготнув, повел ее к лужице, светло и невинно заснувшей на дороге после вчерашнего проливного. И гуска попила из нее, блаженно закидывая голову кверху. Митька стоял рядом, как часовой. Потом тронул ее клювом и первым направился к дому.

— Ведет,— вздохнула Мария.— Боится, как бы гнездо не застудила. Такой отец, такой отец — все регламенты знает, хоть самого на яйца сажай. В прошлом году она гусят не вывела, так, веришь, издолбил всю, отнимать пришлось.

— Ну, а вздыхаешь-то что?

— Опять драться надо. Сколько раз дедовы валенки выбросить хотела, уж и подошвы на них не осталось, а нельзя... Заклюют.

Мы заговорились и не уследили, как обе птицы оказались в комнате. Ну и сражение дал нам Митька! Ему непременно требовалось самому лично посадить свою любимицу на гнездо. И он все-таки прорвался под кровать и, видя, что гуска уместилась в корзинке, смиренно присел рядышком, уже беззвучно раскрывая на нас клюв. Пришлось Марии бежать в баню за клюкою и только таким путем, как вытаскивают из печи чугун, извлекать Митьку из-под кровати. Снова затевать драку, да еще с двумя женщинами, вооруженными клюкой и «усами» от телевизора, он не захотел. Гоготнул на нас обеих и, оскорбленный, ушел в раскрытые двери.

— Фу-у, упарилась! — повалилась на вторую кровать Мария.— Поспать бы еще часок, так стадо скоро погонят, корову доить надо.

— А что же вторая-то? — напомнила я еще об одной гусыне.

— Эта порядок знает. Любимица погуляла, теперь ее черед. Да вот она... Ах ты, моя горестная,— принялась приговаривать Мария, тут же присев возле кровати, чтобы ободрить тихую гуску.— Ну, ступай, ступай, разомнись немножко, повидайся со своим змием!

— А он подойдет к ней?

Мария отрицательно покачала головою.

Белая гуска стояла возле подзора, потягивая то одно, то другое крыло; видно было, что все в ней занемело. Она была поменьше, поизящней серой, и когда направилась к двери, то не важничала, не переваливалась, как серая. Она не издала ни единого звука. Ни единого! Мы с Марией заранее были готовы простить ей эти крики. Но нет! В полном одиночестве сходила она на клубную лужайку, пересекши для этого грязную дорогу. По моим наблюдениям, она и травки-то не пощипала, а как-то горестно постояла на крутом обрыве, смотря на далекие луга, заваленные туманом, как облаками... Из лужицы, однако, попила и вошла в дом, ничем не нарушая его покоя.

— А Митька где же? — спросила я, потрясенная этой сценой.

— На «заставе», где же еще? Взгляни в окно, удостоверься. И целый день тут будет, отощал весь.

Безбоязненно, уже скинув дыроватые валенки, подошла Мария к кровати, чтобы откинуть подзор для терпеливо ожидающей этого жеста гуски.

— Не подошел он к тебе? — заговорила Мария с птицей.— Ну и черт с ним. Нашла о ком печалиться; вон у Звонарихи какой гусачок уважительный, так нет, ты все возле Митьки трешься. Не дай бог яйца пустые, зарежет тебя хозяин на покосные щи!

— Ни в коем случае! — закричала я.— Ты серую гуску зарежь, тогда он эту полюбит!

— Не полюбит. И гуси мои тогда переведутся. Нет уж, наши поправки им ни к чему. Тут все, как у людей. Вот ты все о любви пишешь, а главного в жизни не усмотрела. Любишь не тогда, когда знаешь за что, а тогда, когда не знаешь... Эта любовь самая прочная и нерасторжимая.

— Как у тебя с Михаилом? — спросила я, озаренная догадкой.

Но Мария ничего мне не ответила. Не ответила год тому назад, не ответит и нынче. Не любит она отвечать на то, что ясно без слов.

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

Дебют Нины Новосельновой состоялся двадцать лет назад. И первые же ее стихи привлекли внимание широкого читателя. Написанные в традиционной, внешне непритязательной манере, они в то же время, что называется, хватали за душу, покоряли задушевностью интонации, исповедальной чистотой рассказа. О «молодости в шинели фронтовой», о боевых друзьях и подругах, с которыми поэтесса прошла путем утрат и обретений, пока тяжелая контузия не вырвала ее из их рядов, рассказала Н. Новосельнова в пятом по счету сборнике, «Это было так близко...».

Поэтесса верна себе, своему однажды избранному поэтическому пути. Как и ранее, главные героини ее стихов — «девчата «второй хирургии». По-прежнему она верна памяти товарищей, которые «шли — и падали под свинцом», умирали от ран на руках медсестер... И все так же

И ранит мелодия душу
И мягко врачует ее.

О чем бы Н. Новосельнова ни писала, память ее неизменно уводит в далекое прошлое, снова и снова проигрывает кадры того, как «то лощинками, то склонами ты за раненым ползла, полудетскими ладонями чью-то гибель отвела».

Вспоминаются «блиндажи, где у печек ладони грели», первая любовь:

Та горькая, та несмелая
Любовь помогала мне.
Не хуже других я сделала
Дело свое на войне!

Должен оговориться. Н. Новосельнова совсем не похожа на сурового летописца, отрешившегося от всех мирских радостей настоящего и находящего удовольствие в раздражении старых телесных и душевных ран. Отнюдь нет! В стихах ее много солнца и воздуха, жизнерадостности. Пейзажи Подмосковья и средней полосы России оживают под ее пером. А в ряде стихотворений поэтесса приглашает читателя в... сказку. И тут же резюмирует: «Нет глубин — так, значит, нет и сказок, а без сказок мне и свет не мил».

Но, конечно, основой сборника Н. Новосельновой является фронтовая лирика, стихи-воспоминания.

Над осинкой невысокою,
Над зеленою водой,
Над шуршащею осокою
Всходит месяц молодой.

Что может быть прекрасней картины тихого летнего вечера! Живи и радуйся, наслаждайся покоем... Ан нет, и тут неотвязное:

Под сосной — блиндаж заброшенный...

А где блиндаж, пусть и заброшенный, там и «седые адресаты», те самые, которым лирическая героиня «под пулями когда-то», рискуя жизнью, «носила весточки любви», кого выносила на плащ-палатке из-под огня... И когда Н. Новосельнова заявляет:

Мы на спинах своих
Дотащили солдатскую славу,—

мы с волнением читаем это еще одно поэтическое слово воина, прошедшего Великую Отечественную, человека, недавно отметившего свое шестидесятилетие, но сохранившего молодость души.

Иван ИСАЕВ

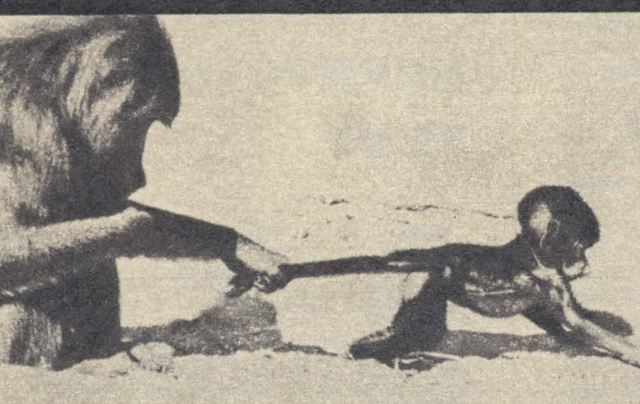
Нина Новосельнова. Это было так близко... М., «Современник». 1977, 110 стр.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

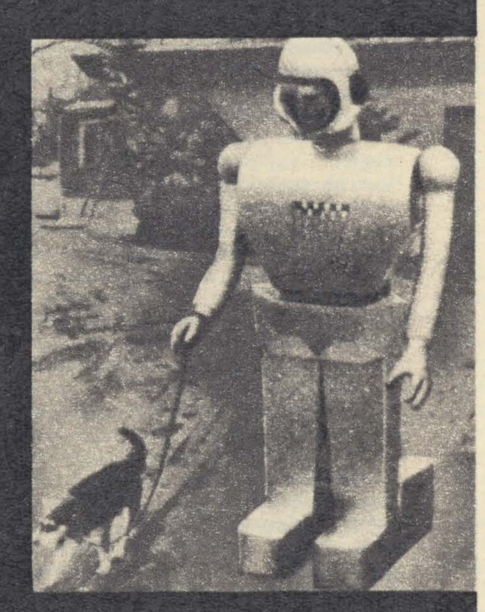
шайбу... шайбу

Сборные Англии и Нидерландов провели матч по подводному хоккею. У нового вида спорта есть преимущество: нельзя вступать в прения с судьей. Но, видимо, плохо, когда не слышишь подбадривания болельщиков.

не тут-то было

Ох уж эти дети! Непоседливы и строптивы. Малышка из зоопарка Франкфурта-на-Майне (ФРГ) пытается увильнуть от мамы.

пока на легкой работе

Всю домашнюю работу может выполнять робот, сконструированный жителем Чикаго Беном Скорой. Изобретатель подарил железного помощника своей жене, но та как-то не особенно вдохновилась перспективой иметь рядом с собой на кухне кибернетического великана весом 250 килограммов. Между тем хозяйка охотно позволяет роботу прогуливать собаку.

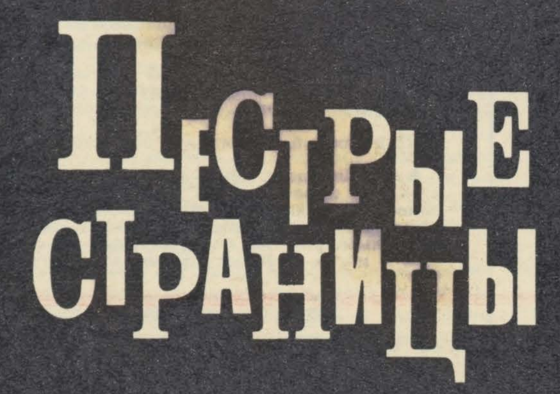

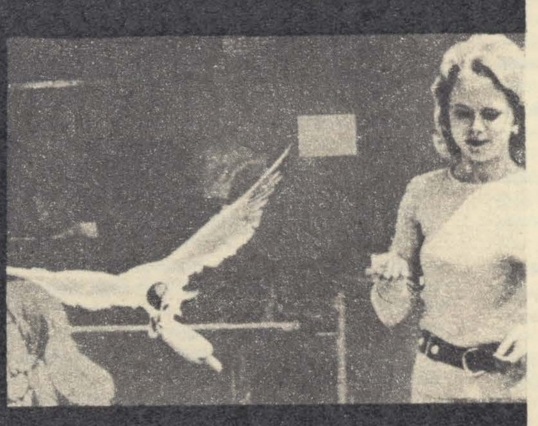
на зависть мужчинам

Англичанин Джон Рой не спортсмен, однако на его долю выпала возможность стать рекордсменом. Сейчас он обладатель самых длинных (около двух метров) усов в Великобритании. Джон Рой носит усы 38 лет.

разбойница в зоопарке

Чайка улетает с добычей: в ее клюве булка с сосиской. Одна из посетительниц стокгольмского зоопарка зазевалась и осталась без завтрака. Кстати, чайка частенько обирает и морских львов, отнимая у них во время кормления рыбу.

«ДОМОВОМУ» — 75 ЛЕТ

Кажется, будто всю жизнь Бориса Михайловича Филиппова называют «домовым». Да, впрочем, он и сам себя так зовет (смотри «Записки домового», ему принадлежащие). Наверное, прозвище возникло потому, что Борис Михайлович долгое время занимает пост директора Центрального Дома литераторов. Он на самом деле добрый дух, опекающий и тех, кто сюда хоть изредка приходит и кого тут встречаешь постоянно. Всем друг, помощник, доброжелатель. В нем естественно и светло живет та редчайшая, непоказная человечность, которая именно и привлекает к нему сердца самых разных людей: они вдруг все обретают общность и согласие в этой привязанности к своему «домовому».

Борис Михайлович широко известен как литератор, человек широкого творческого диапазона. Издательство «Советская Россия» только что выпустило в свет книгу Б. М. Филиппова «Записки домового», где автор, лично знавший, кажется, всех писателей нашего времени, всех знаменитых людей искусства России, делится с читателями своими интересными, всегда с добрым и светлым юмором написанными воспоминаниями. Это не мемуары, а словно сама жизнь, схваченная в ее неповторимых мгновениях, встречи и впечатления человека очень наблюдательного, остроумного. Они переданы живо, в сценах непридуманных и броских, полных той неувядаемой молодости, которая есть, пожалуй, главное свойство души нашего «домового».

Пусть же он многие годы радует нас этой главной чертой своей талантливой натуры.

ЛАХТИНСКАЯ ЛЫЖНЯ

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Да, лыжное дело ох какое нелегкое! Снег, мороз, резко пересеченная трасса многокилометровой дистанции, усложняющаяся с каждым годом, рост скоростей... В этом виде спорта призовая медаль любого достоинства весит много, и одиннадцать медалей — три золотые, пять серебряных и три бронзовые, которые увезли советские гонщики из Лахти,— груз чрезвычайно весомый.

У меня перед глазами все еще мелькают кадры отчаянной борьбы Евгения Беляева со шведом Свеном-Оке Лундбаком, финном Матти Питкяненом и неожиданно возникшим французом Жаном Пьерра. Все они имели перед Беляевым тактическое преимущество, начав гонку на 50 километров после него. Это придавало борьбе особый интерес и напряжение. Но разве все, что предшествовало этому заключительному аккорду мирового чемпионата, было менее красочным и значительным?

После первых двух победных дней, принесших нам две золотые и две серебряные медали, разразилась первая неудача: всего лишь бронзовая медаль в женской гонке на 5 километров. Когда финская премьерша, чемпионка Олимпиады 1976 года на этой дистанции Хелена Такало завершила дистанцию за 18 минут 53,50 секунды, улучшив время Зинаиды Амосовой, мы еще верили в удачу.

Но и результат Сметаниной, стоявший в предварительном протоколе вторым, под занавес отодвинула на третье место другая финская гонщица, Хилкка Риихивуори.

Ну, а что же Кулакова, конечно, спросят нас лыжные знатоки? Мы уже писали в своем первом репортаже, что Кулакова болела, но теперь стало ясно, что эта причина не единственная в ее неудачах. И когда мы узнали состав нашей эстафетной команды, в которой Кулакова должна была завершать гонку, мы, признаться, дрогнули... Первый этап выиграла финская гонщица. Второй закончился для нас успешно: Амосова первой передала эстафету Сметаниной. И снова грозный сигнал: третий этап завершился успехом Риихивуори — она показывает лучшее время среди всех участниц эстафеты. Галина Кулакова, вовлеченная в изматывающую схватку с лыжницей из ГДР, не смогла подхватить рывок Такало и под занавес пропустила вперед и представительницу ГДР. В итоге — третье место в эстафете, а ведь в Инсбруке наша команда была первой.

А на следующий день нас ожидал еще один удар — на дистанции мужской эстафеты. До нынешнего чемпионата нам удавалось всего лишь однажды на первенстве в Высоких Татрах добиться золотых медалей в эстафете, но уж четвертое место...

Обычная первая мотивировка неудачи в лыжном спорте всегда одна и та же: плохая смазка лыж. Но если даже допустить, что наши тренеры так серьезно ошиблись, хотя гонки проходили в идеальных условиях, при устойчивом морозе и ярком солнце, то не слишком ли уж обильное количество ошибок допустили они? Ведь в эстафете были неузнаваемы и Беляев и Зимятов. А в женской эстафете — Сметанина и Кулакова.

Что же случилось с нашими гонщиками, так хорошо начавшими чемпионат? Слишком засиделась команда на высоте в Бакуриани, и спортсмены, приехав в равнинную Финляндию, попали неожиданно под лавину акклиматизации? Такая догадка напрашивается сама собой. Чем же еще можно объяснить неудачу многократного победителя на спринтерской 15-километровой дистанции Бажукова? Ведь он был в Лахти неузнаваем.

Сколько неожиданностей ждало нас на этой искрометной дистанции? Знатоки привыкли немного свысока относиться к представителям нелыжных держав: куда им тягаться со скандинавской элитой?! И уж сколько раз в прошлом они попадали впросак. Так, в ряды победителей прорывались итальянцы, а затем снискали всеобщее уважение гонщики ГДР, которые теперь прочно заняли место среди сильнейших лыжных асов. И вот теперь — поляк Лушек! Кто знал возможности Юзефа Лушека перед гонкой на 30 километров? А ведь он там совершенно неожиданно попал в число призеров. И вот перед гонкой на 15 километров, увидев фамилию Лушека среди сильнейших в конце стартового протокола, теперь уже никто не удивился. Все журналисты пытались выяснить: кто же он, этот молодой лыжный гонщик? Удалось установить немного: оказывается, Лушеку 23 года, он ровесник нашего Зимятова. Родился в горном городке Закопане. Его тренер Будны сделал из него отличного спортсмена. Еще два года назад Будны приготовил Юзефа к выступлению на Олимпийских играх в Инсбруке, но Лушек повредил ногу и выступить не смог. Мы впервые услышали о нем только в прошлом сезоне, когда он, выступая на чемпионате дружеских армий, дал «жару» самому Савельеву, заняв после него второе место в гонке на 50 километров. И вот Лахти. Лушек взял старт под номером 73, в окружении таких знаменитостей, как финн Матти Питкянен и норвежец Ларс Эриксен. Все они пытались внести коррективы в заявку Лушека на победу, но сделать это никому не удалось. Неожиданно для всех Лушек стал чемпионом мира, а вслед за ним второе место в финальном протоколе занял Евгений Беляев. Вопреки всем нашим ожиданиям именно Беляев, а не Бажуков, наша главная надежда, сумел проявить себя в этой гонке.

Это было прекрасное выступление, но могли ли мы предполагать, на что еще способен Евгений Беляев, этот поистине могучий спортсмен? Выступая во всех трех гонках, он, оказывается, сохранил силы еще и на четвертую. Но тогда, после завершения 15-километровой дистанции, наше внимание снова было приковано к лыжницам. Это была первая в истории лыжных чемпионатов гонка на 20 километров. Как-то она сложится для наших гонщиц?

После пяти километров лидерство захватила Зинаида Амосова. 10 километров позади — теперь лидирует Кулакова... 15 километров. Кулакова и Амосова во главе гонки. И вот финиш, вызвавший яростный восторг переполненных трибун. Финиширует Кулакова, снова неутомимая, не привыкшая уступать Галина Кулакова. Ее время 1 час 13.08,11 секунды. Финиширует финка Риихивуори и не может побить ее результата. Затем появляется Хелена Такало и тоже показывает отличное время. Теперь последнее слово за Амосовой, которая стартовала 43-й, последней. И она не упустила своего шанса, побив результаты всех своих главных соперниц и завоевав второе «золото».

Оставался один из самых долгожданных номеров программы — гонка на 50 километров. Она, как известно, завершилась успехом шведа, а Евгений Беляев завоевал свою вторую серебряную медаль. До прихода шведа Свена-Оке Лундбака, последним взявшего старт, Беляев прочно стоял в первой строке. Не удалось финну Матти Питкянену, который после 10 километров возглавлял гонку, а после 30 занимал второе место, прорваться в число претендентов. Да и Лундбак выиграл у Беляева меньше минуты. Именно за счет того, что, финишируя последним, имел возможность точно соразмерить свои усилия. А как бы сложилась гонка, если бы наши тренеры правильно оценили возможности Беляева? Они по традиции сделали ставку на Савельева, видимо, не учитывая того, что этот замечательный гонщик отдал все свои силы для победы на дистанции 30 километров. Видимо, в предварительных расчетах, как и в борьбе на лыжне, бывают свои удачи и неудачи.

Итог чемпионата, как я уже писал выше, для нашей команды очень почетен. В ходе гонок то и дело звучали по радио имена советских спортсменов. Никто не завоевал такого количества медалей. Но нам есть о чем подумать: как готовить резервы (одного Зимятова нам мало) и как доводить гонщиков безошибочно к высшему пику формы в самый нужный момент. И как пореже ошибаться в смазке лыж и правильном тактическом распределении гонщиков. Вопросы эти не новые, но решить их необходимо.

Лахти, по телефону, 27 февраля

Зинаида Амосова и Галина Кулакова после победы на 20-километровой дистанции.

Евгений Беляев стал серебряным призером в гонках на 15 и 50 километров.

страницы минувшего

ТАЛАНТ ШУТКИ

В фотографии Пейрош
В фатовском немного вкусе
Я снимался, и хорош,
И красив я вышел, Муся.

Я в натуре не такой —
Не блистаю красотою...
Ведь я братец твой родной
И одно лицо с тобою.

И. Бунин

Бунин мало знаком читателю как автор экспромтов и шуточных стихов, а между тем он любил и умел их сочинять.

Вот, например, стихотворение — плод коллективного творчества Куприна и Бунина. Оно написано в Ялте во время визита к В. Харкевич:

В столовой у Варвары
Константиновны
Накрыт был стол
отменно-длинный:
Была тут ветчина, индейка, сыр,
сардинки —
И вдруг ото всего — ни крошки,
ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

Бунин писал о Чехове: «...выдумывать и уметь сказать хорошую нелепость, хорошую шутку могут только очень умные люди, те, у которых ум "по всем жилушкам переливается". И сам он чрезвычайно ценил этот талант, талант шутки, и тех, кто быстро улавливают шутку...»

Этим талантом в полной мере обладал и сам Бунин, которого зачастую ошибочно представляют неизменно строгим и академически сухим человеком.

А. АРОНОВИЧ

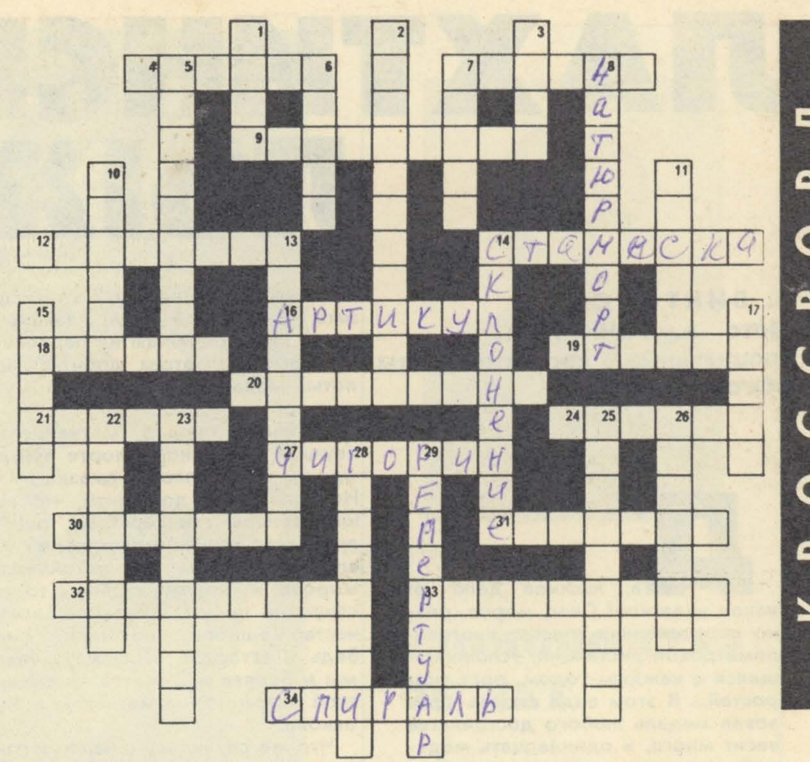
В бунинской «Жизни Арсеньева» есть эпизод, где рассказывается о приезде Арсеньева в Орел: «В Орле я непристойно нарядился,— тонкие щегольские сапоги, тонкая черная поддевка, шелковая красная косоворотка, черный с красным околышем дворянский картуз,— купил дорогое кавалерийское седло, которое было так восхитительно своей скрипящей и пахучей кожей, что, едучи с ним ночью домой, я не мог заснуть от радости, что оно лежит возле меня».

Это эпизод биографический. В архиве Литературного музея хранится снимок, сделанный в фотографии Б. Б. Пейроша, в Орле, в 1889 году. Бунину здесь девятнадцать лет. При взгляде на фотографию, где изображен щеголеватый молодой человек в бурке и дворянском картузе, вспоминается шутливое прозвище, данное Бунину Чеховым: «Господин Букишон, французский депутат и маркиз».

История этого снимка есть в книге воспоминаний В. Н. Муромцевой-Буниной: «Пришел срок платить проценты в орловский дворянский банк. Родители решили воспользоваться поездкой Вани, дали ему денег. Но он деньги не все внес в банк, а купил себе кавалерийские сапоги, синюю, тонкого сукна поддевку, дворянскую фуражку, бурку и седло. И, конечно, сразу же снялся в этом наряде».

На обороте фотографии, хранящейся в музее,— неизвестный автограф Бунина, публикуемый впервые. Это веселый экспромт — посвящение сестре:

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Литовский советский писатель. 7. Приманка для ловли рыбы. 9. Столица АССР. 12. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 14. Дереворежущий инструмент. 16. Обозначенная цена на товаре. 18. Растение семейства мимозовых. 19. Деталь затвора фотоаппарата. 20. Порт в Колумбии. 21. Стихотворение А. С. Пушкина. 24. Полуостров между Мексиканским заливом и Карибским морем. 27. Русский шахматист. 30. Пушной зверек. 31. Ягодный кустарник. 32. Русский архитектор, построивший Казанский собор в Петербурге. 33. Телескоп. 34. Винтообразная линия.

По вертикали:

1. Птица семейства вороновых. 2. Пьеса К. Гольдони. 3. Роман Ф. М. Достоевского. 5. Первая русская печатная газета. 6. Бахчевая культура. 7. Немецкий композитор, пианист и дирижер. 8. Картина, на которой изображены неодушевленные предметы. 10. Тонкая деревянная пластинка. 11. Звезда созвездия Близнецов. 13. Советский актер и кинорежиссер. 14. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам. 15. Порода собак. 17. Часть стены, потолка, обрамленная орнаментом, лепкой. 22. Химический элемент. 23. Сорт яблок. 25. Старинный музыкальный инструмент, предшествовавший фортепиано. 26. Колесная или гусеничная машина. 28. Курорт в Краснодарском крае. 29. Совокупность пьес, исполняемых в театре.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

7. Ставангер. 8. Коллекция. 10. «Сильва». 11. Фронтон. 12. Дарвин. 13. Котангенс. 16. Сенбернар. 18. Комиссаржевская. 21. Дирижабль. 23. Акватория. 25. Челнок. 27. Вышивка. 28. Каунас. 29. Сепаратор. 30. Астрограф.

По вертикали:

1. Агава. 2. Мегафон. 3. Деление. 4. Стенд. 5. Столетов. 6. «Литвинка». 9. Интерпретация. 14. Громова. 15. Слесарь. 16. Селенга. 17. Баккара. 19. Барельеф. 20. Тарантас. 22. Левитан. 24. Квартал. 26. Корма. 28. Кроки.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Анна Григорьевна, Света и Лена Мацкевич. (См. в номере материал «Счастье Анны Мацкевич»).

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Козули» — так называются архангельские пряники. После выпечки их раскрашивают белыми и цветными кремами.

Эти пряники сделала жительница поселка Уемского, Приморского района, Архангельской области, Александра Григорьевна Назарик.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

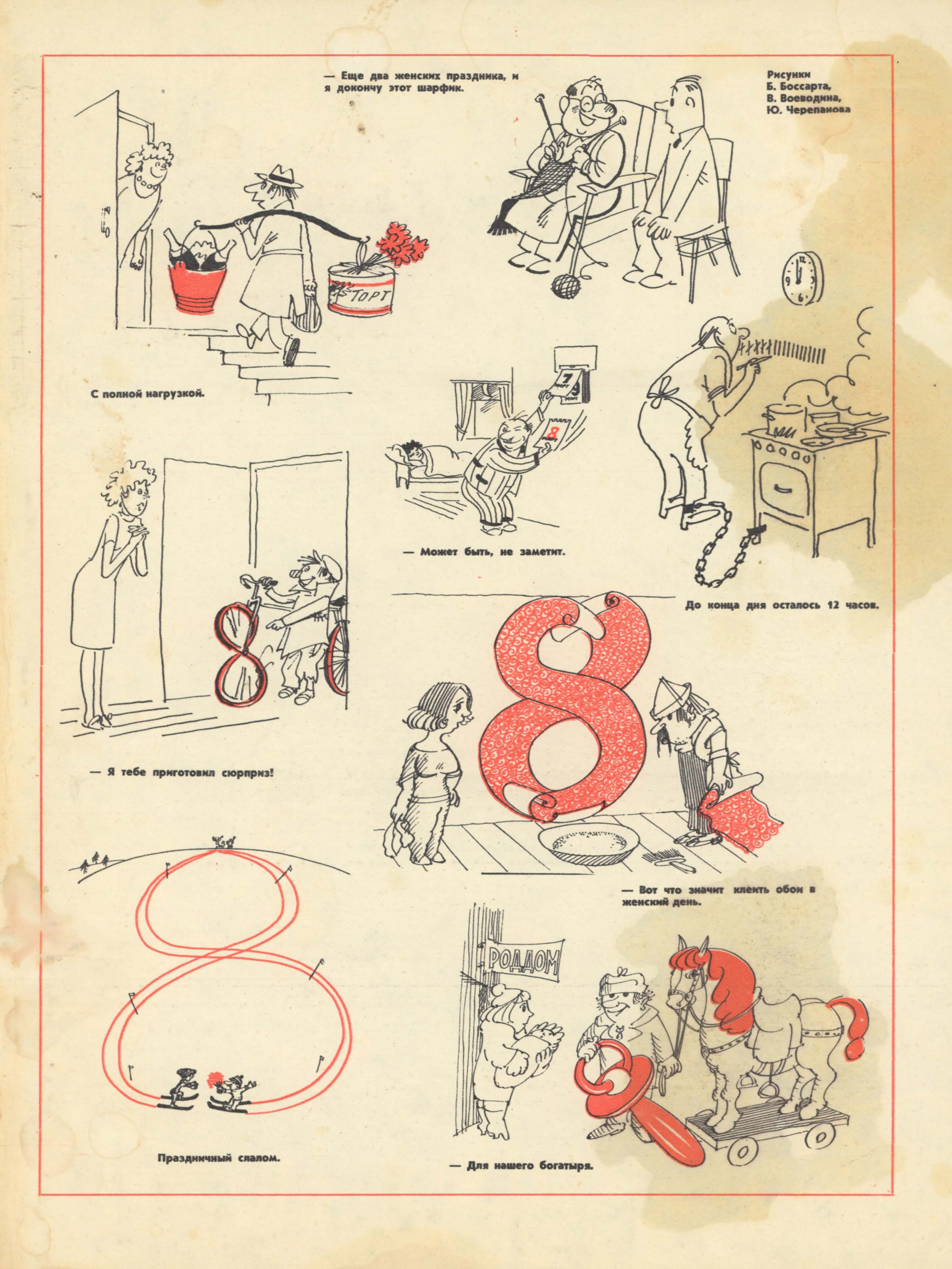
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 13/II — 1978 г. А 01124. Подп. к печ. 28/II — 1978 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч-изд. л. 11,55. Изд. № 538. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1806.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

С полной нагрузкой.

— Еще два женских праздника, и я докончу этот шарфик.

Рисунки
Б. Боссарта,
В. Воеводина,
Ю. Черепанова

— Может быть, не заметит.

До конца дня осталось 12 часов.

— Я тебе приготовил сюрприз!

— Вот что значит клеить обои в женский день.

Праздничный слалом.

— Для нашего богатыря.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663